

Максим Северин Александр Ильюшечкин

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ РЖЕВСКОЙ БИТВЫ

Великая Отечественная: Неизвестная война

**Максим Северин
Александр Ильюшечкин**

**Решающий момент
РЖЕВСКОЙ
БИТВЫ**

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2010

УДК 355/359
ББК 68
С 28

Оформление серии *П. Волкова*

Северин М. С.
С 28   **Решающий момент Ржевской битвы / Максим Северин, Александр Ильюшечкин. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 256 с. : ил. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).**

ISBN 978-5-699-42260-9

Начало 1942 года. После поражения под Москвой немецкие части откатываются на запад. Центральный участок фронта буквально трещит по швам. Судьба Вермахта висит на волоске. Из Берлина несутся истерические приказы в духе «Ни шагу назад!». Кажется, еще одно усилие, еще один удар Красной Армии — и вражеская оборона рухнет. В этой ситуации советский Генштаб планирует грандиозное наступление, по своим масштабам превосходившее даже Сталинградскую операцию, — гигантские клещи Калининского и Западного фронтов должны сомкнуться в районе Вязьмы, отрезав и похоронив в Ржевском котле четыре немецкие армии! Если бы этот замысел удалось реализовать, Вермахт уже вряд ли оправился бы после столь сокрушительного разгрома, что означало коренной перелом в ходе Второй Мировой — вся война могла пойти по другому, гораздо более благоприятному для нас сценарию.

Почему этим надеждам так и не суждено было сбыться? По чьей вине операция закончилась провалом, а Красная Армия «завязла» под Ржевом на долгих пятнадцать месяцев? Кто в ответе за поражение и чудовищные потери? Как немцам удалось избежать разгрома и стабилизировать фронт? Почему наступление, которое могло стать величайшим триумфом советского оружия, вошло в историю как «Ржевская мясорубка»? Анализируя решающий момент Ржевской битвы, эта книга отвечает на самые сложные и болезненные вопросы истории Великой Отечественной войны.

**УДК 355/359
ББК 68**

ISBN 978-5-699-42260-9

© Северин М.С., Ильюшечкин А.А., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Новый, 1942 год многие солдаты вермахта на Восточном фронте встречали в привычном для себя состоянии — маршируя в походных колоннах. Однако марш этот вовсе не походил на победоносное шествие по захваченной территории, ставшее главным сюжетом германской кинохроники на протяжении последних нескольких лет, да и солдаты утратили былую фотогеничность: страдавшие от вшей, многие с обморожениями, в грязных бинтах, спешно утепившиеся отобранными у местного населения валенками, рукавицами и прочими «элементами зимней амуниции», они представляли откровенно убогое зрелище.

Впервые за Вторую мировую войну десятки немецких дивизий, избегая полного разгрома, отступали, повсеместно бросая технику и вооружение, и отступлению этому не было видно конца. Длинные, едва различимые сквозь снежную пелену, серые колонны людей с измученными и безразличными ко всему лицами шагали на запад изуродованными войной дорогами мимо догоравших подмосковных деревень. Весь мир удивленно следил за тем, как под ударами Красной Армии рассыпаются на части и тают не знавшие доселе поражений грозные немецкие танковые силы, которые до этого никому не удавалось не только отбросить и раздробить, но и просто надолго остановить. Ощущение непобедимости военной машины и абсолютной безупречности германской военной идеи стало постепенно улетучиваться из умов миллионов ранее не сомневавшихся в этом людей.

Но одна интересная особенность декабрьских боев под Москвой бросается в глаза: окружение — это самый вер-

ный способ уничтожить крупные силы врага, отсекая его от путей снабжения и лишая их возможности отхода, но почти за целый месяц продвижения вперед советским войскам не удалось загнать немецкие части в мало-мальски крупный «котел». Не вдаваясь в тонкости военной науки, обыватель может объяснить это довольно просто: «Какая могла идти речь о попытках окружения немецких войск, когда они стояли в паре десятков километров от Москвы и судьба советской столицы, да и исход всей войны висели на волоске? Было нужно как можно скорее ударить всеми собранными силами и отогнать немцев от сердца страны, а после уже думать о каких-то окружениях». И, по большому счету, это мнение будет близким к истине, так как, заставив немецкие части отступить, отправив на тот свет и покалечив десятки тысяч солдат противника, превратив в металлолом сотни его танков и огромное количество другого вооружения, Красная Армия в конце 1941 года решила главнейшую на тот момент задачу — она отстояла Москву.

И именно в это время, когда из Ставки Гитлера отступающим на Восточном фронте войскам летели истеричные и абсолютно невыполнимые приказы в стиле «Ни шагу назад!», советский Генеральный штаб заканчивал разработку плана решающего наступления. Его целью стало ни много ни мало: закрепив достигнутый в декабре успех, разгромить главные силы вражеской группы армий «Центр» и, продолжив продвижение на запад, нанести немецким Вооруженным силам поражение, от которого они уже не смогли бы оправиться, переломив таким образом ход всей войны.

Это был план колоссальной игры на окружение, не имевший себе равных, итогом которого должен был стать полный разгром сильнейшей группировки войск противника. Гигантские «клещи» Калининского и Западного фронтов должны были сомкнуться в районе Вязьмы, отрезав пути отхода на запад для частей четырех армий противника. Северо-Западный фронт должен был продвинуться на еще большую глубину, перебить соединявшие весь центр Восточного фронта с Германией коммуникации западнее Смоленска, прикрыв тем самым процесс перемалывания не-

Немецкая пехота перед посадкой в эшелоны. В начале 1942 года от поставок грузов по железнодорожной магистрали Смоленск—Вязьма зависела судьба почти 50 немецких дивизий.

мецких армий с запада. План был амбициозен и по своему размаху даже превосходил план советской операции «Уран», блестяще претворенный в жизнь под Сталинградом десятью месяцами позже. И если бы замысел советского Генштаба был реализован хотя бы в части, то это бы вылилось для вермахта в катастрофу, рядом с которой померк бы и бесславный декабрьский отход от стен Москвы.

Последствия успеха Красной Армии в этой битве трудно переоценить. При наиболее благоприятном для советской стороны сценарии развития событий после встречи ударных группировок двух фронтов из немецкой линии обороны вырывался огромный «кусок», быстро залатать брешь от которого протяженностью в 250—300 км было невозможно. Дальнейшее продвижение Красной Армии в западном направлении становилось неизбежным. В такой ситуации прикрывать район города Смоленск группе ар-

мий «Центр» было практически нечем, и его занятие советскими частями становилось лишь вопросом времени. В итоге после уничтожения немецких войск, окруженных на огромной территории от Ржева до Юхнова, Западный, Калининский и Северо-Западный фронты вышли бы к Белоруссии. И это могло случиться не осенью 1943-го, а уже зимой 1942 года! Столь крупный успех Красной Армии на центральном участке фронта по принципу домино должен был привести к краху вражеской обороны к северу и югу от района проводимой операции. И нашлось бы после столь сокрушительного поражения у немцев достаточное количество сил для группы армий «Юг», чтобы Ставка Гитлера решилась на летнее наступление к Волге и кавказским нефтяным месторождениям? Ведь после разгрома группы армий «Центр» противнику срочно пришлось бы отставать заново весь центральный участок фронта, на что неизбежно ушла бы львиная доля людских и материальных резервов.

Не стоило сбрасывать со счетов возможности гигантской массы немецких войск, которые предстояло «окружить, а затем пленить или уничтожить». Естественно, что еще во время смыкания за спиной советских «клещей» немецкие мобильные резервы в составе передовых боевых групп танковых и моторизованных дивизий стали бы этому активно противодействовать. Контрудары из «котла» и извне для восстановления положения, экстренная переброска всевозможных немецких резервов как из Европы, так и собранных по всему Восточному фронту, попытки наведения «воздушного моста» для снабжения окруженцев топливом, боеприпасами и продовольствием — все эти контрмеры противника были неизбежными. И от того, смогла бы Красная Армия, состоявшая в большей части из сформированных в сжатые сроки частей с малоопытным личным составом, со значительной долей устаревшего вооружения, с еще довольно слабой артиллерийской составляющей и не имевшая крупных бронетанковых соединений, выстоять под контрударами и закрепить достигнутый успех, зависело, прорвутся ли крупные силы немцев из окружения на запад или нет.

Построение одной из частей вермахта перед отправкой на фронт. После первых же боев от бывлой опрятности солдат не остается и следа.

Уничтожение лучших сил немецкой армии могло кардинально повлиять и на настроения и действия в рядах стран — союзников как самой гитлеровской Германии, так и СССР. Первые могли бы серьезно пересмотреть объемы военной помощи, ограничив поставки стратегически важного сырья и отправку на передовую новых партий «пушечного мяса». Для Великобритании и США успехи Красной

Армии, в свою очередь, вызвали бы противоположную реакцию, послужив стимулом не только к увеличению объемов поставок по ленд-лизу, но, может быть, и к пересмотру сроков открытия пресловутого «второго фронта» в Европе. К тому же 7 декабря 1941 года Япония атаковала американскую военную базу Перл-Харбор, в результате чего в войну вступил столь мощный игрок, как США. СССР теперь мог не опасаться войны на два фронта, угроза которой теперь все в большей степени вставала перед самой Германией. Поэтому можно смело утверждать, что от того, заняли бы советские войска районы городов Ржев и Вязьма, отрезав силы 9, 3 и 4-й танковых и 4-й армий немцев от тылов, раздробив их и полностью уничтожив, в начале 1942 года зависело не только то, куда покатится и где остановится советско-германский фронт, но и то, как изменится весь расклад сил во Второй мировой.

Для реализации этой поистине грандиозной задачи ударным группировкам двух советских фронтов было необходимо смять пока еще не слишком мощную оборону немецких дивизий на их позициях у Ржева и в районе Юхнова и вырваться на оперативный простор, получив свободу для маневра и выбора направления удара. Но ответить одной фразой на вопрос, почему после первых успехов не удалось добить уже серьезно обескровленные предыдущими боями немецкие войска, тылы которых повсеместно громили партизаны, а вскоре и части двух воздушно-десантных и двух кавалерийских советских корпусов, невозможно. Противник, вскоре разгадавший направления ударов, не собирался ждать, когда мышеловка захлопнется, и вскоре его оборона на угрожаемых направлениях стала стремительно превращаться в непреступные бастионы. В ключевой битве, затянувшейся на целых четыре месяца, ни одна из сторон не собиралась уступать, в бой бросались все, кто мог держать оружие, инициатива переходила из рук в руки, обстановка менялась с каждым днем, потери были огромны.

Стараниями отечественных и зарубежных историков эта долгие годы безвестно забытая битва была вырвана из забвения, многие пробелы в ее истории были заполнены, увидел свет ряд замечательных беспристрастных исследова-

ний. Бои, шедшие на севере за Ржев, Оленино и Сычевку, на сегодняшний день разобраны во всех подробностях. Но сражение на южном фланге гигантского выступления немецкой обороны, разгоревшееся в полосе главного удара Западного фронта у Юхнова, имевшее не менее важное стратегическое значение, до сих пор не получило достойного освещения. А ведь именно здесь, на рубеже Варшавского шоссе, и завязла рвавшаяся к Вязьме советская ударная группировка. И если бы в те дни, когда часть сил Калининского фронта выполнила свою задачу, прорвавшись к Сычевке и Вязьме, Западный фронт силами 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 50-й армии смог взломать немецкую оборону у Юхнова и в конце концов соединиться у Вязьмы со своим северным соседом, то второй Вяземский «котел», в котором, в отличие от первого, конец пришел бы уже немецким, а не советским армиям, из плана на карте превратился бы в суровую для врага реальность.

Глава первая

ПРОРЫВЫ

«ТАЙФУН» НАОБОРОТ

Боевые действия на центральном участке советско-германского фронта в начале 1942 года можно назвать войной за коммуникации. Красная Армия, наступая, продвигалась очень неравномерно: там, где оборона немцев опиралась на крупные автомобильные и железнодорожные магистрали, наступление, как правило, резко замедлялось и превращалось в медленный и кровопролитный штурм вражеских позиций.

К первым числам января сложилась довольно благоприятная для окружения группы армий «Центр» конфигурация линии фронта. Главным образом это произошло из-за неравномерного продвижения советских частей: в одних местах удавались глубокие и опасные для немцев прорывы, в других районах противнику удавалось контролировать обстановку, парируя удары советских частей и планомерно отступая. Так, на южном крыле Западного фронта мощная в пехотном отношении 10-я армия в первых числах января пробила глубокий прорыв между Калугой и Белевом. Противник был отброшен с его оборонительной линии на правом берегу Оки. 2-я танковая и 4-я армии вермахта, отходя в противоположенных направлениях, утратили взаимодействие, а советский прорыв на их стыке принял угрожающие размеры. В прорыв вошел и 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-майора П.А. Белова. Немецкая линия обороны здесь полностью рассыпалась, остатки немецких подразделений, беспорядочно отступая, пытались уйти из-под удара. Генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, командовавший на тот момент 10-й армией, позднее описывал положение следующим образом:

«...Теперь севернее Белева, вплоть до Калуги, у противника зияла широкая брешь, «чистый» прорыв обороны по всему фронту и на глубину до Сухиничей. Накануне, т.е. 30 декабря, войска 50-й армии взяли Калугу. А до этого — Перемышль, Лихвин.

27 декабря корпус Белова при участии переданной от нас 75-й кавалерийской дивизии В.А. Канинского овладел Козельском. Здесь же рядом действовали 239-я и 324-я стрелковые дивизии 10-й армии, а южнее вышла на Оку 323-я.

Для войск левого крыла Западного фронта в связи с такой обстановкой открылись большие возможности. У противника на значительную глубину здесь не имелось ни оперативных, ни тактических резервов, а то, что гитлеровское командование перебрасывало в район Вязьмы и Сухиничей из Германии и Западной Европы, пока не представляло собой ничего цельного и компактного. Это были лишь отдельные головные эшелоны разного рода частей и дивизий.

Западный фронт, прорвав оборону группы армий «Центр» от Калуги до Белева, блестяще завершил этап контрнаступления войск своего левого крыла и получил возможность перейти в общее наступление для осуществления плана окружения главных сил этой группы армий...»¹.

К сожалению, красиво и громогласно звучащий последний абзац цитаты мало совпадает с действительностью, так как месяц ожесточенных боев не прошел для наших подразделений впустую: потери личного состава в наступательных боях оказались крайне высокими — численность многих стрелковых дивизий 10-й армии уменьшилась более чем в два раза: к примеру, 330-я стрелковая дивизия, освободившая город Киров, насчитывала всего 1100 активных штыков. Это же можно сказать и о дивизиях 50-й армии, изрядно потрепанных в ходе декабрьских боев за Калугу. Многократного превосходства советской стороны в живой силе на направлении главного удара, необходимого для уверенного прорыва, поначалу создать не удалось.

Наступательный порыв 10-й армии завершился окружением основной части 216-й пехотной дивизии противника

---

¹ Голиков Ф.И. В Московской битве. Записки командарма. М., 1967.

во главе с командиром в населенном пункте Сухиничи¹, а также захватом города Киров и железнодорожной станции Фаянсовая, в результате которого оказался перехвачен участок железной дороги Брянск — Вязьма. Правофланговая 325-я стрелковая дивизия 8 января освободила от немцев город Мосальск (в этот же день эта дивизия была временно переподчинена 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу). Вскоре советские части вышли на дальние подступы к Варшавскому шоссе на дистанцию в несколько километров, где столкнулись усилившимся сопротивлением противника.

Противник в это время искал решение своей проблемы, заключавшейся в малочисленности войск, образовывавших вновь создаваемую линию обороны вдоль автомагистрали. Еще в конце декабря 10-ю моторизованную дивизию, участвовавшую до этого в оборонительных боях в районе города Болхов северо-западнее Орла, было решено перебросить на «затыкание» брешки в район Мосальска. Однако, так как из-за крупных потерь в автотранспорте дивизия уже не была полностью моторизованной частью, она, как и большинство мобильных подразделений противника в этот период, была «разорвана» на две группы, действующие независимо друг от друга. Наиболее крупная и за счет других подразделений дивизии полностью моторизованная группа, которую в дальнейшем мы и будем именовать 10-й моторизованной дивизией, отправилась по железной дороге через Брянск на Рославль, куда ее основная часть прибыла днем 31 декабря. 1 января нового, 1942 года 41-й моторизованный полк, главные силы мотоциклетного батальона, 3-я рота 10-го саперного батальона, все, кроме одной, роты 10-го противотанкового дивизиона, а также 10-й батальон связи мчались на полном ходу по Варшавскому шоссе из района Рославля в полосу 40-го танкового корпуса. Корпус под командованием генерала танковых войск Штумме быстро растягивался тонкой завесой на свежесоздаваемой оборонительной линии. В начале января в воздухе над

---

¹ Впоследствии части 216-й ПД противник деблокировал ударом извне.

районом шоссе активизировалась штурмовая и бомбардировочная авиация немцев. Пикирующие бомбардировщики противника давно отточенной тактикой, тесно взаимодействуя с войсками на земле, поддерживали их оборону и обеспечивали серьезное прикрытие контратак. Эти удары с воздуха помогали удерживаться на поле боя против атак советских войск, часто имевших в бою крупное численное преимущество. Одним из опорных аэродромов противника в этом районе был аэродром у поселка Шайковка, за который вскоре разгорелась ожесточенная схватка, о которой будет рассказано несколько ниже.

Командующий 10-й армией
генерал-лейтенант
Ф.И. Голиков

10-я моторизованная дивизия вместе с не успевшими выдвинуться к Сухиничам подразделениями только прибывшей на Восточный фронт 216-й пехотной дивизии выступила как оперативный резерв, вовремя переброшенный на практически оголенный участок фронта. Вместе с подтянутой из района юго-восточнее Юхнова 19-й танковой дивизией этот импровизированный резерв быстро начал играть решающую роль в остановке стремительного советского наступления юго-западнее Юхнова и переводе боев в позиционную фазу. В последний момент противник, вынужденно раздробив две пехотных дивизии и перебросив с соседнего участка танковую, смог закрыть брешь в своей обороне.

Чтобы показать читателю наиболее полную картину развернувшихся у Юхнова событий, кратко рассмотрим предшествовавший боевой путь, структуру и состояние мобильных соединений противника, составивших костяк 40-го танкового корпуса Георга Штумме, который, в свою очередь, в течение четырех месяцев играл наиболее важную роль в предотвращении масштабного советского прорыва к Вязьме с южного направления.

В первую очередь упоминания заслуживает 19-я танковая дивизия вермахта. Приведем краткую историю ее боевых действий в начальный период войны, разберем состав и структуру.

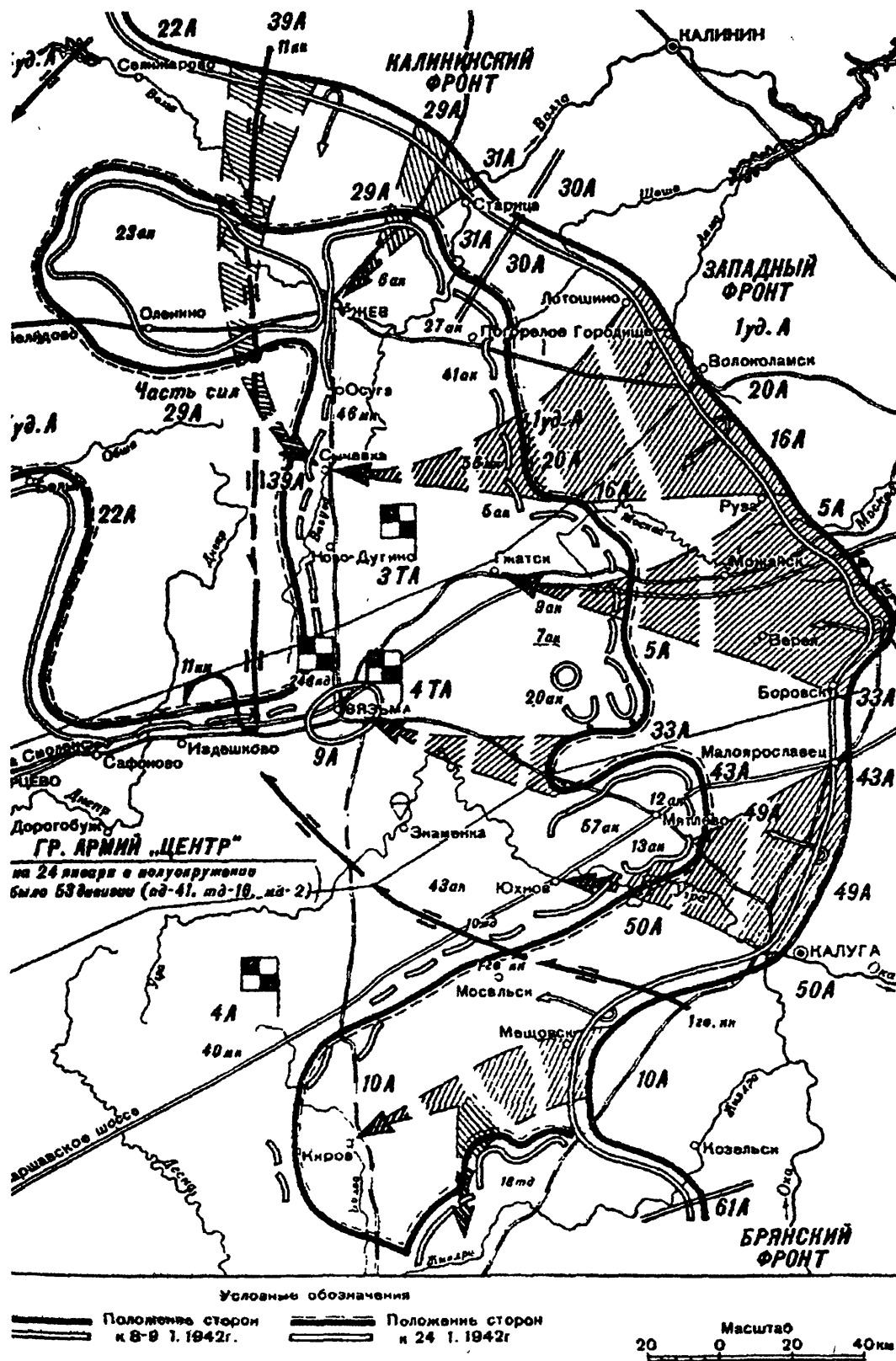
Немецкое Верховное командование, озабоченное усилением танковой мощи вермахта, после Французской кампании (в августе—октябре 1940 г.) приступило к формированию 10 новых танковых дивизий, которые впоследствии получили номера с 11-го по 21-й. Численность танков в них колебалась от 147 до 229 машин.

19-я танковая дивизия начала свое формирование на базе 19-й пехотной дивизии 1 ноября 1940 года в городе Ганновер. В ее состав первоначально входили: 27-й танковый полк (формировался на базе 10, 11 и 25-го запасных танковых батальонов), 19-я моторизованная бригада (73-й и 74-й моторизованные полки и 19-й мотоциклетный батальон), 19-й артиллерийский полк, 19-й разведывательный батальон, 19-й противотанковый дивизион, 19-й санитарный батальон, 19-я рота связи и части обеспечения. Командовал дивизией с 1 ноября 1940 года по 5 января 1942 года генерал танковых войск Отто фон Кнобельсдорфф. С 5 января 1942 года в командование соединением вступил генерал-лейтенант Густав Шмидт.

На момент начала операции «Барбаросса» в составе 27-го танкового полка¹, имевшего трехбатальонный состав, насчитывалось всего 228 танков, из них: 42 Pz I, 35 Pz II, 110 Pz 38(t), 30 Pz IV, 11 Pz Bef 38 (командирский вариант Pz-38(t)). Слабым местом 19-й танковой дивизии являлось отсутствие в составе моторизованных полков подразделений на бронетранспортерах, которые обеспечивали бы более тесное взаимодействие мотопехоты и танков при наступлении. Обращает на себя внимание и тот факт, что основу танкового парка дивизии составляли легкие Pz 38(t) (в Панцерваффе их часто называли «Шкода») чешского производства. Масса этой машины составляла примерно

---

¹ В марте—апреле 1942-го командиром 27-го танкового полка был кавалер Рыцарского Железного креста (награжден 10.02.42) обер-лейтенант Вольфганг Томале.

Ход боевых действий на центральном участке советско-германского фронта с 8 по 24 января 1942 года

10 тонн, она обладала довольно высокой для легкого танка бронезащищенностью. Вооружение танка составляли два 7,92-мм пулемета и 37-мм танковая пушка с длиной ствола 47,8 калибра, обладавшая начальной скоростью бронебойного снаряда 750 м/с, что позволяло с дистанции 100 метров пробивать бронеплиту толщиной 41 мм. Такие характеристики танка позволяли ему успешно поражать советские Т-60 на дальних дистанциях, противодействовать Т-34 в ближнем бою (при условии поддержки средними Pz IV или огневого взаимодействия со своей противотанковой артиллерией). Высокая скорость и малые размеры этого танка делали его трудной мишенью для советских противотанковых орудий калибра 45 мм.

Однако мало кто из ветеранов Панцерваффе вспоминает Pz 38(t) добрым словом. Немецкие танкисты недолюбливали эту машину как за недостаточную мощность вооружения, так и за более хрупкую броню по сравнению с имевшейся у немецких танков, осколки которой часто калечили экипаж. Так, например, начинавший свой боевой путь на «Шкоде», а впоследствии прославленный германскими пропагандистами ас-танкист из 502-го батальона «тигров» Отто Кариус вспоминал, как в ночном бою летом 1941 года лобовую бронеплиту его танка пробил бронебойный снаряд, выпущенный из советского 45-мм противотанкового орудия, при этом куском хрупкой чешской брони радисту оторвало руку¹.

Средние такти Pz IV, число которых в дивизии в период с января по апрель 1942 года никогда не превышало 10 готовых вступить в бой машин, хотя являлись более грозным оружием в сравнении с Pz 38(t), но были пригодны в большей степени для применения в качестве танков поддержки, борющихся с любыми советскими огневыми средствами, кроме танков. Бронебойный снаряд короткоствольного орудия этого танка имел невысокую начальную скорость (385 м/с, что ненамного выше скорости звука) и обладал бронепробиваемостью, сравнимой с 37-мм снарядом Pz 38(t).

Дивизионный артиллерийский полк состоял по штату из двух легких артдивизионов (дивизион насчитывал

---

¹ Кариус О. «Тигры» в грязи: Воспоминания немецкого танкиста. М., 2005.

Немецкий танк Pz.38(t) в экспозиции Центрального музея Великой Отечественной войны.

три четырехорудийных батареи 105-мм гаубиц le FH 18) и одного тяжелого дивизиона (две четырехорудийные батареи 150-мм гаубиц FH 18 и одна четырехорудийная батарея 100-мм орудий). Таким образом, танковая дивизия вермахта (правда, полностью укомплектованная, что на фронте являлось редким и недолгим состоянием) могла одновременно обрушить на противника огонь 36 тяжелых орудий, не считая минометного огня и огня реактивных установок, придаваемых в качестве усиления. С советской стороны соединениями, обладающими подобной огневой мощностью, были лишь артиллерийские полки РГК и отчасти гвардейские минометные дивизионы. К сожалению, наличие лишнего звена в управлении огнем и оснащение советских артполков наряду с орудиями калибров 122 и 152 мм устаревшими 76,2-мм пушками образца 1902 г., низкоэффективными при огне по площадям, значительно снижало результативность действий этих грозных подразделений.

Контуженый немецкий артиллерист у разбитого 150-мм орудия SIG-33.

19-й противотанковый дивизион состоял из трех противотанковых рот (в каждой по восемь орудий 37-мм РАК-36 и три 50-мм РАК-38) и одной зенитной роты (10 установок — восемь 20-мм автоматических пушек и две 20-мм счетверенные установки). Практически вся артиллерия в танковых и моторизованных дивизиях противника была на моторизованной тяге, что позволяло ей быстро перемещаться вслед за динамично маневрирующими передовыми частями. Немцы широко применяли противотанковую артиллерию в порядках танковых дивизий: при переходе танков в атаку собственные противотанковые орудия поддерживали их огнем, прикрывая фланги атакующих, в случае встречи танками сильного сопротивления или контратаки советских танков орудия подтягивались непосредственно в порядки танковых батальонов для увеличения плотности, а главное — бронебойной мощности противотанкового огня. Говоря о немецкой противотанковой артиллерии, стоит упомянуть, что 37-мм РАК-36 обладала низкой бронепробиваемостью (примерно 34 мм на дистанции 100 м), за что немецкие солдаты часто называли их «дверными колотушками», указывая, что «постучать» из такого орудия по

броню среднего или тяжелого танка можно, а вот пробить нельзя. Обычно бронебойный 37-мм снаряд после попадания в наклонный лоб или борт Т-34, отрекошетив, с воим уносился в небо. Более опасным противником наших танков являлись противотанковые орудия РАК-38 и только начавшие появляться в войсках РАК-40, обладавшие бронепробиваемостью, достаточной для уверенного поражения любого нашего танка на средней и малой дистанциях огневого боя.

Боевой путь 19-й танковой дивизии начинается с первых дней войны. 24 июня 1941 года она в составе 3-й танковой группы Германа Гота форсировала р. Неман, затем участвовала в захвате Вильнюса, после продвигалась в витебском направлении, захватила восточную часть Великих Лук. Далее последовал приказ о переброске под Смоленск, однако, ввиду больших потерь, дивизия была неготова к активным действиям. В ходе операции «Тайфун» дивизия получила пополнение и вела наступление уже в составе 4-й танковой группы генерал-полковника Э. Гепнера. Части дивизии продвигались в северо-восточном направлении, подходя к Москве со стороны Юхнова, Малоярославца, реки Нара, двигаясь в сторону Подольска. 1 декабря 1941 года 19-я танковая дивизия участвовала в последнем наступлении немцев на Москву, согласно которому планировался прорыв к городу со стороны Наро-Фоминска. Танки не смогли продвинуться вперед и 4 декабря 1941 года были полностью остановлены обороняющимися частями Красной Армии. После начавшегося 5 декабря контрнаступления Красной Армии всю зиму части дивизии вели оборонительные бои в составе сначала 4-й танковой армии, в ходе отступления вермахта от стен Москвы и вынужденного дробления ударных танковых группировок противника дивизия была переведена в состав 40-го танкового корпуса 4-й армии. К концу марта дивизия понесла серьезные потери в личном составе и технике, значительное количество танков было безвозвратно потеряно или находилось в ремонте. Танки Рз I были полностью отведены из первой линии, ввиду своей полной непригодности к условиям боев на Восточном фронте. Костяк танковых сил дивизии

по-прежнему составляли Pz 38(t), имелось небольшое количество боеготовых Pz IV и несколько уцелевших Pz II. Почти вся дивизионная артиллерия продолжала оставаться на моторизованной тяге.

Также отдельного внимания заслуживает 10-я моторизованная дивизия. Она начала формироваться в 1934 году в городе Регенсбург, сначала как 10-я пехотная дивизия, впоследствии была в достаточной степени укомплектована автомобильным транспортом и с 15 ноября 1940 года стала именоваться 10-й моторизованной дивизией. В ее состав вошли: 20-й моторизованный полк под командованием полковника Вальтера, 41-й мотополк под командованием полковника Голливитзера, 40-й мотоциклетный батальон, 10-й артиллерийский полк, 10-й противотанковый дивизион, 10-й саперный батальон, 10-й разведывательный батальон и другие мелкие части обеспечения. В частях дивизии к началу операции «Барбаросса» по штату числилось 24 бронетранспортера Sd.kfz 251, а также несколько более легких Sd.kfz 250 и колесных бронемашин в составе 10-го разведывательного батальона. Противотанковый дивизион был по составу и структуре аналогичен противотанковому дивизиону танковой дивизии.

На Восточном фронте 10-я моторизованная дивизия первоначально действовала в составе 24-го моторизованного корпуса генерала кавалерии Л. Гейера, который входил во 2-ю танковую группу Гейнца Гудериана. В составе 24-го моторизованного корпуса дивизия участвовала в операции «Тайфун», корпус отличился при захвате города Орел.

После сражения на ближних подступах к Москве, с переходом наших частей в крупномасштабное контрнаступление дивизия вместе с остальными частями противника медленно откатывалась с боями на запад.

С начала января 1942 года 10-я моторизованная дивизия занимала оборону на участке вдоль Варшавского шоссе юго-западнее Юхнова. Точнее будет сказать, что под Юхнов из района Болхова был переброшен только 41-й моторизованный полк, 10-й моторизованный саперный батальон, главные силы противотанкового дивизиона, батальон связи и штаб дивизии. Остальные части дивизии, в том числе и 20-й моторизованный полк (фактически пехотный), лишенные

своего автомобильного транспорта, использованного для переброски 41-го мотополка по маршруту Орел — Брянск — Рославль — Мосальск, продолжали занимать оборону в районе городов Болхов и Жиздра вплоть до мая и участия в боях у Варшавского шоссе не принимали. В апреле сам Жуков обратит внимание командарма Болдина на неполный состав 10-й моторизованной дивизии в боях у Фомино, сказав следующее: «...Вы (Болдин. — Прим. авт.), видимо, читали доклад (имеются в виду данные радиоперехвата. — Прим. авт.) командира 10-й мотодивизии, как он одним полком все время отбивал наступление ваших семи дивизий, такое поведение только дискредитирует Красную Армию. Как же вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную Армию?..» Хотя в реальности семь советских дивизий наступали на порядки далеко не одного 41-го моторизованного полка, факт значительного численного превосходства советской стороны остается несомненным.

Полностью моторизованные части дивизии могли быстро «лабирировать» вдоль обороны, подбрасывая пехоту автотранспортом на наиболее угрожаемые направления. По мере стабилизации линии фронта и уплотнения немецких порядков солдаты дивизии стали действовать наравне с обычной пехотой, позабыв о моторизованных марш-бросках протяженностью в десятки километров. Последним маневром 10-й моторизованной дивизии в боях у Варшавского шоссе была пешая переброска сил всего на несколько километров в район Фомино 2-е из района Миллятино 6 апреля, вызванная успешным захватом Фомино танковыми и стрелковыми частями 50-й армии.

Резюмируя вышесказанное, можно смело утверждать, что 10-я моторизованная и 19-я танковая дивизии 40-го танкового корпуса вермахта, ставшие в марте—апреле основными противниками перешедших в наступление стрелковых дивизий и танковых бригад 50-й советской армии, являлись грозным и четко отлаженным механизмом уничтожения, это были хорошо технически оснащенные соединения, личный состав которых имел отличную подготовку и прошел сквозь пекло многих сражений Второй мировой.

Немецкая часть на трофейных советских грузовиках ЗИС-5 и ГАЗ-АА. Обращает на себя внимание вооружение солдат, состоящее из винтовок как немецкого, так и советского производства. Скорее всего, это подразделение занималось охраной тылов.

В результате неравномерного продвижения войск левого крыла Западного фронта в течение первой недели января основание ржевско-вяземского выступа в линии вражеской обороны к середине месяца было в общих чертах сформировано. После многих десятков километров стремительно развивавшегося наступления 10-я армия, 1-й гвардейский кавалерийский корпус и 50-я армия постепенно словно стали упираться в стену, которая имела высокую прочность благодаря своему фундаменту — многокилометровому отрезку Варшавского шоссе, вдобавок усеянному господствующими высотами. Но, несмотря на нараставшее замедление в продвижении, фронт у Варшавского шоссе развернулся так, что векторы наступления перечисленных выше трех объединений Западного фронта были направлены на северо-северо-восток, то есть практически навстречу Калининскому фронту, который, в свою очередь, также готовился к крупномасштабному наступлению. Назревало гигантское сражение в центре советско-германского фронта, от исхода которого могло зависеть очень многое, одна-

ко не будем забегать вперед и рассмотрим события в том порядке, в котором они происходили.

7 января, в 20.40, части советских 10-й и 50-й армий и 1-го гвардейского кавкорпуса Западного фронта непрерывно продолжали свое продвижение вперед. В этот час Ставкой ВГК был отдан приказ № 151141, адресованный командующим войсками Западного и Калининского фронтов, возвестивший о начале гигантской операции на окружение основных сил сразу четырех армий противника — 9-й, 3-й танковой, 4-й танковой и 4-й. Приведем текст этого бесспорно судьбоносного приказа дословно, так как именно в соответствии с содержащимися в нем указаниями и пытались в дальнейшем действовать войска двух советских фронтов:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает дальнейшие усилия Западного и Калининского фронтов направить на окружение можайско-гжатско-вяземской группировки противника, для чего:

1. Командующему Калининским фронтом выделить часть сил для разгрома Ржевской группировки противника и занятия г. Ржев ударной группировкой силою двух армий в составе четырнадцати-пятнадцати стрелковых дивизий, кавалерийского корпуса и большей части танков, нанести удар в общем направлении на Сычевка, Вязьма с задачей, перехватив железную и шоссейную дороги Гжатск — Смоленск западнее Вязьмы, лишить противника основных его коммуникаций. В дальнейшем совместно с войсками Западного фронта окружить, а затем пленить или уничтожить всю можайско-гжатско-вяземскую группировку противника.

2. Не ожидая подхода кавкорпуса и окончательного сосредоточения всех сил ударной группировки в районе г. Ржев, наличными силами 39-й армии, как основной силы главной группировки, немедленно развить наступление в направлении Сычевка, Вязьма, а остальные силы вести вторым эшелоном за главной группировкой с таким расчетом, чтобы выйти в район Сычевки и занять Сычевку не позднее 12 января 1942 г.

3. Командующему Западным фронтом разгромить не позднее 11 января юхновско-мосальскую группировку про-

тивника, нанести главный удар силами ударной группы т. Белова и 50-й армии на Вязьму и тем завершить окружение можайско-гжатско-вяземской группировки противника во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта.

4. Одновременно силами 20-й армии прорвать фронт противника и нанести удар в направлении на Шаховская, Гжатск, часть сил армии от Шаховской направить в тыл лотошинской группировки противника и совместно с 30-й армией Калининского фронта окружить и уничтожить ее.

5. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский»¹.

Из текста приказа вытекает, что задумывалась гигантская операция по окружению войск сразу четырех армий противника (3-й и 4-й танковых, 4-й и 9-й). Такого крупного охватывающего удара доселе не наносила не только сама Красная Армия, но и никакая другая армия мира, даже в череде масштабных летних и осенних окружений советских войск в 1941 году, не было равного по масштабам запланированной советским Генштабом ловушке.

План по окончательному разгрому крупных вражеских сил начал претворяться в действие, и на первой стадии довольно успешно. Первыми начали создавать противнику серьезные проблемы 10-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус, не останавливавшиеся после прорыва южнее Калуги и без какой-либо оперативной паузы продолжившие продвижение вперед в рамках уже новой стратегической наступательной операции. Вот что по этому поводу 8 января записал в своем дневнике начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии Франц Гальдер:

«Очень трудный день.

Развитие прорыва противника у Сухиничей на запад начинает становиться для Клюге невыносимым. В связи с этим раздаются настойчивые требования об отходе 4-й армии, с тем чтобы высвободить силы для прикрытия автостреды.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 130. Л. 1, 2.

Уже утром я разговаривал по этому вопросу с Клюге. У фюрера в этой связи снова возникла дискуссия. Никакого решения не принято, однако дано указание о необходимости энергично использовать вспомогательные средства для прикрытия автострады.

Заключительная беседа фюрера с Клюге также не привела к окончательному решению. Во второй половине дня Клюге снова поднял вопрос о свободе маневра 4-й армии, то есть о ее отходе. Я докладываю об этом фюреру; он выражает желание лично поговорить с Клюге.

Результат: группе армий разрешается произвести постепенный отход, чтобы высвободить силы для прикрытия автострады...»¹.

С началом нового этапа в советском зимнем контрнаступлении во фронте вражеской группы армий «Центр» стали образовываться непрерывно разраставшиеся «дыры», он зашатался и начал разваливаться во многих местах. На участках прорывов советских войск вражеские части, еще не успевшие прочно закрепиться на рубежах отхода, в очередной раз были вынуждены отступать, избегая полного разгрома. К концу января прорвавшиеся между укрепрайонами противника у Ржева и Оленино войска 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, перехватив ряд транспортных артерий немцев, начали нажим уже на стратегически важные коммуникации противника, коими явились железная дорога Вязьма — Ржев в районе Сычевки и автомобильная магистраль Смоленск — Вязьма.

Итак, 8 января 1942 года началась Ржевско-Вяземская наступательная операция армий Западного и Калининского фронтов, активно поддерживаемая на правом фланге двумя ударными армиями Северо-Западного фронта. Разработанная как операция на окружение — классический фланговый охват, она уже на этапе планирования содержала в себе целый ряд вынужденных, довольно рискованных решений и нестандартных моделей действий, обусловливающихся спецификой сложившейся на этом участке советско-германского фронта обстановки.

---

¹ Гальдер Ф. Военный дневник: Лето 1942 года. Смоленск, 2004.

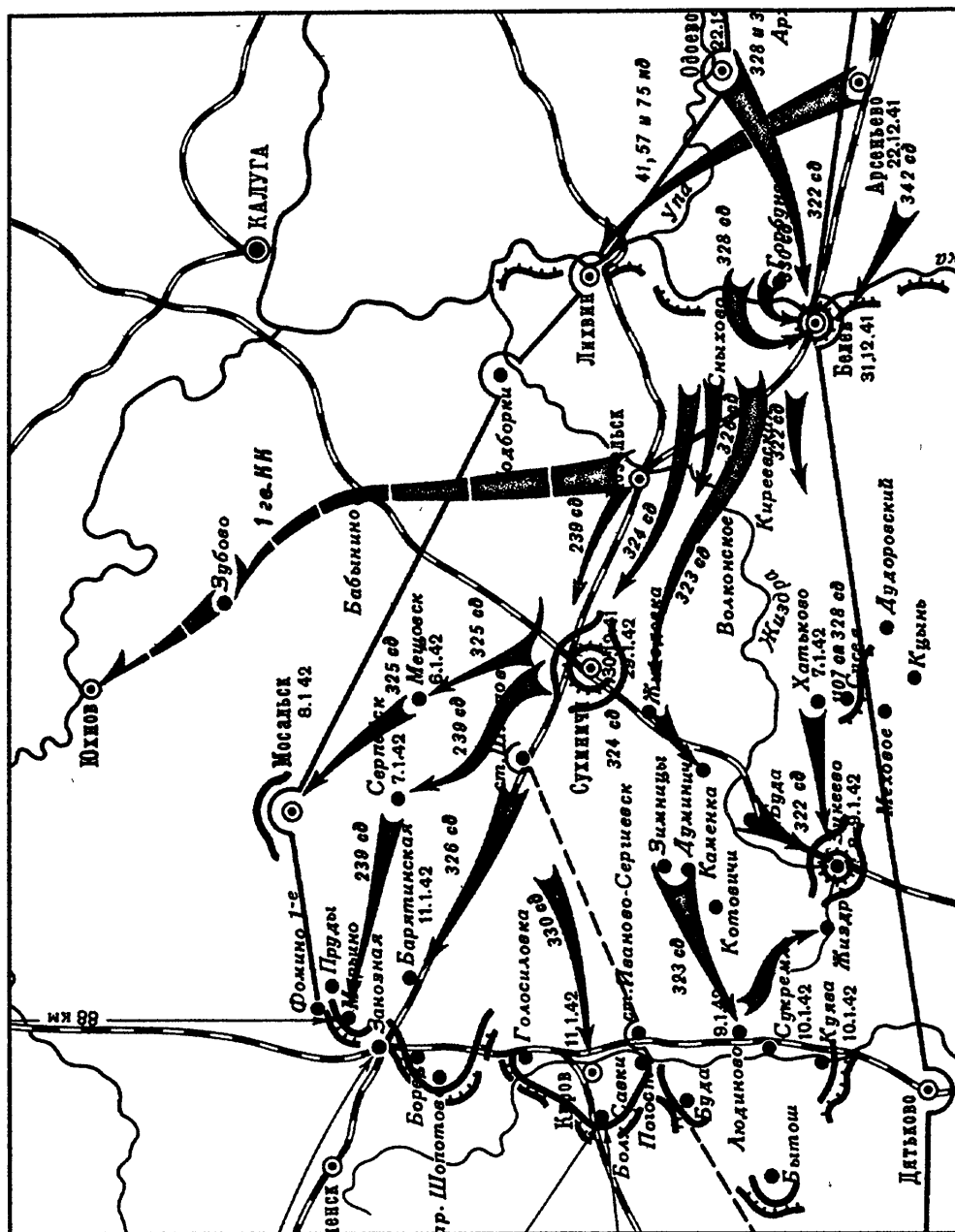
Командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса
генерал-лейтенант П.А. Белов

Специфика эта заключалась в том, что Красная Армия в ходе декабрьских боев, несомненно, перехватила стратегическую инициативу, но вот умело пользоваться ею ослабленный предвоенными чистками и имеющий более чем скудный опыт проведения масштабных наступательных операций советский генеральский корпус мог с трудом, постоянно допуская крупные, а порой и фатальные просчеты. Еще меньше «козырей» в руках отцов-командиров осталось после вынужденной ликвидации мехкорпусов и танковых

дивизий, являвшихся незаменимым инструментом в руках умелого полководца, грамотно орудуя которыми можно было бы как скальпелем разрезать немецкую оборону. Но появления «скальпеля» в ближайшее время не предвиделось, «инструмент» приходилось изобретать на ходу.

Вся предвоенная советская концепция применения бронетанковых войск основывалась на принципах массированного применения бронетехники в составе крупных танковых соединений (коими являлись мехкорпуса и танковые дивизии), которые должны были вводиться в уже обозначившийся прорыв, проделанный стрелковыми частями, и развивать успех, активно используя свою высокую подвижность и широко применяя такие маневры, как обход и фланговый охват. Но к зиме 1941/42 года бронетанковые войска Красной Армии на советско-германском фронте были представлены отдельными танковыми бригадами и батальонами — то есть мелкими соединениями, способными на локальные действия, но никак не пригодными для самостоятельного выполнения крупномасштабных задач оперативного характера. В связи с вышеприведенными обстоятельствами в ходе начавшегося 5 декабря крупномасштабного контрнаступления основной ударной силой РККА были кавкорпуса и пехота, поддерживаемая танками. То есть танковые части не получали самостоятельных задач и играли роль непосредственной поддержки пехоты. Результатом такой тактики явился довольно медленный темп продвижения стрелковых частей, высокие показатели потерь и, как следствие, фронтальное вытеснение противника с территории вместо окружения и полного уничтожения крупных группировок немцев. Образно говоря, удары по противнику почти всегда наносились «растопыренной пятерней», а не «сжатым кулаком».

Но не следует забывать, что командование Красной Армии всячески пыталось найти выход из сложившейся ситуации. Первым вариантом было использование в качестве крупных, а главное, мобильных ударных группировок, способных быстро вырваться на оперативный простор усиленных кавалерийских корпусов. Это решение было довольно удачным в условиях зимних боев, так как кавалерийские части на за-

Наступление 10-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в конце декабря 1941 года — начале января 1942 года.

снежном бездорожье обладали большей подвижностью, чем танковые; также их преимуществом являлось отсутствие жесткой привязанности к базам снабжения. Но у кавкорпусов были и существенные недостатки, главным из них была неспособность кавалерийских частей к самостоятельному прорыву мощной обороны противника и, как следствие, постоянная необходимость в поддержке пехоты и артиллерии стрелковых частей, увязать взаимодействие с которыми было довольно сложно. Также кавалерийские дивизии, несмотря на имевшееся у них довольно большое количество орудий противотанковой обороны, были недостаточно стойкими при необходимости отражать вражеские атаки. Кавкорпуса в этой ситуации можно сравнить с тонкой иглой, если и прокалывающей вражескую оборону, то безнадежно ломающейся в ее глубине в случае нарастания сопротивления противника. Немцы пользовались этим и применяли танки против советской кавалерии, при этом им довольно часто удавалось достичь успеха, отбросить или окружить кавалеристов, задействовав со своей стороны незначительные силы. В частности, такую тактику действий противник применял в январе—марте 1942 года в боях под Вязьмой против 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса Западного фронта.

Вторым (и довольно редким для зимы — весны 1942 года) способом создания высококомобильных, а главное, мощных ударных группировок стала концентрация в рамках наступающей общевойсковой армии нескольких танковых бригад при их непосредственном взаимодействии между собой и со стрелковыми дивизиями армии. В результате чего создавалась высокая плотность танков на километр фронта и возникали перспективы не только для прорыва обороны противника в тактической зоне, но и для развития тактического успеха в оперативный с последующим выходом на тыловые коммуникации противника, перехватом и прочным удержанием опорных пунктов и узлов коммуникаций в оперативной глубине его обороны. Что давало бы реальную возможность для его окружения или как минимум заставляло противостоящую вражескую группировку спешно отходить со своих позиций, избегая его.

Однако с одновременным централизованным управлением сразу несколькими танковыми бригадами, не сведенными в единое танковое соединение (которыми вскоре станут вновь возрожденные танковые и механизированные корпуса), возникали огромные трудности. Дело в том, что искусство управления бронетанковыми подразделениями сильно отличается от организации боя пехотной или кавалерийской части. Для этого требуется ряд специальных знаний, которыми обладал мало кто из общевойсковых командармов: надо уметь наладить необходимое техническое обслуживание танков, их ремонт и, при необходимости, эвакуацию; организовать саперное сопровождение, взаимодействие и поддержку со стороны пехоты, увязать взаимодействие с гаубичной и противотанковой артиллерией. А главное — надо просто обладать редким талантом танкового командира, развить который без теоретической переподготовки и практики грамотной организации танкового боя общевойсковым командирам практически невозможно. Многим из них понадобится еще очень много времени на понимание одного-единственного принципа: все рода войск должны быть верными помощниками и слугами танковых подразделений для того, чтобы те могли стать неудержимой ударной силой и с высокой эффективностью выполнять поставленные перед ними задачи. Вновь прибегнув к аналогии с инструментами, можно сказать, что советские танковые подразделения в этот период войны больше всего походили на тупой и хрупкий нож, зазубривающийся и в конце концов стачивающийся до основания при попытке разрезать немецкую оборону.

Наиболее грубые ошибки в использовании танков со стороны общевойсковых командиров нашли отражение в приказе Ставки ВГК № 057 от 22 января 1942 года «О боевом использовании танковых частей и соединений»:

<...> «Излишние, ничем не оправдываемые потери при низком боевом эффекте в танковых войсках происходят потому, что:

1) До сих пор плохо организуется в бою взаимодействие пехоты с танковыми соединениями и частями, командиры

пехоты ставят задачи не конкретно и наспех, пехота в наступлении отстает и не закрепляет захваченных танками рубежей, в обороне не прикрывает стоящие в засадах танки, а при отходе даже не предупреждает командиров танковых частей об изменении обстановки и бросает танки на произвол судьбы.

2) Атака танков не поддерживается нашим артиллерийским огнем, орудий сопровождения танков не используют, в результате чего боевые машины гибнут от огня противотанковой артиллерии противника.

3) Общевоинские начальники крайне торопливы в использовании танковых соединений — прямо с хода бросают их в бой, по частям, не отводя времени даже для производства элементарной разведки противника и местности.

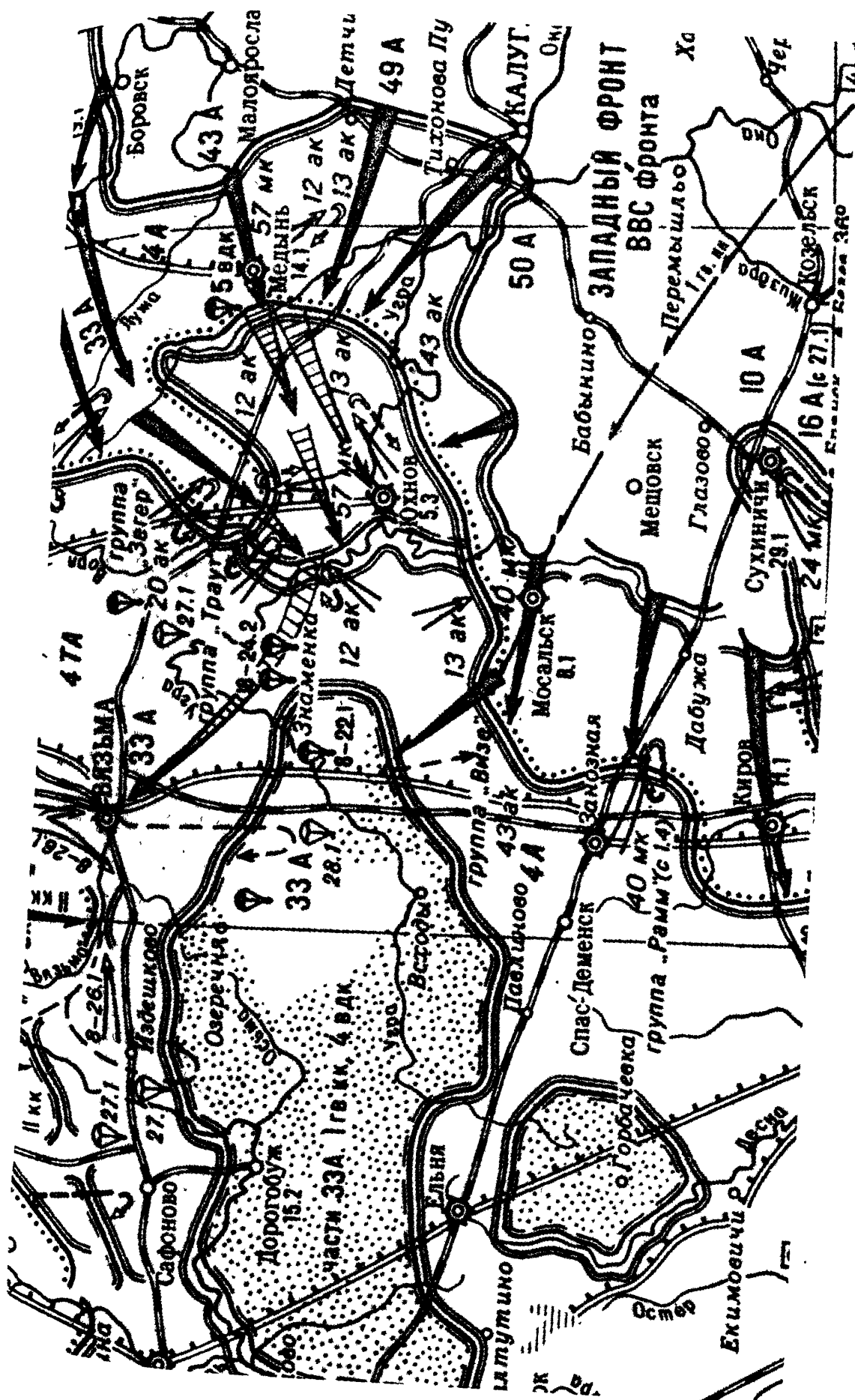
4) Танковые части используются мелкими подразделениями, а иногда даже по одному танку, что приводит к распылению сил, потере связи выделенных танков со своей бригадой и невозможности материального обеспечения их в бою, причем пехотные командиры, решая узкие задачи своей части, используют эти мелкие группы в лобовых атаках, лишая их маневра, чем увеличивают потери боевых машин и личного состава.

5) Общевоинские начальники плохо заботятся о техническом состоянии подчиненных им танковых частей — производят частые переброски на большие расстояния своим ходом, самоустраиваются от вопросов эвакуации аварийной материальной части с поля боя, ставят боевые задачи, не сообразуясь с количеством времени пребывания танков в бою без предупредительного ремонта. Что, в свою очередь, увеличивает и без того большие потери в танках».

Бесспорно, неграмотность пехотных командиров в управлении вверенными им отдельными танковыми батальонами и бригадами была крайне серьезной проблемой, и решить этот вопрос в короткие сроки, давая командирам фронтов и армий «отеческие наставления» либо же излюбленными в те годы карательными мерами было невозможно. В то же время обстановка требовала от советской стороны решительных наступательных действий для удержания инициативы и развития достигнутого успеха.

БРОСКИ К ВЯЗЬМЕ. ПЕРВЫЙ ШТУРМ НЕМЕЦКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ ВДОЛЬ ВАРШАВСКОГО ШОССЕ

Взглянув на конфигурацию линии фронта в более крупном масштабе, надо сказать, что роль основных транспортных артерий, питающих армии противника, оказавшиеся в полуокружении, играли железнодорожная магистраль Смоленск — Вязьма и идущее параллельно с ней Минское шоссе. Обе эти артерии подходили к Вязьме, которая как сердце, разгоняющее кровь по организму, распределяла транспортные потоки, проходившие по этим дорогам в разных направлениях.

Направления движения транспортных потоков через Вязьму были следующими:

на север: железнодорожная и автомобильная магистрали Вязьма — Сычевка — Ржев;

на северо-восток: железная дорога Вязьма — Гжатск (одна колея европейской ширины) и Минское шоссе;

на восток-юго-восток: железная и автомобильная дороги Вязьма — Искаково — Темкино;

на юго-восток: автомобильная дорога Вязьма — Знаменка — Юхнов;

на юг: железная дорога Вязьма — Угра — Занозная.

К этому сердцу и потянулись стрелки направлений наступления советских армий с трех разных направлений. В соответствии с приказом Ставки ВГК № 151141 на острие удара были:

с северо-востока — 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус;

с востока — 33-я армия;

с юга — 50-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Одновременно с началом новой наступательной операции Западного и Калининского фронтов к северо-западу от Ржева 9 января началась Торопецко-Холмская наступательная операция 3-й и 4-й ударных армий Северо-Западного фронта, в ходе которой произошел глубокий прорыв обороны противника. Части двух армий весь январь медленно, но верно продвигались вперед, и к началу фев-

раля противник перед сектором их наступления оказался отброшенным более чем на 200 километров. Согласованность действий армий Калининского и Северо-Западного фронтов принесла свои плоды — 39, 22 и 29-я армии и 11-й кавкорпус Калининского фронта обходили мощные узлы обороны немцев у Ржева и Оленино, устремившись к автострате Смоленск — Вязьма (11-й кавалерийский корпус) и железнодорожной рокаде Вязьма — Сычевка — Ржев (39-я и 29-я армии). 23-й армейский корпус противника, удерживавший оборону в районе Оленино, попал в тактическое окружение, некоторое время он снабжался транспортной авиацией Люфтваффе по «воздушному мосту», к концу января немцы контрударами снова восстановили локтевую связь с частями корпуса.

В итоге к исходу первого месяца 1942 года первые пункты приказа Ставки оказались частично выполненными — немецкие армии оказались глубоко охваченными с севера, правая «клешня» советского наступления почти дотянулась до цели, но оказалась серьезно придавленной у основания. Если бы на юге, у Варшавского шоссе, такой же прорыв удался бы частям Болдина и Белова и части двух фронтов соединились западнее Вязьмы, то угроза окружения основных сил вражеской группы армий «Центр» превратилась бы в реальность. Но армия и кавкорпус бились об оборону противника вдоль шоссе, не в силах ее преодолеть. Время работало на противника — его подразделения спешно строили оборонительные линии, опирая их на населенные пункты и господствующие высоты, надо было спешить.

Советское Главнокомандование, к чести его будет сказано, чувствуя всю шаткость положения, стало активно импровизировать. И если применение кавалерийских частей для глубокого прорыва вместо танковых было уже не в новинку, то решение

Командующий
50-й армией генерал-
лейтенант И.В. Болдин

о проведении крупной авиадесантной операции явилось довольно своевременным и адекватным для сложившейся ситуации.

Рассматривая первый этап боев по прорыву советскими частями оборонительной линии противника, опирающейся на Варшавское шоссе, стоит сделать небольшой шаг назад и начать повествование с прорыва опергруппы генерала Белова в район города Юхнов, произошедшего еще в конце декабря 1941 года.

Вырвавшиеся на десятки километров вперед соседей советские кавалеристы завязали с противником бой на южных подступах к городу, серьезно угрожая передвижениям немецких транспортных колонн по тыловой на тот момент автомагистрали. Однако немцы оказали упорное сопротивление и удержали город. Да и шансов продержаться в Юхнове до подхода стрелковых дивизий 50-й армии у 1-го гвардейского кавалерийского корпуса с приданными соединениями было немного, советская кавалерийская группировка продвинулась на север к шоссе в узком «коридоре», «стены» которого удерживались медленно отступавшим противником. На правом фланге против 50-й армии с опорой на отрезок автодороги Юхнов — Калуга оборонялись различные подразделения противника, отступавшие от Калуги, к которым присоединилась и подоспевшая 19-я танковая дивизия. Скорой помощи от 10-й армии, бывшей левым соседом группы Белова, также ждать не приходилось — части армии Голикова начиная с 30 декабря завязли в боях вокруг Сухиничей, крепко удерживаемых частями только прибывшей на Восточный фронт 216-й пехотной дивизии противника.

К 3 января стрелковые полки ближайшей к кавалеристам 239-й стрелковой дивизии 10-й армии были еще в шестидесяти километрах южнее Юхнова и вели бои на подступах к Мещовску. В это же время с запада по Варшавскому шоссе к Мосальску уже мчались головные колонны 10-й моторизованной дивизии противника под командованием генерал-лейтенанта фон Лепера, вскоре ее 41-й моторизованный полк (командир — полковник Траут) и 40-й

Кавалеристы форсируют водную преграду.

Мотоциклетный батальон сосредоточились на окраинах городка. Тем временем оборонявшиеся вокруг Мещовска подразделения из состава противотанкового дивизиона 216-й пехотной дивизии и остатки двух батальонов 406-го пехотного полка 213-й пехотной дивизии, находившегося в подчинении командира 216-й пехотной дивизии генерала фон Гильза, начали отступать под натиском вступившей в свой первый бой 325-й стрелковой дивизии. 5 января советские части вплотную подошли к городу. Не смог переломить ситуацию и подоспевший батальон мотоциклистов из

10-й мотодивизии — в течение следующей ночи Мещовск был с боем очищен от противника, опасаясь окружения отошедшего к Мосальску. Взаимодействие между группировками противника в районах Сухиничей и Мосальска оказалось утраченным окончательно.

Развивая наступление в течение 6 и 7 января, 325-я стрелковая дивизия к вечеру 7-го стояла у стен Мосальска на исходных позициях для штурма города, за оборону которого отвечал командир 41-го мотополка 10-й моторизованной дивизии полка. На левом фланге, в пятнадцати километрах южнее Мосальска, 239-я стрелковая дивизия освободила от немцев крупный населенный пункт Серпейск и продолжала продвигаться на северо-запад. Со стороны Юхнова фланг Мосальской группировки противника сминали кавалерийские дивизии 1-го гвардейского кавалерийского корпуса (еще 5 января кавалеристы Белова перерезали дорогу, соединяющую Мосальск с шоссе, однако пехотинцы 10-й моторизованной при помощи двух подошедших танков 19-й танковой дивизии смогли освободить дорогу, сняв на короткое время напряжение). Не выдержав натиска с нескольких направлений, в ночь на 8 января немецкие части начали покидать город, подорвав при отходе мосты. К полудню Мосальск был полностью занят полками 325-й стрелковой дивизии, в этот же день дивизия приказом командования Западного фронта была переподчинена из состава 10-й армии генералу Белову.

Восточнее района Мосальска в общем направлении на Юхнов наступали части 50-й армии. Но ей не удавалось продвигаться вперед наравне со своими соседями на левом фланге: немцы успели стянуть против нее значительные силы и цеплялись за каждую деревню, советское наступление развивалось здесь крайне медленно, а с середины января противник практически остановил части армии Болдина южнее и юго-восточнее Юхнова. Командарм Болдин к 19—20 января стал концентрировать силы в районе наибольшей нестабильности между Мосальском и Юхновом, где «цемент» немецкой обороны еще не успел «затвердеть», к тому же совсем рядом его непрерывно «перемешивала» опергруппа Белова.

Юго-западнее фронта опергруппы продвижение советских частей также шло успешно примерно до середины января. Здесь наступали правофланговые 326-я и 239-я дивизии 10-й армии. Эти части продвигались в северо-западном направлении соответственно к районному центру Барятино и в район шоссе севернее его. 11 января Барятино было с боем очищено от противника, а вот автостраду, так же как и на других участках, успели прикрыть подразделения 40-го танкового корпуса противника.

После овладения Мосальском кавалерийские дивизии 1-го гвардейского кавкорпуса, в то время как 325-я стрелковая дивизия вновь вошла в соприкосновение с противником на его укрепленных позициях севернее города, продвинулись маршем в обход узлов сопротивления на восток и к 13 января передовыми эскадронами достигли Варшавского шоссе на участке Долгое — Людково. Командование 40-го танкового корпуса противника бросило на исправление положения основные силы всех трех батальонов 41-го моторизованного полка, которые уже к вечеру, атаковав развернутым фронтом вдоль шоссе, при поддержке 7-й и 8-й батарей 3-го дивизиона артполка 216-й пехотной дивизии отбили у наших кавалерийских подразделений Людково, Адамовку и Трушково. О накале боя за вышеназванные населенные пункты говорит тот факт, что 2-й батальон 41-го мотополка по итогам дня доложил о захвате трехсот советских лошадей.

Из-за того, что 41-й моторизованный полк для противодействия продвижению советской кавалерии был перемещен западнее, «боевая группа Вальтера» (мотоциклетный и саперный батальоны 10-й моторизованной дивизии, 1-й батальон 73-го моторизованного полка 19-й танковой дивизии и 3-й батальон 406-го пехотного полка, объединенные под управлением штаба 10-й моторизованной дивизии), занимавшая позиции к северу от Мосальска, не выдержав натиска 325-й стрелковой дивизии, подорвала мосты и отступила за реку Пополта. Таким маневром группе Вальтера наконец удалось приостановить продвижение советских частей на рубеже реки, и на следующий день, 14 января, 41-й моторизованный полк, получив надежное прикрытие

с тыла, продолжил наступать на юго-запад вдоль шоссе и отбил у советских эскадронов деревни Кавказ, Савинки и Сафроново.

В эти же дни на левом фланге кавалеристов вела наступление по направлению к шоссе 239-я стрелковая дивизия 10-й армии. В ночном бою 10 января подразделения из 216-й пехотной дивизии противника были выбиты из деревни Глазово. Продолжившееся наступление советской пехоты вскоре натолкнулось на упорно обороняемый противником и прикрытый огнем его артиллерии опорный пункт в д. Зимницы, за деревню разгорелся ожесточенный бой. Еще во время боя за Глазово в Зимницах закрепился немецкий лыжный батальон и несколько взводов пехоты, эти силы противника удерживали в деревне круговую оборону, даже когда она была почти полностью окружена частями 239-й стрелковой дивизии. Но немногочисленные стрелковые полки, после многих недель наступательных боев ставшие по численности личного состава равными батальонам, не смогли отбить у противника деревню и продолжить наступление к Фомино 1-му. С рассветом 10 января усилился огонь вражеской артиллерии из района Фомино по советским боевым порядкам у Зимниц. В немецких источниках встречается упоминание о корректировщике 8-й батареи артполка 216-й пехотной дивизии лейтенанте Пальмере, который вместе с несколькими радистами пробился на санях в осажденную деревню и из самого пекла боя управлял огнем немецкой артиллерии¹. После полудня советская пехота под сильным огневым воздействием отошла от Зимниц и закрепилась на рубежах в нескольких сотнях метров южнее и восточнее населенного пункта. С 15 января 239-я стрелковая дивизия передавалась в распоряжение 1-го гвардейского кавкорпуса, с 18 января ее части начали вытягиваться в северо-восточном направлении, образуя тонкую завесу, прикрывавшую левый фланг опергруппы Белова и обеспечивавшую ее стык с 10-й армией. О наступлении дивизии на автостраду речи идти уже не могло.

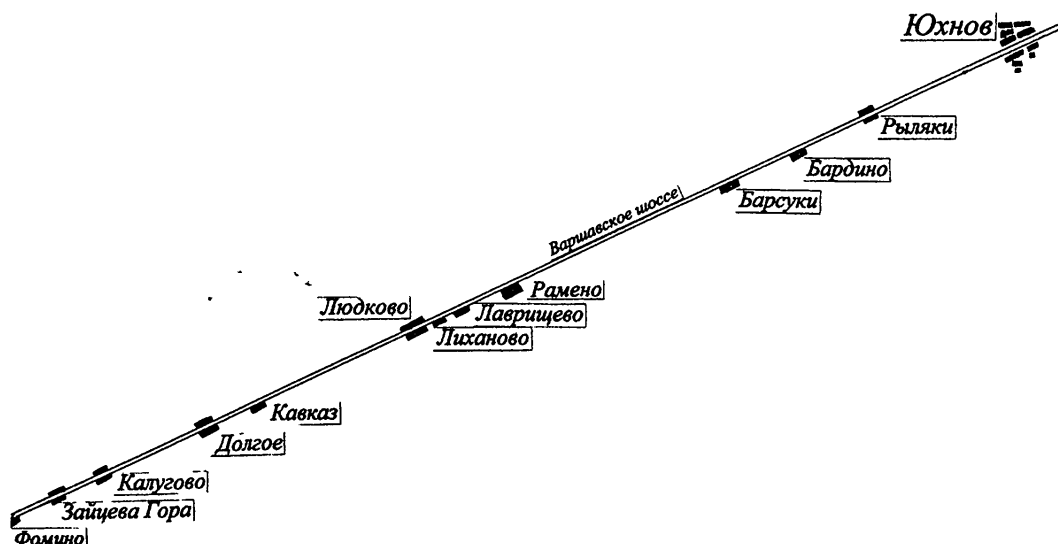
---

¹ Jenner M. Die Geschichte der 216/272 Infanterie-Division 1939–1945. Dorfler, 2005.

Двухэтажный немецкий ДОТ у деревни Долгое. До сегодняшних дней в нескольких сотнях метров от Варшавского шоссе сохранился целый ряд таких железобетонных сооружений. Большинство ДОТов располагалось на тыловых рубежах обороны и не использовалось в боях.

Населенные пункты на отрезке Варшавского шоссе от Фомино 2-го до Юхнова. Каждая из этих деревень была превращена немецкими войсками в неприступный узел обороны.

По итогам двухдневных боев к исходу 14 января немцам удалось освободить автомагистраль от передовых отрядов рвавшейся на север опергруппы Белова. Однако в отсутствие четкой линии фронта эта победа принесла противнику лишь временное улучшение положения. Столкнувшись с резко усилившимся сопротивлением, ни Болдин у Юхнова, ни Белов перед линией Варшавского шоссе не собирались останавливать войска, советские генералы продолжали выполнение поставленной фронтом задачи: не упуская инициативу, они начали по мере возможностей маневрировать силами в попытке нащупать слабое место во вражеских порядках. Противник симметрично маневрировал силами в ответ — еще вечером 14 января для поддержки очаговой обороны 10-й моторизованной дивизии в район д. Людково начали стягиваться отдельные танковые и мотопехотные подразделения из состава 19-й танковой дивизии, которым на этой стадии боев отводилась роль ударного тактического резерва.

Немецкая оборона вдоль всего шестидесятикилометрового участка Варшавского шоссе от Фомино до Юхнова, становившегося крайним рубежом отхода правого крыла 4-й немецкой армии, несмотря на недостаток сил, начала выстраиваться в два импровизированных эшелона. Первый

состоял из пехотных частей и противотанковой артиллерии, расположенных непосредственно в окопах на ключевых позициях переднего края (населенные пункты, высоты, перекрестки проселочных дорог), при невозможности в короткие сроки создать сплошную линию обороны эти силы должны были играть роль боевого охранения и заслона, задерживающего продвижение советских войск до подхода резервов из глубины. Второй оборонительный эшелон противника представлял собой полностью моторизованные тактические резервы. Эти силы были раздроблены на относительно небольшие боевые группы, сконцентрированные в расположенных на шоссе крупных деревнях. В случае атак советских частей на каком-либо участке передовые силы противника запрашивали поддержку, и через определенное время контратака подоспевшего резерва, как правило, отбрасывала советскую кавалерию на исходные позиции.

К 15 января, удержав опорные пункты на автодороге, немцы перехватили инициативу действий и стали отбивать у кавалеристов деревню за деревней. Так, по итогам боя 15–16 января противник вновь занял деревни Трушково и Макаровка. 17-го, упредив атаку советской кавалерии на д. Калугово, боевая группа противника в составе двух танков из 27-го танкового полка 19-й танковой дивизии, основных сил 41-го моторизованного полка 10-й моторизованной дивизии, поддержанная штурмовой авиацией и огнем 1-го дивизиона 10-го артполка 10-й моторизованной дивизии и 9-го дивизиона артиллерийского полка 216-й пехотной дивизии, атаковав из района д. Долгое, отбила у советских частей населенные пункты Чичково, Новая и Старая Роща, Васильево. Порядки опергруппы Белова, растянутой на 40 километров, были слишком разрежены для удержания обороны против подобных вражеских атак (на километр фронта тактическая плотность составляла: бойцов — 250, полевых орудий — 2,5, противотанковых орудий — 1, минометов — 7,5), да и достижению стратегической цели прорыва к Вязьме кровопролитные бои за отдельные опорные пункты не способствовали. Поэтому основные силы кавалеристов постоянно меняли направления ударов, концентрируя усилия в неожиданных для немцев местах и оставляя на флангах лишь силы прикрытия.

Немецкий ДОТ у деревни Кавказ.

Днем 20 января два батальона 41-го моторизованного полка под прикрытием нескольких танков и при поддержке с воздуха отбили у советских кавалеристов деревни Узломка и Савинки. Таким образом, к 20 января левый фланг опергруппы Белова, поначалу перехвативший шоссе, оказался отесненным от него на дистанцию в несколько километров. Возможность прорыва за линию Варшавского шоссе на участке Зайцева Гора — Кавказ к этому времени оказалась окончательно утраченной.

В этот день Г.К. Жуковым был отдан эмоциональный «Приказ командующего войсками Западного фронта от 20 января 1942 г. Командующему оперативной группой генерал-майору П.А. Белову на ввод в прорыв на вяземском направлении», он гласил:

«БЕЛОВУ

Строжайше запрещаю переходить где-либо к обороне. Если есть щель, гоните все в эту щель и развертывайте эту щель ударом к флангам.

Десанту поставлена задача к исходу 21.1 занять Ключи.

Итак, в цель ввести 2 СД, 5 КД и 5 лыж. батов. Будет блестящий успех.

Юхнов будет взят 21.1 войсками 43, 49 армии.

Болдин оскандалился.

Можайск взят Говоровым. Противник бежит по всему фронту. Давайте скорее к Вязьма. Горин¹ в 25 км от Вязьма.

20.1.42 20.10 ЖУКОВ»

Даже при беглом прочтении приказ производит впечатление того, что отдавался он в изрядной спешке и с излишним оптимизмом. Тем более что захват далекого Можайска оказывал на обстановку на этом участке фронта, мягко говоря, косвенное влияние, а вот действительно важный в оперативном значении Юхнов, вопреки обещаниям Георгия Константиновича, не был освобожден от немцев ни 21 января, ни 22-го и даже не в следующем месяце. Многие исследователи утверждают, что бросок к Вязьме 33-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса был чистой воды бесшабашной генеральской авантюрой, но, если присмотреться, это не совсем так. Не стоит забывать о цели этого броска — захвате Вязьмы и полной блокаде всех транспортных артерий противника внутри еще не имевшего четких границ выступа. Учитывая планируемую поддержку со стороны выбрасываемых во вражеский тыл авиадесантных соединений, помощь партизанских групп, а также непрекращавшиеся наступательные действия армий двух фронтов, сминавших во многих местах оборонительные линии противника, глубокие прорывы в направлении Вязьмы имели шансы на успех, но, как красноречиво гласит народная пословица, «гладко было на бумаге»...

КРЫЛАТАЯ ПЕХОТА. УДАР ИЗ ГЛУБИНЫ

Как видно из приказа командующего фронтом, у Жукова были связаны серьезные планы с действиями наших десантников, которым предстояло наступать из оперативной глубины немецкой обороны.

---

¹ Имеется в виду 11-й кавалерийский корпус Калининского фронта под командованием полковника Горина.

Раз речь зашла об авиадесантах, то остановимся на них немного подробнее. Как известно, воздушно-десантные войска — это довольно специфические подразделения, требующие детальной проработки плана действий и высокой грамотности управления собой. Советские воздушно-десантные бригады (впрочем, как десантники любой другой страны мира в 1942 году) практически не имели тяжелого вооружения и какого-либо транспорта, поэтому они способны были выполнять задачи, ограниченные по времени и району действий. Если произвести выброску десанта в районе крупного сосредоточения войск противника, то десантная операция мгновенно превратится в «веселый праздник вражеского зенитчика»; также при десантировании необходимо учитывать погодные условия и характер местности. Подобный «праздник» 19–21 мая 1941 года английским зенитчикам устроили немецкие десантники при неудачно организованной высадке на Крит в ходе операции «Меркурий» по захвату острова, являвшегося на тот момент мощной средиземноморской базой англичан. Тогда в результате подбора английскими дешифровальщиками ключа к кодам Люфтваффе защитникам острова стали известны не только планы противника, но и районы десантирования, и точное время подлета к ним немецких транспортных самолетов. В итоге из 8500 выброшенных немецких парашютистов расстрелянными в воздухе и уничтоженными уже на земле оказались 3674, также был безвозвратно потерян 271 транспортник Ju-52 из 500 принимавших участие в операции.

Избегая подобного развития событий, советской стороной для первой волны десантников был выбран мало заселенный район юго-западнее села Знаменка на большаке Юхнов — Вязьма с пересеченной местностью и небольшим количеством полей. Местность здесь слабо контролировалась противником, леса и небольшие деревушки были полны окруженцев октября 41-го, отнюдь не собиравшихся втыкать штыки в землю: через связных и разведчиков регулярные части имели с ними контакт, засылалась агентура для создания партизанских групп. Плюс ко всему в то же время в нескольких километрах от района высадки Знаменки располагался небольшой аэродром, контролиру-

емый немцами, его было решено захватить и использовать для приема транспортников.

Итак, ночью 18 января, еще за два дня до выхода в свет вышеприведенного приказа Жукова, в 35—40 километрах от передовых частей 1-го гвардейского кавкорпуса, в оперативном тылу немцев, между населенными пунктами Знаменка и Угра началась высадка парашютистов 1-го и 2-го батальонов 201-й воздушно-десантной бригады, а также подразделений 250-го воздушно-десантного полка. Задачей этих подразделений было удержание района десантирования, наступление в юго-восточном направлении и содействие тем самым прорыву гвардейского кавкорпуса Белова через шоссе, а также оказание помощи в продвижении к Вязьме передовым частям 33-й армии. Первоначально планировался захват парашютным десантом немецкого аэродрома у села Знаменка, которое к тому же располагалось на большаке Вязьма — Юхнов. В случае успеха оказалась бы перебитой важная снабженческая магистраль противника, а крупный аэродром в Знаменке обеспечивал бы подброску свежих сил и достаточное снабжение десантников провиантом и боеприпасами для дальнейшего выполнения поставленной задачи.

Но реальность оказалась прозаичнее: выброшенные у села Желанье десантники оказались разбросаны на огромной площади, и собрать бойцов в цельные подразделения за короткое время не удалось.

Наши кавалеристы тем временем не переставая «прощупывали» немецкую оборону короткими атаками. Причем значительная часть этих атак, по воспоминаниям ветеранов с обеих сторон, проводилась верхом на лошадях, и если при такой «шашечной» атаке немцы обрушивали весь огневой шквал на конников со значительного расстояния, то у последних еще оставался шанс спешиться, залечь в глубоком снегу и уцелеть, а вот если вражеские пулеметчики, больше, чем в первом случае, рискуя сами, подпускали кавалеристов на 300—400 метров, то бой превращался в расстрел. Ветераны 10-й моторизованной дивизии после с ужасом вспоминали, как толпа конников на лошадях,

спотыкающихся и почти по брюхо утопающих в глубоком снегу, пыталась подойти к их траншеям, но шквальный пулеметный огонь и подключившиеся минометчики очень быстро отбивали атаку, никто из кавалеристов не подходил к немецким позициям ближе чем на 200 метров, а большинство атаковавших оставались лежать темными холмиками рядом с трупами своих лошадей. Не получалось прорыва немецкой обороны вдоль шоссе и у 50-й армии — часть ее дивизий совершала маневр на левый фланг армии, образуя плотную ударную группу.

Левее кавкорпуса Белова стрелковые дивизии соседней 10-й армии, остановив продвижение в общем направлении на запад и северо-запад, надежно прикрывали фланг кавкорпуса и 50-й армии от контрударов со стороны противника. Возможности для организации крупного контрудара у немцев здесь не было — они ограничивались только удержанием отдельных опорных пунктов и локальными контратаками, постепенно останавливая продвижение наших войск и пытаясь выстроить жесткую линию обороны.

Некоторые немецкие источники утверждают, что в середине января в районе 20–25 километров севернее Кирова Варшавское шоссе подвергалось угрозе перехвата советскими войсками. Здесь полки 326-й стрелковой дивизии 10-й армии к 15 января продвинулись между надежно удерживаемыми немцами населенными пунктами Бахмутово и Шайковка и, овладев районом Борец — Старое Шопотово, оказались в 13 километрах по прямой от Варшавского шоссе, имея перед собой территорию, слабо контролируемую противником. Части этой советской дивизии, по мнению противника, стали угрожать перехватом автомагистрали юго-восточнее Спас-Деменска.

Одновременно 1097-й стрелковый полк 326-й стрелковой дивизии под командованием майора Свиридова, а также части 1111-го и 1109-го стрелковых полков 330-й стрелковой дивизии начали давить с севера и юга на противника, удерживавшего аэродром у Шайковки и позиции в нескольких километрах вокруг него. Но отбить у немцев аэродром не удавалось, несмотря на непрерывные ожесточенные атаки. Большинство домов в деревнях Митинка,

Анисово Городище, Салово и Леонов Починок были построены из кирпича. Заложив окна и пробив бойницы в фундаментах, немцы успели превратить деревни, опоясывающие аэродром, в системы неприступных ДОТов.

Пока в Шайковке удерживала оборону «сборная солянка» из частей аэродромного обеспечения и мелких пехотных подразделений в составе 19-го аэродромного батальона 13-го строительного батальона Люфтваффе, подразделений десантников и нескольких десятков пехотинцев из 216-й пехотной дивизии (осажденным гарнизоном в этот период командовал офицер по фамилии Штахеле), северо-западнее Спас-Деменска для поддержки обороны аэродрома противником создавалась боевая группа «Ольброгге», вскоре переименованная в «Роннеке». В состав импровизированного соединения вошли различные подразделения из 398-го пехотного полка 216-й пехотной дивизии: 2-й батальон без 4-й роты и 4-й батальон, отдельные роты и взводы, приданные в качестве усиления. Также в состав группы «Ольброгге» вошла и 6-я рота 1-го парашютно-десантного полка, действовавшего ранее в районе Юхнова. Возглавил группу обер-лейтенант Роннеке. Новая боевая группа противника начала продвижение на восток по маршруту Гайдуки — Новоселки — Дегонка, выбивая из населенных пунктов слабые советские силы охранения, и вскоре соединилась с немецкими частями у Шайковки. Несмотря на то что наши бойцы заняли деревни Выползово и Салово, обойдя противника с трех сторон, отбить у него аэродром не удавалось.

Немецкий гарнизон смог организовать круговую оборону, приспособив к ней строения в опустевших деревнях, и при поддержке собственной авиации успешно отбивал любую атаку советских частей. Точно установить состав авиационной группировки немцев, наносившей немаловажные для противника бомбо-штурмовые удары по советской пехоте, до сих пор затруднительно: встречаются упоминания только о самолетах истребительной авиаэскадры JG. 51; советские документы говорят лишь о частых бомбардировках и обстрелах с воздуха небольшими группами вражеских самолетов, не указывая их типы.

Солдаты службы аэродромного обеспечения на взлетно-посадочной полосе. Аэродром Шайковка со своей бетонной взлетно-посадочной полосой был крайне ценным для противника.

В боях за Шайковку советские артиллеристы использовали в качестве «зениток» 45-мм противотанковые пушки и 76,2-мм полковые и дивизионные орудия, подтаскивая их по глубокому снегу для огня прямой наводкой по взлетающим и приземляющимся вражеским транспортникам. Позднее, отступив от аэродрома, наши минометчики и артиллеристы накрывали огнем взлетно-посадочную полосу. Аэродром в результате стал крайне опасным, был отныне непригоден для концентрации крупных сил авиации противника и применялся только в локальных целях.

Удержав в январе районы Бахмутово и Шайковка, противник окончательно остановил продвижение 10-й армии на запад и северо-запад. Армия Голикова, оставленная командованием фронта всего с двумя дивизиями, до подхода пополнений оказывалась «вне игры» в разыгравшемся сражении за Варшавское шоссе и вяземские коммуникации и выполняла функцию связующего элемента между 50-й и 16-й армиями, наступавшими почти в перпендикулярных направлениях и имевшими каждая свои стратегические цели.

Десантная операция у Знаменки тем временем продолжалась: ночью 19 января в тяжелых метеоусловиях была выброшена вторая волна десантников 201-й воздушно-десантной бригады. Высадка пошла неудачно: несколько самолетов, экипажи которых не смогли найти районы высадки, возвратились на аэродромы с десантниками на борту. Большинство выброшенных парашютистов отнесло ветром в сторону от сектора десантирования, на сбор выброшенных в единое подразделение было потрачено слишком много драгоценного при десантной операции времени. Командование сводной группой двух батальонов, сконцентрированной у села Желанье, принял на себя командир 1-го батальона капитан И.А. Суржик. Днем десантники перешли в атаку на Знаменку, имея целью захват населенного пункта и расположенного рядом с ним аэродрома, который планировалось использовать для переброски уже посадочным методом подразделений 250-го воздушно-десантного полка. Но время было упущено — с момента высадки первого десанта прошло уже более суток, эффект внезапности был утерян, и немцы успели организовать плотный заградительный огонь на подходах к Знаменке, преодолеть который десантники и подошедшие к ним на помощь партизаны не смогли.

Здесь стоит сделать оговорку по поводу появления партизан в рассматриваемом нами районе. Появление это случайным не было, все дело в том, что в первой половине октября 1941 года, то есть примерно 100 дней тому назад, под Вязьмой попали в окружение основные силы советских Западного и Резервного фронтов. Из сотен тысяч окруженных далеко не все погибли в бою, сдались в плен или смогли прорваться из «котла»; многие бойцы и командиры остались в глубоком тылу врага, и, пусть переодевшись в гражданское, спрятав оружие и укрываясь на чердаках и в подвалах местных жителей, они продолжали оставаться живой силой, которую при появлении поблизости советских подразделений можно было использовать против врага. Так и случилось при появлении десантников возле Знаменки, когда под командованием А.А. Петрухина в короткое время был собран отряд примерно в тысячу человек, которые сражались с врагом в одних рядах с десантниками.

Тем временем части 4-й армии противника, оказавшиеся с трех сторон зажатыми вдоль Варшавского шоссе на участке от Юхнова до Мятлево, в течение января медленно отходили вдоль дороги к Юхнову, сокращая, таким образом, линию фронта и уменьшая риск своего окружения. Продолжали продвигаться к Вязьме и части 33-й армии. При такой неустойчивой ситуации, требовавшей быстрых перебросок крупных масс войск по дорогам и не исключавшей возможность скорого и стремительного отхода, никому из командиров немецких подразделений не хотелось бы неожиданно встретиться с плотным тромбом на транспортной артерии, созданным десантниками.

Аэродром в районе Знаменки и само село частям 201-й воздушно-десантной бригады так и не удалось захватить; теперь взять этот рубеж можно было только мощным штурмом, сил на который не было. Не увенчалась успехом и попытка использовать запасную площадку в полутора километрах южнее села: вскоре после приземления первых четырех советских транспортных самолетов немцы атакой со стороны Знаменки выбили наших десантников с импровизированного аэродрома, уничтожив на земле советский

Партизаны. Зимой-весной 1942 г. их отряды сражались плечом к плечу с регулярными частями Красной Армии в составе опергруппы генерала Белова

транспортник, застрявший в снегу. Нормально принимать транспортные самолеты, высаживавшие десантников из состава 250-го воздушно-десантного полка, смогла только третья площадка, расчищенная для этого в местности, полностью подконтрольной частям 201-й бригады северо-западнее д. Плеснево.

Разведка 4-й немецкой армии пристально следила за советской десантной операцией, и уже в донесении за 20 января армия докладывала «наверх»:

«...То, что противник усиливает охранение мостов через р. Угра, под н.п. Входы, под н.п. Луги, юго-западнее н.п. Знаменское (Знаменка), а также закладка аэродрома под н.п. Каменка (10 км северо-восточнее н.п. Знаменское), показывает, что противник намерен создать опорные пункты для действий по нашим тыловым коммуникациям в районе, где нет войск...»

У противника действительно не хватало сил для эффективного противодействия не только советским десанникам, но и контролировавшим район высадки партизанам. В течение трех ночей, с 20 по 22 января, на аэродроме под Плеснево было высажено примерно 1100 бойцов из состава 250-го воздушно-десантного полка. Высаженные десантники с ходу были брошены на перехват дороги Вязьма — Юхнов на участке юго-восточнее хорошо укрепленной Знаменки; одна из рот стремительным броском вышла на большак, где продержалась около суток, полностью парализовав продвижение немецких транспортных колонн, но в итоге под натиском противника от дороги пришлось отступить. 20 января, еще в ходе высадки, десантные подразделения получили по рации приказ Жукова, ставивший их очередной целью наступление на юг для захвата деревни Ключи, продвижения в направлении Людково, возле которой должны были прорвать немецкую оборону кавалерийские дивизии 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Приказ Георгия Константиновича не отменял при этом предыдущие задачи, которых и так было много. Из-за этого направления действий немногочисленных групп партизан и десантников стали напоминать «солнышко»: на западе надо было блокировать дорогу Вязьма — Юхнов, на

севере — оказывать помощь в продвижении частям армии генерала Ефремова, на востоке — силами диверсионных групп оказывать давление на противника и подрывать железнодорожное полотно в районе станции Угра, на юго-востоке — помочь кавалеристам с прорывом и соединиться с ними. С 24 января добавилась задача провести на северо-западе разведку в направлении Семлево.

А с прорывом дела у кавалеристов шли неважно: немцы не успели еще отрыть сплошной линии траншей, однако они укрепились в населенных пунктах и на господствующих высотах, узлы обороны противника один от другого находились в пределах прямой видимости и прикрывали друг друга перекрестным огнем. Такая схема обороны в сочетании с заградительным артиллерийским и минометным огнем позволяла успешно отражать частые атаки советских частей. Части 50-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса топтались на месте, пытаясь найти слабые участки в оборонительных порядках немцев.

Это «топтание» подробно описал генерал П.А. Белов. Посмотрим на ситуацию глазами командира кавалерийского корпуса:

«...Фронт, который занимала моя группа, был настолько широк, что мне приходилось часть сил расходовать на его занятие, так как немцы вели себя активно, а часть сил группировать на узком фронте, чтобы силой прорваться через Варшавское шоссе. Но все мои попытки оканчивались неудачно. Немцы очень быстро приспособили к обороне населенные пункты, которые находились между собою в тактической связи. Нам удавалось прорываться между этими пунктами или овладевать одним-двумя пунктами, но на Варшавском шоссе немцы сосредоточивали подвижные резервы мотопехоты и танков, которые отбивали наши попытки прорваться.

Я менял тактику, пытаясь нанести удар то в одном месте, то в другом, наступая то днем, то ночью. Все эти перемены требовали времени. Я получил усиление около пяти лыжных батальонов. Моя разведка проникала в тыл противника, но успеха все же не было. Наконец, с помощью показаний одного пленного офицера я решил прорваться через Варшавское шоссе по узкой полосе леса без дорог. Суть этого решения сводилась

к следующему: немцы, боясь мороза, хорошо оборонялись в населенных пунктах, в лес они почти не заходили. Лес давал возможность сосредоточиться скрытно, причем по другую сторону шоссе также был лес. К этому решению я пришел в силу необходимости, ибо оно исключало возможность взять с собой артиллерию и танки, которые по глубокому снегу и по лесу двигаться не могли...»¹.

По сути, теперь части группы Белова предпринимали попытку не прорыва, а просачивания лесами сквозь оборонительные порядки противника силами лыжных батальонов и кавалерийских дивизий, подвижных и способных без труда передвигаться по местности, не имеющей дорог. Получался принцип: пройдут в направлении на Вязьму или слабые, но высококомобильные войска без танков и тяжелого вооружения, или вовсе никто.

Первым через лес вдоль левого берега реки Пополта ночью 26 января к шоссе вышел 115-й лыжный батальон, сыгравший роль мощной разведгруппы. Надо отдать должное и немецким разведчикам — в темное время суток они смогли не только засечь советскую передовую группу, но и определить, что она состоит из бойцов, передвигающихся на лыжах. Уже в 2.20 по берлинскому времени из 4-й армии в штаб группы армий «Центр» летело донесение о том, что *«противник продолжил свои атаки на левом фланге 40-го МК. Лыжники пытались выйти на шоссе в долине реки Пополта...»*. Днем 26 января сюда подошел 1092-й стрелковый полк 325-й стрелковой дивизии опергруппы Белова. Нашим пехотинцам удалось захватить мост через речушку и, развернув оборону в двух направлениях перпендикулярно автодороге, создать узкое дефиле, через которое должны были протиснуться кавалерийские дивизии. Однако весь сектор прорыва насквозь простреливался немцами, которые вовремя не смогли вывести из боя на других участках силы, необходимые для «запечатывания» разрыва в своих оборонительных порядках, и вынуждены были ограничиваться фланкирующим огнем с места. Избегая попадания под прицельный фланговый огонь, Белов решил вводить

---

¹ Военно-исторический архив. М., 2005. Вып. 3.

кавдивизии в прорыв только при плохой видимости, то есть ночью или в сильную метель; расчет делался на то, что конникам удастся скрытно пройти через природное дефиле, прикрытое с флангов своей пехотой. Ночью 27 января через шоссе прорвалась 2-я гвардейская кавалерийская дивизия под командованием Н.С. Осликовского (один полк в пешем строю и два — в конном). Части дивизии все же попали под фланкирующий огонь, потеряли убитыми и ранеными 55 человек (примерно 1% личного состава дивизии, перед наступлением насчитывавшей около 5,5 тысячи человек) и в течение ночи вышли в лесной массив у деревень Федотково и Стреленки, потеряв связь со штабом корпуса и наткнувшись в Стреленках на противника.

К утру немцы подтянули несколько танков 27-го танкового полка к месту прорыва кавалеристов и, атаковав при их поддержке, запечатали прорыв. В качестве симметричного ответа Белов в середине дня бросил в ответную контратаку части 325-й стрелковой дивизии, придав им в качестве усиления 6 легких танков Т-60 из состава 2-й гвардейской танковой бригады. Атака была проведена успешно, и в результате части 325-й стрелковой дивизии теперь вновь удерживали участок шоссе, правда, протяженностью в два километра и теперь уже восточнее моста через реку. По этому «наземному мосту» ночью 28 января перескочили через дорогу 1-я гвардейская кавдивизия, 75-я кавалерийская дивизия и 216-й кавполк 57-й кавалерийской дивизии. Днем 28 января, как и накануне, немецкая атака при поддержке нескольких танков надежно закрыла горловину прорыва. Такая динамика боя сильно напоминает игру в «кошки-мышки» с немцами, кавалеристы старались «перебегать» через шоссе там, где их не ждали и пока их не заметили, отрывались от противника как можно дальше в глухих лесах севернее автомагистрали.

Этой же, ставшей относительно успешной для прорывавшихся через Варшавское шоссе частей 1-го гвардейского кавкорпуса, ночью в нескольких десятках километров западнее Вязьмы, у деревни Таборы, была произведена выброска 2-го батальона 8-й воздушно-десантной бригады 4-го воздушно-десантного корпуса. К утру 28 января в глу-

боком тылу немцев уже действовал батальон десантников в составе 476 человек, мгновенно перешедший к активным действиям по удержанию района села Озерчня для высадки остальных частей корпуса.

Вечером этого же дня и ночью следующего 41-я кавалерийская дивизия и штаб корпуса во главе с его командиром, совершив удачный обходной маневр через деревню Бесово, смогли без боя пересечь автомагистраль в точке восточнее села Глагольня (все силы этого третьего и последнего эшелона сам Белов оценил в своих дневниках в 2000 человек). Самый хвост колонны на шоссе ночью атаковали с юго-запада немцы: под прикрытием нескольких легких танков они очистили автодорогу и смогли провести автомобильную колонну с материальным снабжением и боеприпасами к войскам в районе г. Юхнов.

Больше из состава группы Белова не прорвался никто: несколько танков Т-60 из состава 2-й гвардейской танковой бригады, пехота 325-й и 329-й стрелковых дивизий, артиллерия корпуса и гвардейских кавдивизий, зенитные орудия и основная часть тыловых корпусных подразделений — вся эта сила осталась южнее шоссе перед вновь восстановленной и быстро уплотняющейся линией обороны противника. Хвост «иглы», вонзенной в немецкую оборону, сломался, ниточка снабжения за оставшейся в глубине частью не потянулась. 30 января подразделения кавалеристов соединились в районе деревни Тыновка с десанниками, которые продвигались им навстречу. Теперь части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса приступили к выполнению основной задачи, поставленной перед ними, — выходу в район юго-западнее Вязьмы, ее захвату и парализации всех вражеских коммуникаций, идущих через нее. Продвижение шло стремительно — в случае встречи наступающих с противником немецкие опорные пункты блокировались специально выделяемыми группами, а основные силы проходили, не задерживаясь.

Не прорвавшиеся через шоссе части кавалерийского корпуса, благодаря удачному обходному маневру через д. Бесово, окружили в д. Почепок 2-й батальон 41-го моторизованного полка немцев. Этот вражеский батальон занял в

деревне круговую оборону, некоторое время противник даже вынужден был снабжать окруженное подразделение по воздуху. Только после 3-й попытки прорыва и встречного удара 1-го батальона 41-го мотополка и лыжного батальона личный состав 2-го батальона прорвался к своим долиной реки Пополта под огнем советской пехоты и двух Т-60.

Одновременно с группой Белова к Варшавскому шоссе подошли и части 50-й армии, перенесшей центр давления дивизий на свой левый фланг, в район д. Барсуки, от которой было всего около 10 километров, что способствовало налаживанию взаимодействия с опергруппой Белова. Так, части 173-й стрелковой дивизии армии вечером 25 января, обойдя укрепленные позиции немцев в населенных пунктах, подошли к автострате к северо-востоку от д. Барсуки. 29 января несколькими контратаками — силами в батальон пехоты, поддержанный двумя Pz IV и шестью легкими танками, переброшенными по автомагистрали к точке советского прорыва, — противнику удалось потеснить от дороги советскую пехоту, которая еще не успела обзавестись танковой поддержкой со стороны только начинавшей выдвигаться к району боя 32-й танковой бригады и подтянула по снежным дорогам далеко не всю свою артиллерию. 1313-й и 1315-й стрелковые полки 173-й стрелковой дивизии в результате атаки немцев вдоль дороги оказались отрезаны от остальных частей у высоты 198,0 севернее шоссе и вели бой в полном окружении; для выхода к своим были приложены огромные усилия, потери ранеными, убитыми и пропавшими без вести составили примерно $\frac{2}{3}$ личного состава дивизии. Здесь уместно упомянуть, что немецкие танки, участвовавшие вечером и ночью 28 января в бою у Барсуков, с помощью которых 173-я дивизия оказалась разрезанной противником на две части, были, скорее всего, теми же машинами 27-го танкового полка 19-й танковой дивизии вермахта, которые закрыли днем горловину прорыва беловцев в долине Пополты. То есть танкисты противника, за исключением коротких перерывов, весь день вели бой, не вылезая из боевых машин, атаками вдоль дороги закрывая прорывы наших частей. Именно во многом благодаря высокой оперативности танковых подразделений и самоотверженности

экипажей танков, всегда действовавших на острие удара, немцам удалось локализовать советские прорывы, не допустив их слияния в одну огромную «дыру» в обороне.

Вслед за 173-й стрелковой дивизией, минуя крупные узлы сопротивления противника, на дистанцию в несколько сот метров к шоссе прорвались подразделения 340-й дивизии (к ночи 30 января два полка этой части вышли к шоссе в двух километрах к юго-западу от д. Барсуки) и 413-й стрелковой дивизии (этой же ночью дивизия подошла к шоссе в 2,5 километра к северо-востоку от Барсуков). На следующий день эти части — силами около полка пехоты при поддержке нескольких танков 32-й танковой бригады — неоднократно атаковали, но огневое сопротивление противника не позволяло продвигаться, и атаки захлебывались.

Батальоны 8-й воздушно-десантной бригады тем временем подготавливали почву к подходу кавалеристов. Ночью 29 января в районе с. Озеречня и д. Таборы был десантирован 3-й батальон бригады под командованием майора А.Г. Кобца. Мгновенно перейдя к активным действиям, десантники 3-го батальона этой же ночью подорвали в нескольких местах полотно железной дороги Смоленск — Вязьма, приостановив движение по ней. 2-й батальон этой же ночью с боем захватил село Озеречня. Части бригады теперь надежно контролировали небольшой район южнее железной дороги, периодически останавливая движение немецких эшелонов по ней.

31 января Франц Гальдер с небольшим запозданием запишет в своем дневнике:

«...На центральном участке фронта по-прежнему отмечается напряженное положение в 4-й армии. На автострате у Юхнова — серьезные бои...

Противник продолжает высаживать воздушные десанты (западнее Вязьмы). Шоссе (Минское шоссе. — Прим. авт.) и железная дорога Смоленск — Вязьма все еще не очищены от противника. Положение войск 4-й армии очень серьезное! Отмечаются трудности со снабжением...»¹.

---

¹ Гальдер Ф. Военный дневник...

Очень серьезные проблемы со снабжением в тот момент были не только у 4-й, но и у 3-й и 4-й танковых и 9-й армий противника, оказавшихся полуокруженными на гигантской площади. Советские войска серьезно давили на все снабженческие артерии этих войск противника, в некоторых местах крепко и надолго их пережимая. Особой остроты ситуация достигла 26—29 января, так как в этот период было нарушено движение на всех дорогах, соединяющих немецких «полуокруженцев» с внешним миром: 26 января, в момент выхода передовых подразделений опергруппы Белова к Варшавскому шоссе, Минское шоссе было перерезано у д. Чепурово 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта, прорвавшимся к дороге с севера; 29 января, как уже упоминалось выше, десантники 8-й воздушно-десантной бригады остановили движение по железной дороге Смоленск — Вязьма; в это же время парашютисты 201-й ВДБР и 250-го ВДП удерживали у Знаменки отрезок большака Вязьма — Юхнов и нарушали движение по железной дороге Вязьма — Занозная. Таким образом, циркуляция вражеской «крови», коей являлись грузы, доставляемые железнодорожными эшелонами, автомобильными и гужевыми колоннами, практически полностью остановилась.

Немецкие генералы стали в экстренном порядке принимать контрмеры по восстановлению положения, «сосуды» срочно надо было «лечить». А лучшим «препаратом для лечения» в этом случае были танковые дивизии, пусть сильно потрепанные и некомплектные, но все-таки имеющие боеготовые танки — самое эффективное оружие для контрударов и подвижной обороны. К тому же вражеские коммуникации перехватили кавалеристы и десантники — далеко не самые мощные в огневом отношении подразделения Красной Армии. К Вязьме стали стягиваться 11-я и 5-я танковые дивизии вермахта, а у Юхнова у противника и так уже были 19-я танковая и 10-я моторизованная дивизии, части которых после 3-го прорыва беловцев 29 января провели несколько успешных контратак, не только восстановив фронт южнее автомагистрали, но и отбросив советские части назад на несколько километров.

«БРЕШЬ К СЕВЕРУ ОТ МЕДЫНИ». ПРОРЫВ 33-Й АРМИИ СЕВЕРНЕЕ ЮХНОВА

Всю вторую половину января у немцев были серьезные проблемы на стыке 4-й и 4-й танковой армий севернее Медыни. Еще в ходе боев 10–13 января части 43-й советской армии смяли здесь немецкую оборону, в прорыв хлынули войска, предпринимались серьезные попытки расширить и углубить удачно пробитую дыру, однако успехом они не увенчались. У противника в тот момент не хватало сил для ликвидации прорыва, поэтому немцы лишь несколько локализовали его, подтянув силы к флангам «дыры», не позволив ее расширять. Внимание немецкого Генштаба к ситуации здесь налицо. Гальдер неоднократно и с большой тревогой упоминает о ситуации на стыке двух немецких армий. Вот извлечения из его знаменитого дневника, касающиеся рассматриваемого района:

10 января 1942 года:

«...Отрыв 4-й и 4-й танковой армий от противника, по-видимому, проходит гладко. У Медыни обстановка неясная...»

13 января:

«...Бои за Медынь настолько обострились, что фон Клюге просил разрешить ему сдать город, фюрер согласился, вопреки своему желанию.

Брешь к северу от Медыни по-прежнему вызывает большие опасения...»

14 января:

«...К северу от Медыни, как ни странно, нажима противника пока не отмечается...»

15 января:

«...К северу от Медыни брешь еще не закрыта. Противник наступает против южного фланга 4-й танковой армии...»

16 января:

«Противник развивает наступление через бреши в районе Сухиничей, к северу от Медыни, к западу от Ржева и западнее Осташкова...»

Еще в 12.00 12 января подразделения советских парашютистов захватили д. Елешня 2-я, находящуюся в 4 километрах западнее города Медынь. Части 17-й стрелковой дивизии 43-й армии к 12.00 овладели д. Адуево в 7 километрах восточнее Медыни и завязали бой с противником на окраине городка. 13 января десантники вышли на шоссе в двух километрах западнее Медыни, части 43-й армии охватили город с обеих сторон. Благодаря такому маневру разношерстные немецкие части, не успевшие уйти из городка, оказались в неплотном окружении. Из этого окружения в ночь на 14 января немцы успешно прорвались на Мятлево сквозь разреженные порядки советских войск, оставив при отходе большую часть тяжелого вооружения, как правило, приведенного в негодность: у большинства автомашин двигатели были прострелены бронебойными пулями, с орудий сняты прицельные приспособления.

Сложилась ситуация, при которой немецкие части 4-й полевой армии, медленно отступающие вдоль Варшавского шоссе, были зажаты с трех сторон войсками 43, 49 и 50-й советских армий. Противник уже не мог восстановить целостность фронта, сомкнув смежные фланги двух своих армий. Вдобавок ко всему брешь образовалась в малозаселенном до войны районе, который не изобиловал дорогами и удобными для обороны населенными пунктами.

В разрыв немецкой обороны Жуков решил ввести 33-ю армию, наступавшую до этого севернее прорыва. 17 января им была издана следующая директива:

«Командарму 33.

Копия: Командармам 5, 43.

1. 5-я армия атакует Можайск и овладевает им без Вашей помощи. Движение 33-й армии на Ельню, как запоздалое, отменяется.

2. 43-я армия (194-я сд), не встречая особого сопротивления противника, овладела Износки, Кошвяки и наступает на Юхнов.

3. Создалась очень благоприятная обстановка для быстрого выдвижения 33-й армии в район Вязьмы в тыл вяземской группировки противника.

Приказываю:

Одновременно с ликвидацией противника в Верее главными силами армии с утра 19.01.1942 г. форсированными маршами выходить в район Дубна, Замытское, имея дальнейшей задачей, в зависимости от обстановки, удар на Вязьму или обход ее с юго-запада. Передовыми частями в район Дубна, Замытское выйти не позднее 19.01 главными силами — 20.01.1942 г.».

Кроме того, в последующем командующий Западным фронтом уточнил:

«Ударную группу иметь в составе 113, 338, 160, 329-й и 9-й гвардейской стрелковых дивизий... Вам быстрее выехать в 113-ю стрелковую дивизию, откуда управлять ударной группой».

Стрелковые дивизии армии пешими маршами стягивались к сектору прорыва около недели и 24 января перешли в наступление в западном направлении из района поселка Износки. Наступление шло относительно успешно, 26 января частями 33-й армии была перехвачена важная для взаимодействия между немецкими подразделениями автодорога Юхнов — Гжатск. Оборона немцев в секторе наступления была разрежена и распалась на отдельные слабые очаги сопротивления.

30 января командующий Западным фронтом дал командующему 33-й армией следующие указания:

«Приказываю:

1. Ударной группой армии без задержек наступать в направлении Красный Холм, Соколово, куда выйти не позднее 1 февраля 1942 г.

В дальнейшем, взаимодействуя с группой Белова, овладеть Вязьмой, охватывая ее с юго-запада.

2. Фронтовой резерв — 9 гв. сд, следующую в район Кукушкино, — подчиняю Вам.

3. Ударную группу иметь в составе 113, 338, 160, 329 и 9 гв. сд.

4. Силами 110, 222, 93 сд быстрым охватывающим ударом разгромить группировку противника в районе Селенки, Угрюмово, Шанский завод, после чего наступать ими через Дубна, Селенки на Вязьму.

110 сд держать на уступе в районе Дубна для обеспечения фланга.

5. Всемерно ускорить выдвижение вперед 329 и 9 гв. сд. Ударной группой не топтаться перед слабым заслоном противника. Сил Вам дано много, и только от стремительности их действий зависит конечный успех. Вам быстрее выехать в 113 сд, откуда управлять ударной группой».

Сил-то дали много, а вот управление ими навязали очень неграмотное — Ефремову в соответствии с указаниями командования надлежало лично управлять дивизиями ударной группы армии, рвущимися к немецкому «транспортному сердцу». Такое «в стиле Чапаева» управление армией являлось выгодным только командованию фронта, которое таким своим решением заранее перестраховывалось, назначая «ответственного за прорыв», на которого в случае провала операции можно было свалить всю вину, что впоследствии и случилось.

Из донесения штаба 4-й армии немцев за 29.01:

«Противник не оставляет попыток соединиться с частями, находящимися в тылу за линией нашего фронта. Обходя стороной занятые нашими войсками населенные пункты, противник перебрасывает ночными маршами свои силы, продвигаясь лесами на север и через шоссе Юхнов — Ивановская на запад...»¹.

Здесь немцы имеют в виду попытки соединения частей 33-й армии с уже прорвавшимися в тыл противника кавалеристами 1-го гвардейского кавалерийского корпуса южнее Вязьмы (которое, кстати, вскоре состоялось). Шоссе Юхнов — Ивановская — это не что иное, как стратегически важная для врага автодорога Юхнов — Гжатск (Ивановское — населенный пункт, расположенный на этой дороге, в 11 км западнее поселка Износки, где расположился

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 560. Л. 146—148.

штаб М.Г. Ефремова). Вторит первому и донесение за этот день северного соседа 4-й полевой — 4-й танковой армии противника:

«Продолжается давление противника в прорыве к 4-й армии. Здесь установлена 160 сд, предполагавшаяся ранее перед 2-й армией. Воздушная разведка обнаружила крупные колонны под Гиреево и на шоссе Холмы — Каркадиново, совершающие марш в западном направлении. Части противника, пробивающиеся через шоссе Юхнов — Гжатск в западном направлении, предположительно уже достигли района северо-западнее Дряжино»¹ (вероятно, Д. Дрожжино, находящееся немногим менее чем в 30 км юго-восточнее г. Вязьма. — Прим. авт.).

1 февраля стрелковые дивизии 33-й армии продвинулись еще дальше и подошли передовыми подразделениями к Вязьме с юга и юго-востока на дистанцию в 10–12 километров. В результате вокруг Вязьмы на 2 февраля общая картина была следующей:

части гвардейского кавкорпуса, соединившись с 201-й воздушно-десантной бригадой и 250-м воздушно-десантным полком, основными силами подошли в район южнее и юго-западнее Вязьмы, где их подхода ожидали десантники 8-й воздушно-десантной бригады.

Потрепанные 113, 338, 329 и 160-я стрелковые дивизии 33-й армии, общей численностью всего около 10 000 человек, также вышли к городу и подготавливались к штурму. Западнее и северо-западнее города с переменным успехом вел бой сильно оторвавшийся от своих тылов 11-й кавалерийский корпус Калининского фронта.

Формально у Вязьмы действовали два кавалерийских корпуса, один из которых (1-й гвардейский кавкорпус) был усилен десанниками, и четыре стрелковых дивизии общевойсковой армии. Однако все эти части вышли к городу сильно ослабленные, причем каждая по своим, особенным причинам: 11-й кавкорпус имел сильно растянутые пути снабжения, проходившие после соединения ржевской и оленийской группировок немцев через узкий коридор у

---

¹ Там же.

поселка Нелидово; 1-й гвардейский кавалерийский корпус из-за противодействия противника не смог переправить при прорыве через Варшавское шоссе тыловые части, тяжелое вооружение, подчиненную пехоту и танки; ударная группа 33-й армии прорвалась в спешке и на значительное расстояние, не имея в подчинении ни единого танка; десантники были малочисленны, имели крайне мало тяжелого вооружения, авиация снабжала их нерегулярно, часть грузов при этом попадала в руки противника.

Таким образом, все советские соединения, рвавшиеся к сердцу вражеского снабжения, сами были оторваны от тылов и сами снабжались провиантом и боеприпасами крайне нерегулярно. Продвижение же частей, находившихся на флангах прорвавшихся, противник к концу января смог приостановить.

«КОТЛЫ». ШАГ НАЗАД

ОТСЕЧЕНИЕ 1-ГО ГВАРДЕЙСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА И 33-Й АРМИИ ОТ ТЫЛОВ. ЗАВЯЗКА БИТВЫ ЗА ВЯЗЬМУ

Опергруппа Белова, как уже упоминалось выше, пыталась прорваться через немецкую линию обороны к югу от Варшавского шоссе в направлении на Вязьму далеко не в одиночку. Отказавшись от лобового штурма Юхнова, ввиду полной безнадежности этой затеи в ситуации, когда в выступе у городка сконцентрировались части сразу четырех корпусов противника — 57, 12, 13-го армейских и 40-го танкового, советские генералы, хотя и не особо заботящиеся о жизнях своих солдат, все же не стали заниматься «самоубийством» вверенных частей. 50-я армия дивизиями своего усиленного левого крыла нанесла удар в направлении деревни Барсуки, в 18 километрах юго-западнее Юхнова, и к 30 января ее 173, 340 и 413-я стрелковые дивизии прорвалась к автомагистрали. Вкупе с перешедшими в рейд кавалерийскими дивизиями Белова, уже прорвавшимися через шоссе и утратившими локтевую связь с остальными частями фронта, входящими в прорыв стрелковыми дивизиями Ефремова, а также неослабевающим давлением на противника 49-й и 43-й армий это направление удара было уместным и необходимым. Такой вектор выступал в качестве мощной левой «клешны», охватывающей немецкую группировку у Юхнова и, в случае развития достигнутого успеха, пережимающей сразу две основные автодороги (от д. Барсуки примерно 12 км по прямой до дороги Юхнов — Вязьма), без которых полуокруженные у Юхнова немецкие

части или попали бы в жесткую зависимость от снабжения по воздуху, или были вынуждены самостоятельно прорываться на соединение с остальными частями 4-й армии.

На Восточном фронте в 1942 году сведущие в оперативной ситуации офицеры вермахта часто задавались одним и тем же, ставшим похожим на философский, вопросом: «Кто сейчас кого окружает — русские нас или мы их?» И верный ответ на этот вопрос обычно становился очевидным только

Прорыв 1-го гвардейского кавалерийского корпуса через линию Варшавского шоссе. 26—29 января 1942 г.

тогда, когда в тылу одной из сторон смыкались две группировки противника, затягивая накиннутый «мешок».

Первым из разряда «окружающих» в разряд «окруженных» перешел 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Однако в этом на момент отрыва кавалерийской группы от остальных войск фронта еще не было никакой трагедии. Во-первых, глубокие рейды по тылам врага — это родная стихия для кавкорпуса: его личный состав обучен и в большинстве своем уже имел опыт рейдов по тылам противника. Поэтому поставленная Жуковым Белову задача с теоретической точки зрения являлась адекватной. Во-вторых, беловцы выдвигались на Вязьму лесными районами, в большинстве населенных пунктов их встречали не «зловобыным рыком» МГ-34, а дружеским приветствием десантников и партизан, удерживавших территорию. И пусть с перебоями, но все же работавший советский «воздушный мост» помогал конникам и десантникам поддерживать боеспособность.

Второй изменила статус с «окружающих» на «окруженные» ударная группа 33-й армии. 2 февраля Франц Гальдер записал в дневнике: *«Войска готовятся к наступлению с целью ликвидации бреши у Медыни. Удар должен быть нанесен завтра...»* Советский прорыв, три последних недели серьезно тревоживший командование противника и принявший угрожающие масштабы, было решено окончательно ликвидировать встречными ударами подразделений 4-й армии — с юга и 4-й танковой армии — с севера. Забавно в этом контексте звучит вечернее сообщение Советского информбюро за 1 февраля: *«31 января наша часть под командованием тов. Наумова (Западный фронт) совместно с танкистами тов. Чернышева полностью уничтожила 3-й пехотный батальон 4-го полка СС. Захвачены пленные...»* Уже через два дня 4-й пехотный полк СС 4-й армии (кстати, переброшенный в распоряжение группы армий «Центр» по воздуху в соответствии с личным указанием Гитлера от 20 декабря 1941 года и являвшийся относительно свежей и неизмотанной частью) соединится с передовыми подразделениями 20-й танковой дивизии 4-й танковой армии, отрезав 33-ю советскую армию от ее тылов. И 3 февраля

«брешь к западу от Медыни на фронте группы армий «Центр» ликвидирована», говоря словами начальника немецкого Генерального штаба. Немцы смогли смять фланги прорыва, не задействовав оперативных резервов, а спешно стянув к основанию длинного клина, вбитого в их оборону, части, выведенные из боя на соседних участках. Произошло это не случайно — с советской стороны были нарушены сразу несколько азбучных правил проведения армейской наступательной операции: во-первых, командующему армией было приказано непосредственно управлять группировкой, ведущей бой в глубине обороны противника, и генерал Ефремов просто физически не мог оперативно реагировать на атаки противника в десятках километров за спиной и принимать эффективные контрмеры; во-вторых, основание прорыва оказалось крайне слабо прикрытым при очевидности скорых попыток противника по восстановлению целостности фронта; в-третьих, 33-й армии фронт не удалось придать ни одного, пусть даже слабого танкового подразделения, способного, быстро маневрируя, локализовать немецкие танковые атаки; и, наконец, в-четвертых, на дворе стоял уже далеко не 1916 год, быстрота маневра стала определяющим фактором успеха, действовать необходимо было максимально вертко, с учетом с каждым часом меняющейся оперативной обстановки на передовой, а это далеко не всегда удавалось советскому командованию.

1-й гвардейский кавалерийский корпус опоздал со штурмом Вязьмы всего на несколько дней — с востока уже успели подойти к городу 5-я и 11-я танковые дивизии противника. И 2-я гвардейская, и 75-я кавалерийские дивизии, а также два лыжбата, в лобовую пытавшиеся штурмовать город с южного направления, были встречены нарастающим сопротивлением немецких мотополков. Молниеносного удара иглой во вражеское сердце не получилось — немцы цеплялись за каждый населенный пункт или перекресток дорог, отступая только в случае крайней невыгодности ситуации. К обороне подключились танки 31-го танкового полка 5-й танковой дивизии. В распоряжении Белова (впрочем, как и Ефремова с Гориным) для прикрытия пехоты от немецкой бронетехники не было

танции, на которой пули ПТРов и бронебойные снаряды «сорокапятки» только громко стучали по танковой броне, высекая искры и отскакивая от нее. А если в ходе неожиданной контратаки пара-тройка Pz III врывалась в порядки кавалеристов, бой превращался в одностороннее уничтожение, и лучшим выходом для наших бойцов было отойти с поля боя и оторваться от противника как можно дальше либо отступить к позициям артиллеристов, прикрывшись их огнем, так как противотанковые мины и бутылки с горючей смесью, с помощью которых можно было пытаться повредить в ближнем бою немецкий танк, были в начале февраля под Вязьмой остройшим дефицитом. Именно об этой первой и не запланированной для советской стороны встрече кавкорпуса с немецкой танковой дивизией начальник немецкого Генерального штаба Сухопутных войск, не без излишнего самодовольства, напишет 2 февраля: «...5-я танковая дивизия уничтожает группы противника, просочившиеся в наш тыл. Эти бои за линией фронта носят комически уродливый характер и показывают, что война, как таковая, начинает вырождаться в драку, далекую от всех известных форм ведения войны...» Ну, по поводу «уничтожает» господин Гальдер изрядно переборщил: 5-я танковая дивизия вермахта и 1-й гвардейский кавалерийский корпус РККА будут уничтожать друг друга вплоть до июня, пока основные силы десантников и кавалеристов не прорвутся из сжимающегося кольца окружения, однако это уже не вписывается во временные рамки нашего повествования. К слову сказать, П.А. Белов в своем дневнике менее эмоционально и трагично запишет о боевых действиях к юго-востоку от Вязьмы 2 февраля и никакой трагедии или уничтожения своих войск уже не отметит, как и не было его в реальности. А были бои с потерями с обеих сторон, результатом которых стало парирование немцами первой попытки захвата города, и не более того.

Обратим внимание на вооружение наших кавалерийских дивизий, завязших в невыгодных для них позиционных боях на ближних подступах к Вязьме. Как мы уже упоминали выше, подтянуть тяжелую корпусную и дивизионную артиллерию к Вязьме беловцам было не суждено.

Однако еще в ходе марша к стенам города кавалеристы стали встречать не только «окруженцев» осени 41-го, но и их брошенное тяжелое вооружение, часть которого оказалась исправной или требовала минимального ремонта. К сожалению, боеприпасы, пролежавшие под открытым небом четыре месяца, были в не самом лучшем состоянии: отсырев под осенними дождями и попав после под морозы, многие боеприпасы (особенно это касалось артиллерийских гильз, пороха для гаубиц с раздельным заряданием, негерметичных вышибных зарядов минометных мин, 76,2-мм снарядов для полковых орудий) серьезно испорчены. Но все же это было оружие, которое кавалеристы и десантники быстро направили в сторону врага. Также в ходе боев с немецкими частями многие пехотинцы вооружались трофейным немецким стрелковым оружием с боеприпасами, с которым проблем зачастую было меньше, чем с отечественным. Появилась в единичных экземплярах и трофейная артиллерия, автомашины, мотоциклы и даже тягачи, правда, снаряды и горючее ко всем этим трофеям появлялись от случая к случаю. К концу февраля беловцам уже было чем «огрызнуться» немецким танкам: удалось довести до боеготового состояния несколько танков, оставленных нашими войсками в 1941 году, и в оперативном подчинении генерал-майора Белова оказалась целая танковая рота, дислоцировавшаяся в районе д. Подмошье, примерно в центре удерживаемого советским войсками района. Однако с топливом для танков дела обстояли очень и очень плохо: для выполнения боевых задач танки нуждались в тоннах горючего, доставить которое, не имея наземной связи с фронтовыми базами снабжения, оказалось невозможно.

В начале февраля для бойцов опергруппы Белова настал тяжелый период. Полностью закончился запас сухпайков, рассчитанный всего на несколько суток, начался дефицит боеприпасов, медикаментов и кормов для лошадей. Авиаторы тем временем еще не имели подготовленных площадок для посадки, четких координат районов сброса грузов и часто не могли правильно сориентироваться, отчего значительная часть сбрасываемых в парашютных контейнерах грузов не попадала в руки кавалеристам; иногда немцы

делали ложные световые сигналы и при подходе наших самолетов неожиданно открывали по ним зенитный огонь из всех стволов. Наши части были вынуждены перейти на самообеспечение и искать продовольствие и фураж в деревнях и на неубранных колхозных полях, лошадей кормили малопригодной для этого соломой с крыш домов и неубранных стогов, но продуктов все равно не хватало, люди начали голодать. В частях появлялось все больше раненых и больных, остро встал вопрос с госпиталями и эвакуацией тяжелораненых.

Одновременно активизировала свои действия немецкая авиация. 5 февраля немецкие наблюдатели засекли место посадки советского связного самолета У-2 в д. Бели, где на тот момент располагался штаб корпуса, уже вскоре после этого (в 13.25) семерка Ju-87 с ревом неслась в пикировании, осыпая деревню многокилограммовыми фугасными авиабомбами. По злой иронии судьбы, осколок одной из этих бомб оборвал жизнь полковника Сидоренко, командира 66-го истребительного авиаполка Западного фронта, осуществлявшего воздушное прикрытие корпуса. К сожалению, несколько истребителей полка, к тому же базировавшихся в районе Мосальска, не могли непрерывно контролировать воздушное пространство. Наземные войска под Вязьмой — в значительной степени по причине господства в небе вражеской авиации — все чаще вели наступательные действия в темное время суток.

3 февраля в районе д. Стогово западнее дороги Вязьма — Юхнов части 1-го гвардейского кавкорпуса и 33-й армии вошли в соприкосновение. Началось совместное наступление этих объединений на Вязьму, автомобильная дорога на Юхнов и железнодорожная ветка Вязьма — Угра оказались перехвачены подразделениями Ефремова. Под мощным натиском подразделения 5-й танковой дивизии противника на многих участках отступили ближе к городу. К 6 февраля советская кавалерия заняла д. Стогово и в ночь на 7 февраля пыталась продавить немецкую оборону в районе западнее Батищево; ефремовцы этой же ночью теснили позиции противника в нескольких километрах северо-восточнее д. Лосьмино. Бомбардировщики Запад-

ного фронта засыпали окраины города фугасными авиабомбами, оказывая немалую поддержку наземным частям.

Безуспешные попытки прорыва к Вязьме продолжались около недели, пока 10–11 февраля немцы, подтянув резервы, не провели несколько успешных контратак, окружив подошедшую ближе всех к городу 75-ю кавалерийскую дивизию, и, воспользовавшись преимуществом в мобильности моторизованных подразделений 5-й танковой дивизии над советской пехотой и кавалеристами, не нанесли удар вдоль большака Вязьма — Юхнов, нарушив взаимодействие между гвардейским кавкорпусом и 33-й армией. Части 75-й кавдивизии под командованием полковника Москалика вскоре прорвались из окружения в юго-западном направлении, дивизию спасти удалось, но это был шаг назад от намеченной цели.

Западнее регулярных частей Красной Армии, сражавшихся у Вязьмы и Семлево, в это время начался невиданный доселе в истории войн подъем партизанского движения. В районе Дорогобужа мелкие партизанские группы из состава «окруженцев» и мирного населения, ранее проявлявшие низкую активность, со скоростью взрыва стали объединяться в довольно крупные подразделения, стремящиеся установить постоянную связь со штабом Белова. Не последнюю роль в активизации действий партизанских отрядов сыграла выброска 8-й воздушно-десантной бригады, «удачно заблудившиеся» десантники из состава которой были живым доказательством того, что теперь в своей борьбе с врагом подпольные отряды далеко не одиноки. Зачастую успешные совместные действия крылатой пехоты и партизан против немецких сил охраны еще больше усиливали моральный подъем в рядах последних и поддержку со стороны местного населения.

Перейдя к активным наступательным действиям, партизаны начали громить вражеские гарнизоны, один за другим освобождая населенные пункты. Так, 15 февраля после ряда налетов и диверсий отрядами «Ураган» (командир — А.Т. Калугин) и «Дедушка» (командовали М.Ф. Базаров и В. Гудимов) от немцев был полностью очищен город Дорогобуж. Южнее отряд имени Лазо под командованием

В.В. Козубского и А.Ф. Юденкова при поддержке местных жителей в течение февраля выбил противника из 58 сельсоветов в районе между городами Ельня и Спас-Деменск. В это же время в районе между Вязьмой и Юхновом на обширной территории у села Знаменка образовался и стал активно действовать партизанский отряд «Смерть фашизму!» под руководством бывшего первого секретаря Знаменского райкома партии П.К. Шматкова. После того как этот крупный отряд установил связь с фронтом, с Большой земли для руководства партизанским соединением был заброшен майор-пограничник В.В. Жабо, ранее высоко зарекомендовавший себя в подобной роли. Впоследствии эти силы партизан во всех донесениях стали именоваться как «отряд Жабо» (далее в тексте мы также будем использовать именно это название отряда). С середины февраля, когда между Угрой и Знаменкой состоялась выброска двух бригад 4-го воздушно-десантного корпуса, это партизанское подразделение прикрывало тылы и обеспечивало снабжение перешедших в наступление десантников.

Но все же боеспособность партизанских подразделений была ограниченной: им удавались диверсионные действия, отважные налеты на небольшие немецкие гарнизоны; даже освобождение многих сотен небольших населенных пунктов осуществлялось зачастую исключительно партизанскими силами. Однако группы партизан имели очень пестрый состав, подготовка и боевой опыт их членов, как правило, были невысокими: они были вооружены в основном только легким стрелковым оружием (в значительной части трофейным). Партизанские группы ввиду этих причин не могли проводить штурмы достаточно укрепленных немецких позиций, в обороне они также не были стойкими и при организованной атаке со стороны противника предпочитали отсту-

Командир партизанского отряда майор (на фото — подполковник) В.В. Жабо

пать, отрываясь от врага и укрываясь в лесном массиве. Белов понимал неблестящие возможности партизанских групп и поэтому всячески избегал перемешивания личного состава своих частей и партизанских отрядов: необходимое пополнение кавалерийских дивизий, подразделений десантников и лыжных батальонов осуществлялось только из числа тщательно проверенных людей, преимущественно «окруженцев», имевших боевой опыт и хорошо проявлявших себя в боях в составе партизанских отрядов. Активная работа контрразведки по фильтрации личного состава, проводившаяся при этом, к весне стала необходимостью, так как противник начал все чаще использовать для разведки русскоязычных предателей, а «ягдотряды», собранные из них, своими действиями угрожали существованию опергруппы Белова как единого военного механизма.

ПРОВАЛ ПЕРВОГО ШТУРМА ШОССЕ. ОКРУЖЕНИЕ ЧАСТИ СИЛ 50-Й АРМИИ

Пока вокруг 33-й армии оформлялось «колечко», неподалеку от Юхнова дивизии 50-й армии безуданно бились у Варшавского шоссе с противником, также с ослабленными флангами и с несколькими мощными опорными пунктами врага на флангах и в тылу.

Справедливости ради надо сказать, что один крупный опорный пункт немцев на левом фланге нашей ударной группы все же был захвачен. Речь идет о д. Вышнее, являвшейся очень опасным «гвоздем в боку» наступавших на автостраду советских подразделений. Кроме постоянного флангового огня, крайне опасной была неожиданная атака противника из района этого опорного пункта. Днем 2 февраля для штурма деревни были выделены три сводных батальона от 173-й и 340-й стрелковых дивизий, поддержку которым оказывали шесть Т-34 32-й танковой бригады; артиллерийскую поддержку осуществляли одновременно два артполка и дивизион реактивных минометов (благодаря этому была достигнута высокая плотность огня, ставшая одним из решающих факторов при штурме). После корот-

кого боя оборонявшие деревню пехотинцы противника к 18.30 отошли на запад, к д. Поляны.

После захвата Вышнего основание прорыва немного уширилось, и для наступления через шоссе подтягивались подразделения, ранее прикрывавшие левый фланг. Части четырех советских стрелковых дивизий (154, 173, 340, 413-й) и танковой бригады, оснащенной в основном Т-34 и Т-60, плотными порядками, в достаточной степени насыщенными минометами и артиллерией, сосредоточились для наступления в северном направлении. Если говорить о противотанковой артиллерии, то в начале февраля в ударной группе имелось 10 45-мм противотанковых пушек, а также три 57-мм длинноствольных противотанковых орудия ЗИС-2, являвшихся крайне опасным противником для немецкой бронетехники, так как их бронебойный снаряд, обладавший высокой начальной скоростью, пробивал броню любого немецкого танка даже на значительных расстояниях и при остром угле встречи.

Бои с противником у шоссе шли непрерывно, в один час вывести в резерв хотя бы стрелковый батальон для контратаки и восстановления положения на флангах в случае обострения ситуации было невозможно. По утреннему оперативному донесению 57-го армейского корпуса противника на 8.00 5 февраля 1942 года (по берлинскому времени; по московскому, к которому мы привязываем события, — это 10.00) чувствуется напряженная и очень быстро меняющаяся обстановка на поле боя:

«Противник вел усиленные боевые операции и передвижения войск с юга на север на границе с 40 АК (ТК). С 24.00 продолжается танковая атака на высоту юго-восточнее н.п. Барсуки...»

Вскоре последовало и дополнительное донесение:

«Высота юго-восточнее н.п. Барсуки захвачена противником. Окопная узкоколейка преграждена прямым огнем. Контрмеры начались»¹.

При такой диспозиции утром 6 февраля противник перешел к фланговому охвату ударной группы 50-й армии,

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 140. Л. 99—102.

осуществлявшемся встречными ударами из района д. Вышнее и д. Ситское. Охват проводился: с востока — силами 52-й пехотной дивизии, наступавшей в западном направлении; с запада — атаковавшей через Вышнее боевой группой «Траут». В состав этой группы вошли: 2-й и 3-й пехотные батальоны 41-го моторизованного полка 10-й моторизованной дивизии, мотоциклисты и лыжный батальон этой же дивизии, танки 19-й танковой дивизии, оторванные от остальных частей дивизии, также сражавшихся в это время в своем секторе вдоль шоссе, но несколько восточнее (такое применение танков 27-го танкового полка — единственной танковой части противника в радиусе нескольких десятков километров — в ближайшие месяцы будет для немцев скорее правилом, чем исключением). На том, что артиллерийско-минометная поддержка наступающих со стороны артполка 137-й пехотной дивизии и 1-го дивизиона 19-го артполка 19-й танковой дивизии была традиционно мощной, останавливаться не будем, так как вплоть до начала распутицы отсутствие острого дефицита боеприпасов у немецких артиллеристов в районе шоссе также было закономерностью.

Встречные немецкие удары имели успех, и уже днем 6 февраля ударные группы противника сблизились так, что между ними осталось 200—300 метров. При этом оказалась перерезанной лесная дорога, проходившая с севера на юг между д. Вышнее и д. Ситское, являвшаяся последней снабженческой артерией для советской группировки в районе д. Барсуки. Остальные пути подвоза южнее д. Бардино немцы перекрыли ранее. К утру 7 февраля между ударными группами противника была установлена визуальная связь, однако небольшой коридор в несколько сот метров еще удерживали наши бойцы, а с севера и юга контратаками силами до стрелковой роты советская сторона пыталась восстановить положение и оттянуть образование сплошного фронта окружения, однако столь скромные попытки спасти ситуацию оказались тщетными: через несколько часов немецкие части соединились, установив на лесной дороге мощные заслоны.

Таким образом, крышка «котла» захлопнулась: войска 50-й армии оказались разрезаны противником на две

группы, одна из которых оказалась в полном окружении. Однако бойцам, попавшим в окружение у автомагистрали, относительно повезло, если сравнивать их положение с пехотинцами Ефремова: северная группировка 50-й армии, к счастью, не успела на многие километры проникнуть в тыл противника и оказалась всего лишь в тактическом окружении — от пехоты 290-й и только подошедшей к передовой после выгрузки в Калуге 336-й стрелковой дивизии, оказавшихся вне «котла», их отделяло расстояние, в некоторых точках едва превышавшее пару километров. Такое окружение по своей глубине было тактическим, не самым страшным и оставлявшим «окруженным» серьезные шансы на прорыв. Окружение же частей 33-й армии можно смело назвать оперативным, разобщенность двух армейских группировок из-за действий противника непрерывно увеличивалась и уже через несколько дней после окружения составила десятки километров. Рассчитывать в таких условиях на огневую поддержку и скорый успешный прорыв «кольца» извне ефремовцам не приходилось.

Вскоре началась игра на уничтожение застрявших в тактических окружениях частей 29-й советской армии под Ржевом и 50-й — под Юхновом. На создание вокруг ударной группы 33-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса с приданными ему подразделениями десантников плотного кольца окружения у противника еще не хватало сил.

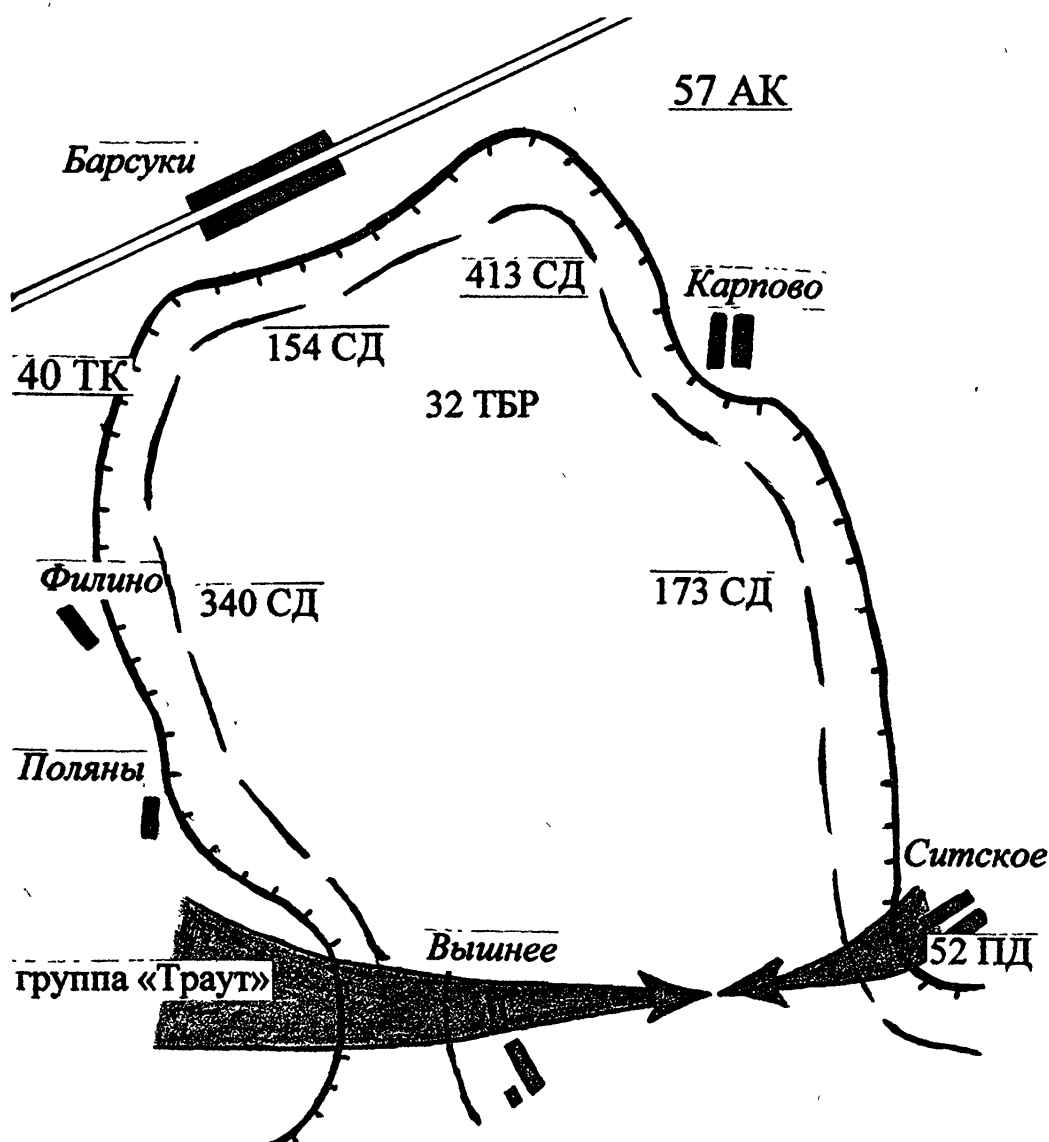
Окруженные дивизии 50-й армии с момента попадания в «котел» методично уничтожались противником, который периодически атаковал, уплотняя кольцо окружения и изматывая наши подразделения. Первым делом враг решил задачу высвобождения отрезка автострады от огня прямой наводкой. Несколько концентрированных атак немецкой пехоты и танков при поддержке артиллерии залповым огнем сделали свое дело — советские части, испытывавшие трудности с боеприпасами и свободой маневра, отступили, не выдержав удара, но удержав целостность фронта. Попытки южной группы 50-й армии прорвать окружение ударом на север силами 336-й и 290-й дивизий через д. Вышнее заканчивались неудачно: немцы отчаянно обороняли населенный пункт, значительно возвышавшийся над

остальной местностью, дома и подвалы противник быстро превратил в труднопоражаемые огневые точки — крупные оконные проемы были заложены кирпичом так, что оставались только небольшие амбразуры для ведения ружейно-пулеметного огня, а в фундаментах домов и подвалов, наоборот, были пробиты бойницы для огня из стрелкового оружия. Подавить такой импровизированный ДОТ можно прямым попаданием артснаряда в амбразуру, да и в этом случае немецкие пулеметчики после первых артиллерийских выстрелов, поняв, что по ним пристрелялись, часто успевали сменить позицию, а после (если от ДОТа еще что-нибудь оставалось) возвращались обратно, и злосчастная огневая точка вновь оживала.

Наряду с удержанием внешнего фронта окружения и медленным «сдавливанием» внутреннего немцы тем временем приступили к методичному артиллерийскому уничтожению «окруженных». Навязанная контрбатареинная борьба вынудила наших артиллеристов в «котле» расходовать последние снаряды, вскоре их осталось по несколько штук на орудие, некоторые калибры были израсходованы почти полностью. Частые бомбардировки со стороны немецкой авиации наносили серьезный урон и оказывали деморализующее воздействие на личный состав окруженных советских частей.

Днем 9 февраля части 336-й стрелковой дивизии в ходе очередной попытки деблокирующего удара смогли вклиниться в немецкие порядки в районе Вышнего. Однако противник смог остановить их продвижение сильным заградительным огнем, а через несколько часов, после некоторой перегруппировки сил, сводная группа из различных подразделений 57-го армейского корпуса немцев перешла в контратаку и восстановила положение, ликвидировав угрозу прорыва кольца окружения извне. Потери 336-й стрелковой дивизии только в одном этом бою составили более 300 человек убитыми, число раненых было еще больше. В таких множественных шаблонных лобовых атаках, проводимых без тесного взаимодействия с собственной артиллерией и практически в отсутствие какой-либо танковой поддержки (почти все танки 32-й танковой бригады попа-

ли в окружение, 112-я бригада еще не восстановилась после огромных потерь декабря—января и на тот момент была небоеспособна), цепи наших пехотинцев редели на глазах, залегая под не дающим поднять головы губительным огнем и после откатываясь обратно. Ночные атаки тоже не приносили успеха: погибали десятки бойцов, а продвинуться не удавалось. Так, ночью 13 февраля бойцы серьезно поредевшего 1130-го стрелкового полка 336-й дивизии, оцененные противником как силы численностью до батальона, трижды поднимались на штурм позиций 52-й пехотной дивизии немцев в Вышнем, но выбить вражескую пехоту из траншей в очередной раз не удалось. По данным архивных

Окружение противником ударной группы 50-й армии. 6—7 февраля 1942 г.

документов, каждый второй красноармеец, принимавший в нем участие, был либо ранен, либо убит.

В окруженных севернее Вышнего частях смерти и страданий было не меньше: стрельба велась почти непрерывно и днем и ночью; плотный зенитный заслон и контроль воздушного пространства со стороны немцев исключили возможность снабжения сил, зажатых в «котле», по воздуху; огневая дуэль все больше приобретала односторонний характер, так как высокая интенсивность огня стала для наших бойцов непозволительной роскошью. Так же как и в 1-м гвардейском кавкорпусе, и в 33-й армии остро встала одна из страшнейших проблем окружения — проблема раненых, которых становилось все больше и больше, а медикаменты и перевязочные средства были израсходованы, нарастал голод; спасало солдат от полного истощения только мясо убитых лошадей. Это был тот редкий случай, когда низкая степень моторизации стрелковых дивизий выступала положительным фактором. Передовой авангард армии, стремившийся перерезать вражеские коммуникации, словно лис в курятник прорвавшийся к автомагистрали, теперь сам безо всяких путей подвоза за спиной истекал кровью.

Наконец, 12 февраля, когда всем давно уже стало ясно, что восстановить локтевую связь одним только ударом извне не удастся, «северная группа» получила приказ штаба 50-й армии на отход из занимаемого района и выход из окружения остатков четырех дивизий и танковой бригады. Направление выхода должно было проходить через район д. Вышнее, на который с юга уже несколько дней продолжали оказывать сильное давление полки 336-й стрелковой дивизии. Первая мощная попытка прорыва кольца окружения изнутри, запланированная на ночь с 13 на 14 февраля, с треском провалилась. Причиной этого провала явились крайне безобразное управление войсками и отсутствие нормальной координации времени и мест атак вверенных подразделений со стороны штаба группы и лично ее командира генерал-майора А.Д. Терешкова (одновременно являвшегося командиром 413-й дивизии). Терешков периодически терял связь с дивизиями, отдавал указания, уже никак не соответствующие изменившейся обстановке

на поле боя. «Свою» дивизию генерал берег, 413-я реже бросалась в кровопролитные атаки, а в случае обострения обстановки командующий окруженной группировкой неоднократно быстренько отводил ее назад, оголяя фланги соседних частей и подставляя своих подчиненных под ураганный фланговый огонь немецкой пехоты.

Боевые действия в ходе первой и неудачной попытки соединиться со своими протекали следующим образом. Уже в 21.30 13 февраля основные силы 340, 154 и 173-й стрелковых дивизий сконцентрировались в южной части «котла», изготовившись к прорыву в северной части, в том числе и в районе высоты 186,1, где оставался только слабый эшелон прикрытия из состава различных подразделений, усиленный артиллерией. Экипажи уцелевших в недельном побоище танков 32-й танковой бригады распределили горючее по боевым машинам и продолжали находиться в северной части окружения не заводя двигатели, дабы раньше времени не демаскировать концентрацию сил на юге. Командиры вышедших на исходные позиции частей ожидали подхода командующего группой, который должен был организовать бой и непосредственно руководить прорывом. Однако Терешков со своим штабом серьезно замешкался и появился на передовой только около полуночи, только после этого состоялось совещание старших офицеров по вопросам организации предстоящего прорыва и последовательности прохода частей через пробитый коридор. Из-за задержки, устроенной генерал-майором по неизвестным причинам, а также ошибок, возникших вследствие спешки в последней предбоевой рекогносцировке местности и постановке боевых задач командирам подразделений всех уровней скрытый выход войск на непосредственные рубежи атаки начался только около часа ночи и, непозволительно затянувшись, закончился только к 7 часам утра, когда уже наступил артиллерийский рассвет и оставалось всего около получаса до восхода солнца.

Первую утреннюю атаку на Вышнее части 52-й пехотной дивизии противника быстро отбили всеми видами огня. Начавшаяся с подходом бойцов 413-й стрелковой дивизии вторая волна также разбилась о немецкую оборону.

В этом утреннем бою атаковавшие понесли серьезные потери и были рассеяны на мелкие группы, централизованное управление прорывом, и до этого бывшее в большей степени исключительно формальным, оказалось окончательно утраченным. Днем немцы, используя огневое превосходство, перешли в контратаку, в ходе которой они окончательно определили сектор очень плотной концентрации наших войск, и через несколько минут вражеские артиллерийские и минометные батареи накрыли плотным огнем порядки советской пехоты. Остатки окруженных дивизий с упорством обреченных оборонялись на неподготовленных позициях, бойцы 154, 173 и 340-й стрелковых дивизий попятились назад только вслед за пехотой 413-й дивизии, отведенной генералом Терешковым назад в самый разгар боя.

Район, занимаемый окруженными, из-за успешных и не очень атак немцев с нескольких направлений катастрофически сузился — днем 14 февраля противником был захвачен гребень высоты 186,1 и значительная часть лесного массива; остатки четырех стрелковых дивизий и танковой бригады теперь занимали пространство немногим более полутора километров в поперечнике. Лес ограничивал зону прямой видимости несколькими сотнями метров, и от стрелкового огня противника в нем еще можно было хотя бы как-то укрыться, а вот от мин немецких батальонных минометов калибром 81 мм он не спасал, более того — даже огонь 50-мм ротных вражеских минометов теперь накрывал большую часть территории «котла». Укрыться от осколков, шуршащих по деревьям и гудящих словно трогаящийся с места старый мотоцикл, можно было, только зарывшись в мерзлую землю. Всем было ясно: резко сдвинувшиеся с места в южном направлении и ринувшиеся на прорыв советские части либо прорвутся к своим в течение ближайших суток, либо же обречены на тотальное уничтожение.

В условиях «игры на уничтожение» командование «северной группы» 50-й армии предприняло еще один крайне неверный шаг: значительные силы оказались повернуты обратно на север и брошены в бессмысленное наступле-

ние на высоту 186,1. Такое решение констатирует наплевательски безразличное отношение старших командиров к своим подчиненным, измотанным непрерывными боями и изможденным голодом. Разумеется, атака не имела никакого успеха, а только принесла новые людские потери и ухудшила и без того катастрофическое положение с патронами, минами и снарядами, которые и так заканчивались. У «окруженцев» теперь оставался один-единственный шанс на спасение — продержаться под шквальным огнем до наступления темноты, после чего идти на прорыв под ее прикрытием, оставив все тяжелое вооружение и материальную часть, сковывавшие свободу маневра при стремительном броске. К счастью, сил для того, чтобы продержаться до вечера, хватило; впереди был страшный бой, который в любом случае становился для советских солдат последним боем в окружении под Барсуками. А чем закончится беспорядочный прорыв: пленом, гибелью на поле боя и вечным забвением или все же прорывом к своим и спасением, определяла теперь лишь судьба.

С наступлением темноты вечером 14 февраля остатки четырех окруженных дивизий и танковой бригады пошли на прорыв немецкой обороны в лесном массиве между д. Вышнее и Ситское. Основная часть артиллерии была выведена из строя, оставшиеся исправные полковые и дивизионные орудия, к которым еще имелось небольшое количество боеприпасов, были распределены по нескольким батареям, расположившимся за спинами прорывающихся, и создавали огневой заслон, защищавший от атаки с тыла. Станковые пулеметы, противотанковые ружья, батальонные минометы и другое тяжелое вооружение, неприменимое для боя в динамичном продвижении, большей частью выведено из строя и оставлено на позициях. Телеги, полевые кухни и другое тяжелое тыловое «добро» в прорыв с собой никто, естественно, также не брал.

В голове атакующей группы были поставлены бойцы, вооруженные большим количеством ручных гранат и пистолетами-пулеметами ППШ и ППД, отлично подходившими для ночного боя на близкой дистанции. Коман-

довал этой «таранной командой» лично командир 473-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии полковник М.П. Краснопивцев (погиб при прорыве). За автоматчиками уступом, прикрывая их фланги, двигалась усиленная сводная рота стрелков (приблизительно 150—200 человек), за ней, также уступом, продвигалась вперед основная масса войск. Чтобы добавить хотя бы небольшой элемент внезапности к атаке и «растянуть» заслоны противника, не позволив немцам сконцентрировать серьезные силы на главном направлении удара, танки 32-й бригады прорывались долиной реки Лидия восточнее основных сил. Первую линию немецкой обороны (внутренний фронт кольца окружения) остатки наших частей, сумевшие создать серьезный численный перевес над противником в секторе прорыва, преодолели, понеся потери, но сохраняя относительный порядок построения. В процессе продвижения красноармейцев ко второй немецкой линии обороны (внешний обвод окружения восточнее д. Вышнее) нарастал хаос в боевых порядках обеих сторон, оборона противника оказывалась разбитой на отдельные плотные очаги сопротивления, которые наши пехотинцы вынуждены были «обтекать» под кинжальным фланговым огнем немецких пулеметов. Тем не менее к утру 15 февраля основные силы «окруженцев» прорвались сквозь заслоны, изможденные голодом и напряжением многодневных боев, солдаты окруженных подразделений разрозненными группами под огнем и в абсолютном беспорядке стали выходить из изуродованного войной леса навстречу своим товарищам из 336-й и 290-й стрелковых дивизий 50-й армии. «Северная» группировка армии перестала существовать, соединившись с «южной».

Но нескольким тысячам солдат Красной Армии так никогда и не суждено было выйти из окружения. Некоторые группы бойцов не смогли преодолеть вражескую оборону. Днем, уже после соединения основных сил прорывавшихся с остальными частями армии, немцы перешли к зачистке территории бывшего «котла» — немецкие пехотинцы добивали последние очаги сопротивления не сумевших выйти из окружения бойцов; часть из них сдалась в плен,

остальные оказывали отчаянное сопротивление до последнего патрона в магазине, до последнего мгновения своей жизни.

Судьба тяжелораненых в окружении печальна — большинство из них без медикаментов и срочного хирургического вмешательства обрекается на мучительную гибель. Так произошло и в рассматриваемом нами случае: почти все бойцы, находившиеся в импровизированных дивизионных госпиталях, при прорыве были попросту брошены, вскоре их добились немцы, некоторые умерли от переохлаждения. Это был очень жестокий, но единственно возможный выход: попытки провести под носом у немцев затормаживающие общее движение телеги с ранеными или выносить раненых на руках не увенчались бы успехом и обернулись бы еще большей кровью — тяжелораненые были обречены. Только один экипаж Т-34 32-й танковой бригады под командованием лейтенанта Н. Колесникова, сделав в неразберихе беспорядочного боя три рейса обратно в «котел», смог отыскать и вывести в боевом отделении танка и на броне несколько десятков тяжелораненых. Но, скорее всего, это были бойцы, получившие ранения только что, при прорыве и не очень далеко от внешнего обвода кольца окружения; госпитальные раненые, оставшиеся слишком далеко, были обречены.

Нашим воинам пришлось поступать так еще не раз: в 1942 году катастрофическое положение в «котлах» под Ленинградом и Харьковом, в Керчи и в степях у стен Сталинграда и еще на множестве участков всего советско-германского фронта заставит их прорываться на соединение с основными силами, бросая на растерзание врагу своих боевых товарищей, которые окажутся не в силах самостоятельно передвигаться. Ближе к концу войны немцы при прорывах из окружений начнут действовать точно так же, и уже «выстрелы милосердия» из советского оружия зазвучат в брошенных немецких полевых госпиталях. Это жестоко звучит, но это было, и об этом нельзя забывать.

50-я армия после боев первой половины февраля оказалась серьезно потрепанной и неспособной без достаточ-

ного усиления вести успешные наступательные действия. Противник парировал удар у Варшавского шоссе и временно обезопасил правый фланг своей Юхновской группировки и все основание огромного ржевско-вяземского выступа, восстановив при этом нормальное движение автомобильных и гужевых снабженческих колонн по Варшавскому шоссе. Этот успех противника, вкупе с закрытием брешей в обороне, сделанных 33-й армией и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, и удержанием позиций против армий Западного и Калининского фронтов, привел к выравниванию линии фронта и ее относительной стабилизации на короткий период. Немцы выиграли время, так необходимое на построение как передовых, так и тыловых рубежей обороны, маневра резервами и кратковременной передышки для солдат, измотанных непрерывными боями.

«КОТЕЛ» ПОД РЖЕВОМ. ДЕМЯНСКИЙ ОТВЕТ

Пока 33-я и 50-я советские армии влезали в свои «котлы», кавалеристы Белова и десантники 8-й воздушно-десантной бригады (также находившиеся в отрыве от остальных войск Западного фронта в тылу противника, но из-за частичного снабжения по воздуху и свободы маневра не сильно по этому поводу переживавшие) соединились юго-восточнее Вязьмы и, установив соприкосновение с еще не окруженными на тот момент передовыми частями 33-й армии Ефремова, вместе с ними стали предпринимать попытки штурма города.

Примерно в это же время на Калининском фронте западнее Ржева противник успешно проводил операцию по окружению основных сил 29-й советской армии. Это был очередной встречный удар двух группировок противника на узком фронте с активным использованием всех видов бронетехники, в котором непосредственное участие принимали подразделения войск СС и мотопехота. Остановить вражеские «клещи» наши части не смогли. В итоге к 5 февраля охватывающий маневр противника был завершен успешно — у с.Чертолино соединились передовые подраз-

деления 1-й танковой дивизии вермахта и кавалерийской бригады войск СС «Фегеляйн», в ловушке оказалось примерно 6000 человек из состава частей 29-й армии во главе с ее командиром и штабом. Попавшие в «котел» советские части заняли круговую оборону, продолжая удерживать при этом участок железной дороги Ржев — Оленино.

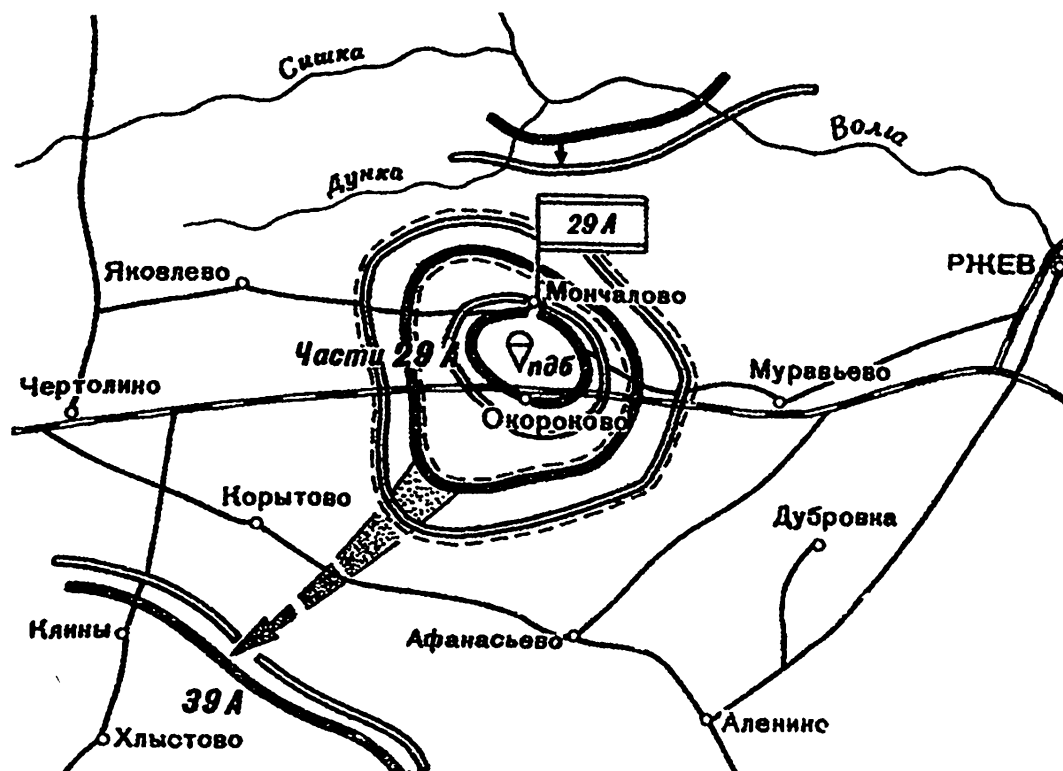
Вскоре после серии успешных немецких локальных операций на окружение противник получил достойный ответ: словно в отместку за страдания своих товарищей в трех только завершенных окружениях войска Калининского и Северо-Западного фронтов в районе Демянска, уже вне границ ржевско-вяземского выступа, соединились у населенного пункта Рамушево, отрезав от остальных частей немецкой группы армий «Центр» 90-тысячную группировку 2-го армейского корпуса противника в составе шести пехотных дивизий (12, 30, 32, 123, 290-я пехотные дивизии и дивизия СС «Мертвая голова», а также менее крупные подразделения — всего около 90 тысяч человек). Для снабжения окруженных частей немцы в очередной раз вынуждены были в кратчайшие сроки выстраивать «воздушный мост», привлекая серьезные силы транспортной авиации, немногим более двух недель назад освободившиеся от бремени снабжения 23-го армейского корпуса под Оленино.

На второй неделе февраля вопрос для обеих сторон стоял уже не о крупномасштабных наступательных операциях, а о скорейшем спасении личного состава частей, попавших в окружение. Крайне острой эта проблема являлась для советской стороны, потому как, в отличие от немцев, возможностей немногочисленных сил транспортной авиации явно не хватало для налаживания регулярного обеспечения продовольствием и боеприпасами дивизий трех армий и одного корпуса с подразделениями десантников, окруженных на значительном удалении друг от друга и медленно начинавших голодать. Немцы же смогли в сжатые сроки собрать крупную группировку транспортных самолетов в районе демянского окружения и, организовав посадочные площадки на территории окруженных войск, наладить по-

ставку грузов и эвакуацию раненых. Немецкие солдаты даже получали посылки из дома и вовсе не чувствовали себя в полной изоляции.

Начиная с 5 февраля части 46-го танкового корпуса противника медленно сжимали кольцо окружения вокруг 29-й советской армии. Постоянные попытки частей Калининского фронта пробить с севера силами 30-й армии коридор к «окруженцам» успеха не имели, несмотря на привлечение значительных сил и серьезные потери с обеих сторон. Окруженные части поддерживало снабжение по воздуху: ночью 17 февраля для усиления удара теперь уже в юго-западном направлении, имеющего целью прорыв из окружения, был десантирован 4-й батальон 204-й воздушно-десантной бригады численностью немногим более 300 человек. Речи о возобновлении наступления на Ржев с нескольких сторон уже не шло — большинство атак предпринималось для соединения с окруженными подразделениями и спасения хотя бы их личного состава.

Отрезанные дивизии 29-й армии Калининского фронта к середине февраля, так же как части ударной группы 50-й армии под Юхновом, оказались в катастрофическом положении. Противнику ударами с нескольких направлений удалось сжать кольцо окружения, все попытки деблокаирования «котла» извне как к северу, так и к юго-востоку от расположения окруженных частей 29-й армии отбивались с огромными потерями с обеих сторон. Держаться дальше у истекающих кровью подразделений не было сил, и с наступлением ночи 18 февраля вся масса окруженных войск двинулась на прорыв в юго-западном направлении навстречу частям 39-й армии, оказывавшим посильную артиллерийскую поддержку. При подходе прорывающихся к линии немецкой обороны, отделявшей их от позиций бойцов 39-й армии, наносящих встречный удар, последние открыли пулеметный и минометный отсекный огонь, прикрывавший остатки окруженных частей 29-й армии от фланговой немецкой атаки. Ночные бомбардировщики легких бомбардировочных авиаполков Калининского фронта непрерывно «обрабатывали» немецкие позиции,

Прорыв из окружения 29-й армии. Конец февраля 1942 г.

поддерживая прорывающихся. Позиции дивизий 46-го танкового корпуса противника в результате таких согласованных действий различных родов войск оказались прорванными: основные силы «окруженцев» «налегке» вышли в распоряжение частей 39-й армии, несмотря на утерянную в 2.00 связь со штабом фронта штаба 29-й армии, перешедшего в движение, и, как следствие, частичную утрату взаимодействия между армиями. Днем немцы из-за сильного сопротивления не смогли «запечатать» прорыв, и следующей ночью выход из окружения продолжился. Всего к утру 19 февраля в распоряжение 252-й стрелковой дивизии 39-й армии смог прорваться личный состав 185-й и 381-й дивизий вместе со штабом армии. Общая численность выбравшихся на юго-запад из «котла» составила около 3500 человек (немногим больше одного полнокровного стрелкового полка). Некоторые подразделения вышли из окружения небольшими группами в течение последующих нескольких ночей в северном направлении, на позиции 30-й советской армии.

Здесь стоит отметить интересное явление: педантичные немцы, скрупулезно докладывавшие вышестоящим командирам о каждой отраженной русской атаке, порой численностью не больше взвода, в случае с прорывом через их позиции крупных сил советской пехоты предпочли хранить скромное молчание. Можно встретить лишь оперативные донесения, в которых содержатся указания на обострение ситуации, но прямо сказано, что все попытки противника вырваться из окружения парированы, хотя это полностью не соответствовало действительности. Да, на многих участках немцы удержали линию обороны, но в некоторых местах наши бойцы своим огнем (а часто и в рукопашных схватках) все-таки проделали дыры, в которые хлынул людской поток прорывающихся. А 46-й танковый корпус вермахта докладывал, что как ночью 18-го, так и ночью 19 февраля все атаки отбиты. Многие немецкие мемуаристы в послевоенные годы будут в своих трудах в один голос трубить о том же: «29-я советская армия в феврале 1942 года была полностью уничтожена западнее Ржева». А как же продолжение существования 29-й армии как объединения и последовавший долгий боевой путь командующего 29-й армией генерала Швецова и многих других старших офицеров, попавших в это окружение, как быть со свидетельствами ветеранов, выживших в ужасных боях в окружении и прорвавшихся из него? Как можно объяснить все последовавшие за прорывом донесения 29-й и 39-й армий о численности и состоянии вышедших войск? Или, наконец, как можно объяснить тот факт, что сами части 46-го танкового корпуса противника, начиная с 20 февраля, не стали доносить о массовой сдаче в плен советских военнослужащих? Объективный ответ на эти вопросы всего один: не было никакой массовой сдачи в плен или тотального уничтожения окруженных советских подразделений, основная масса их бойцов, уцелевших в предыдущих боях, вышла из окружения и продолжила сражаться с врагом. Но надо учитывать, что число убитых и раненых в ходе удержания круговой обороны и прорыва было велико: легко раненые и обмороженные вышли в

порядках своих частей, а вот многие сотни солдат, получивших тяжелые ранения и неспособных самостоятельно передвигаться, как и в случае с 50-й армией, остались на месте и были убиты либо пленены врагом. Большая часть тяжелого вооружения также была оставлена на поле боя. Завершая мысль, хочется сказать, что истина всегда остается различимой, ее можно увидеть даже сквозь пыль десятилетий и толстый слой грязи, на нее вылитой, надо лишь внимательно присмотреться.

Глава третья

НОВЫЕ УДАРЫ

10-Я АРМИЯ ВЫХОДИТ К ФОМИНО

Вновь перенесемся на многие километры южнее, обратно к Варшавскому шоссе, но уже в полосу действий 10-й армии, в 50 километрах юго-западнее продолжавшихся всю первую половину февраля напряженных боев ударной группы 50-й армии в районе д. Барсуки. Здесь мы заострим внимание на действиях правого крыла 10-й армии, в середине февраля ставшего центром армейского давления на противника и существенно придвинувшегося к автомагистрали, создав тем самым серьезные предпосылки для последующего мощного наступления в этом районе.

Еще в последних числах января в армию, из которой после приостановки наступления в пользу соседей было изъято большинство стрелковых дивизий (6 из 8), прибыла полнокровная 385-я стрелковая дивизия, сформированная в городе Фрунзе (ныне г. Бишкек) Киргизской ССР. Части дивизии заняли оборону правее 326-й стрелковой дивизии к северу и западу от поселка Барятино, в районе д. Шемелинки. Вскоре после занятия позиций и серии разведок и рекогносцировок дивизии были поставлены активные наступательные задачи. Общим направлением наступления стрелковых полков стало северо-западное, целями атак были выбраны д. Лощихино, Яковлевка, Сининка. Южнее на деревню Бельня наступали части 326-й стрелковой дивизии, уже несколько недель после освобождения станции Барятино ведущие с переменным успехом бои в этом районе.

Цепь д. Яковлевка, Лощихино и Бельня, расположенных точно в ряд среди обширных пахотных полей, была

Стрелковый взвод лейтенанта Курбаналиева (385-я стрелковая дивизия) в перерыве между тренировочными занятиями. Октябрь 1941 г.

Спустя всего четыре месяца эти люди примут участие в кровопролитнейших боях, в которых уцелеют лишь немногие.

удобна противнику для прикрытия направления на д. Бахмутово и железнодорожную станцию Занозная, являющуюся крупным узлом не только железнодорожных, но и автодорог, которые имели важное рокадное значение для выстраивающих долговременную оборону войск. Сдавать важные в тактическом плане позиции немцы не собирались, за деревушки назревала серьезная схватка, не заставившая себя ждать. Направление на Бахмутово в феврале прикрывалось сводной группой противника «Визе» из состава частей 216-й пехотной дивизии, отдельных подразделений 331-й пехотной дивизии, подчиненных штабу 40-го танкового корпуса.

Передовые группы разведчиков 326-й стрелковой дивизии в январе уже входили в Яковлевку и Бельню, но более крупные силы противника, атаковав из района Бахмутово, заставили наших бойцов оставить эти населенные пункты. По непонятным причинам вражеские подразделения устроили зачистку отбитых деревень, в ходе которой все мирные жители Яковлевки и Бельни были зверски убиты. Общее количество убитых ни в чем не повинных людей со-

ставило несколько сот человек. Есть мнение, что эти зверства фашистов были спровоцированы расправой нашими бойцами над несколькими немецкими солдатами в районе станции Борец, но так это было или нет, не имеет никакого значения — уничтожение мирного населения в каком бы то ни было военном конфликте никогда ни найдет себе оправдания и прощения — это военное преступление, позорное и непростительное.

В феврале, в условиях превосходства немцев, занявших жесткую оборону на данном участке, в мощности артиллерийского огня, господства противника в воздухе и открытого характера местности, советские командиры перешли к тактике ночных атак, чтобы уберечь скопления войск от бомбардировок и артиллерийского истребления. И в ночь с 8 на 9 февраля 1268-й стрелковый полк 385-й стрелковой дивизии (численный состав полка перед боями — 2433 человека) перешел в наступление на позиции противника в д. Лощихино со стороны д. Высокая Гора и Шемелинки. При подходе к деревне приказом командира 1-го стрелкового батальона на штурм позиций противника выдвинулись 1-я и 2-я стрелковые роты батальона. Прорвавшись сквозь огневой заслон, бойцы в полночь смогли захватить северную часть деревни, но были отрезаны огнем от остальных подразделений полка, которые залегли в поле. Оказавшись отрезанными на окраине деревни и неся потери от минометного обстрела и шквального флангового пулеметного огня, две передовых роты начали отход на исходные позиции, вместе с ними с открытого отлично простреливаемого пространства перед немецкими окопами отошли назад и другие части 1268-го полка. Бой был завершен. Этой же ночью 3-я рота полка была направлена на помощь солдатам 1101-го полка 326-й стрелковой дивизии в захвате н.п. Бельня. Но помощники сами попали в ловушку: где-то у Бельни 3-я рота неожиданно наткнулась на позиции немцев, не выдавая себя, подпустивших наших бойцов на удобную дистанцию и накрывших их неожиданным ураганным огнем. Связь 1268-го полка с подразделением была потеряна, рота погибла полностью.

Ночью 10 февраля по приказу командира полка 1-я, 2-я и приданная на усиление вместо погибшей накануне

не у Бельни 3-й 9-я роты 1-го батальона вновь наступают на Лошихино. Но на этот раз тактика действий была несколько изменена: перед атакой из числа добровольцев была создана штурмовая группа в количестве 80 человек, в высокой степени оснащенная автоматическим оружием; возглавили группу командир минометного батальона старший лейтенант Самаркин и политрук Хомяков. Днем, когда был приказ не открывать огонь, дабы раньше времени не выдавать исходные позиции, которые могла накрыть немецкая артиллерия, с передовых позиций наши бойцы заметили, что немцы ходят по деревне, осматривают трупы красноармейцев и снимают с их шапок звездочки в качестве трофеев (кстати, один из жителей д. Бахмутово рассказывал, что когда в голодные военные годы, сразу после ухода немцев, местное население вскрывало их захоронения, снимая с трупов теплые вещи, которые еще можно было носить или обменять на продукты, ему в кармане немецкой шинели попались две красноармейские звездочки; по злой иронии судьбы, могила мародера оказалась разграбленной). Так что злобы к врагу и боевого духа бойцам, пошедшим в ночную атаку, было не занимать. Стремительным броском бойцы Самаркина под мощным огневым прикрытием ворвались в центральную часть Лошихино, огнем в упор и гранатами уничтожая вражеские огневые точки. Вслед за ударной группой в деревню ворвались бойцы всех трех рот. В ходе боя в самой деревне отвагой и грамотными действиями отличился пулеметный расчет в составе сержанта Снорикова и рядового Мардиева. Пулеметчики выбили немцев из дома и, открыв огонь с этой удобной позиции, способствовали продвижению товарищей и нанесли серьезный урон противнику. Сумев вскоре засечь позицию пулемета, немцы обрушили на нее шквал огня, от которого погибли оба номера отважного расчета.

Выполнить задачу по удержанию захваченных позиций бойцы рот, понесших при штурме огромные потери, не смогли, командир и политрук 1-го батальона были ранены и не могли руководить боем; в числе раненых и убитых оказались многие командиры рот и взводов. Быстро подтя-

нуть в Лощихино по снежной целине орудия, другое тяжелое вооружение и боеприпасы частям 1268-го стрелкового полка не удалось. Поэтому у подразделений, захвативших деревню, не оказалось возможности хорошо подготовиться к возможным немецким контратакам, выстроив систему огня, проведя разведку и рекогносцировку местности, которые оказалось проводить просто некому — не имевшие боевого опыта уцелевшие заместители командиров организовать прочную оборону не успели. Перегруппировавший силы противник перешел при артподдержке из района станции Занозная в контратаку на плохо организованные позиции в Лощихино. Атака оказалась успешной для врага, советские подразделения оказались вновь отброшенными от населенного пункта на восток.

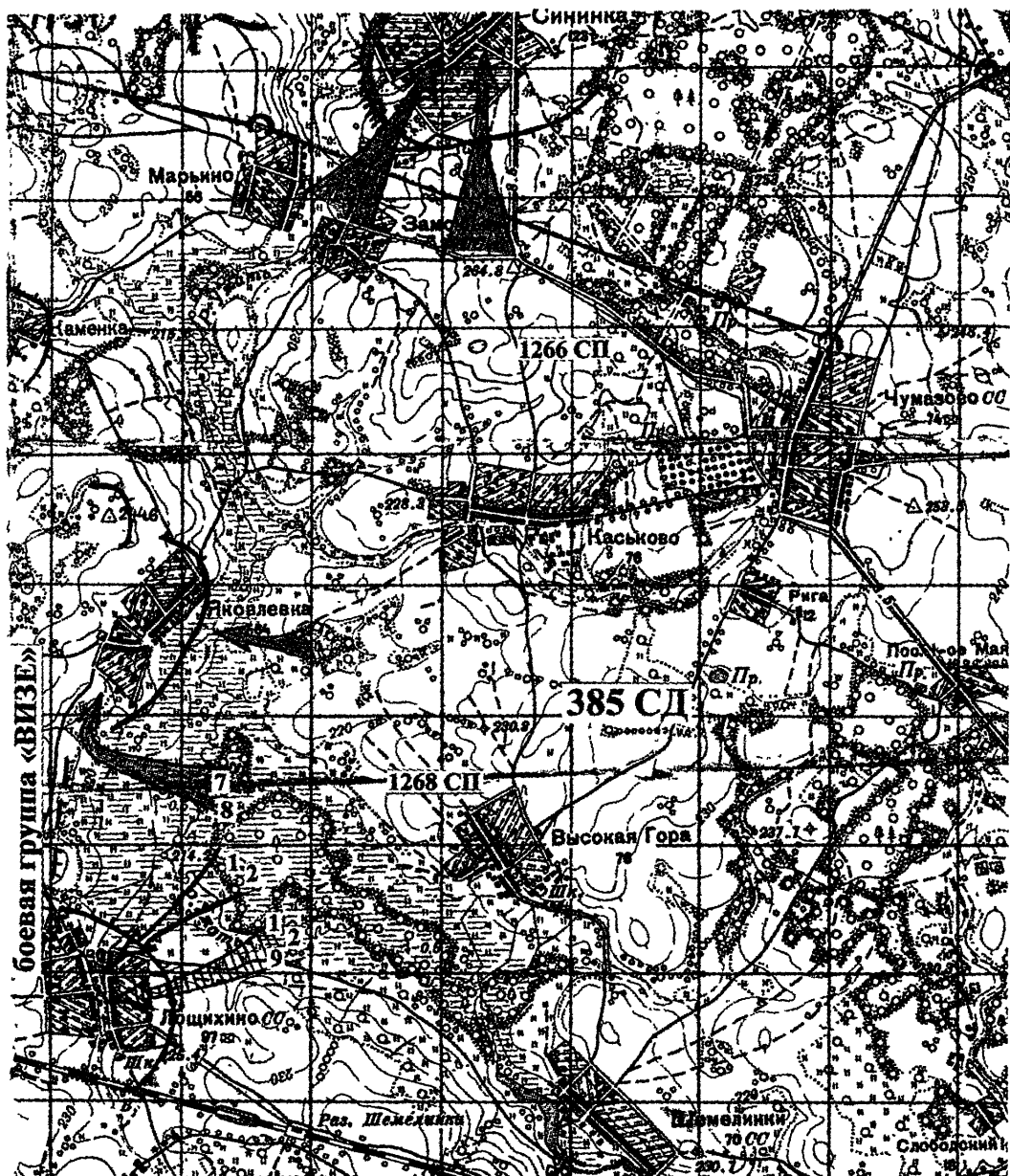
В ночь на 11 февраля на правом фланге 385-й стрелковой дивизии в действие вступил ее 1266-й стрелковый полк. Подразделениям полка было приказано атаковать д. Сининка из района д. Чумазово. После того как цепь наших бойцов подошла к Сининке на 500 метров, немцы открыли сильный огонь. Под плотным огнем все атакующие вынуждены были залечь, пролежав остаток ночи и большую часть дня в снегу под свинцовым шквалом, бойцы наконец получили приказ на отход на исходные позиции. Этой же ночью была предпринята еще одна неудачная атака на Лощихино.

На ночь 12 февраля был назначен штурм сразу двух немецких опорных пунктов — в д. Сининка (силами 1266-го стрелкового полка) и Яковлевка (атаковать предстояло 3-му батальону 1268-го стрелкового полка). Неудачный штурм позиций противника в Сининке, состоявшийся накануне, сыграл роль разведки боем и помог выявить построение системы огня немцев и по его интенсивности установить примерную численность обороняющегося гарнизона. Во многом благодаря этому, а также согласованности с атакой Яковлевки соседним полком, которая позволила «растянуть» по фронту вражеский артогонь и исключить возможность переброски резервов от одного опорного пункта к другому, атака подразделений 1266-го полка имела успех. Наши бойцы прорвались сквозь

огневой заслон на подступах и завязали ближний бой в деревне, передвигаясь вперед от дома к дому. Немецкий гарнизон в 4.30 успел донести о том, что противник проник в н.п. Сининка, в 6.30 связь с н.п. Сининка была потеряна, остатки оборонявшихся вражеских подразделений в беспорядке отступали; из Фомино 1-го и Прасоловки немцами были высланы разведгруппы для установления положения. А положение немцев в районе Сининки было не самым лучшим: опорный пункт был утрачен, были понесены ощутимые потери, а в руки красноармейцев попало значительное количество трофеев и документы штаба одного из немецких батальонов, державших здесь оборону. Потери советской стороны составили 60 человек убитыми и ранеными.

Состоявшийся этой же ночью штурм Яковлевки пошел по другому сценарию. Пулеметный и стрелковый взводы 3-го батальона 1268-го стрелкового полка наносили лобовой отвлекающий удар направлением с востока на запад, основная же ударная группа в составе 7-й и 8-й рот 3-го батальона предприняла обходной маневр с юга и попыталась прорваться к Яковлевке с юго-запада. Однако немцы сумели вовремя сориентироваться в непростой ситуации и открыли по атакующей советской пехоте интенсивный минометный огонь; осветительные ракеты и несколько пулеметных расчетов, переброшенных на южную оконечность деревни, завершили начатое, открыв по нашим пехотинцам губительный огонь почти в упор. Бой закончился так же неожиданно, как и начался: противник отбил атаку, не подпустив штурмующих на дистанцию гранатного боя, а 87 бойцов 7-й стрелковой роты, прорвавшейся близко к немецким передовым позициям, остались лежать в снегу у окраины деревни.

Здесь нельзя не сделать небольшого отступления. Ни в годы войны, ни после останки советских воинов, погибших зимой 1942 года под Яковлевкой и Лошихино, не были захоронены должным образом. Местные жители присыпали землей полуистлевшие останки бойцов, через некоторое время поля вновь были распаханы, местами кости оказались вывернуты плугами наружу.

Условные обозначения

удары советских войск

- 9 февраля
- 10 февраля
- 12 февраля
- 7 номера рот

Бои на правом фланге 10-й армии. 9—12 февраля 1942 г.

В 1995–1996 годах военно-мемориальная группа «Поиск» историко-краеведческого музея города Киров Калужской области провела работы по эксгумации и идентификации останков красноармейцев, погибших в феврале 1942 года в боях у Лощихино и Яковлевки. Больше всего останков было обнаружено на месте первого и ставшего для большинства бойцов 7-й роты 3-го батальона 1268-го стрелкового полка 385-й стрелковой дивизии последним боя у окраины д. Яковлевка. К концу 1996 года были обнаружены останки 42 красноармейцев, по смертным медальонам и подписанным личным вещам удалось установить имена 16 из них. Такой высокий процент установленных фамилий получился благодаря тому, что это были солдаты дивизии, только прибывшей на фронт, и не успевшие там обжиться, наслушавшись армейских баек, выкинуть смертные медальоны или переделать их в курительные приспособления или коробочки для иголок. Впоследствии останки павших героев были перезахоронены на недавно созданном воинском кладбище на высоте 269,8 у деревни Цветовка (Фомино 2-е).

С 13 февраля части 385-й стрелковой дивизии перешли в наступление на опорные пункты противника в д. Прасоловка, поселках Малиновский и Гореловский. Однако вскоре после первых попыток штурма этих позиций командование дивизии отвело свои подразделения от этих уже серьезно укрепленных противником узлов сопротивления. К 14 февраля потери полков 385-й дивизии составляли: 1270-й стрелковый полк — 372 человека, 1268-й стрелковый полк — 295 человек, 1266-й стрелковый полк — 407 человек. В этот же день, по данным нашей разведки, противник перебросил к Прасоловке и Малиновскому около 300 человек подкрепления с тяжелым вооружением. Атаки батальонов 1266-го полка на эти пункты успехом не увенчались, к Прасоловке бойцы смогли подойти на 400 метров, к Малиновскому — на 100. 15 февраля атака частей полка на поселок Малиновский со стороны Гореловского также была парирована противником.

16 февраля штурмовая группа бойцов из состава 1266-го стрелкового полка попыталась выбить немцев из

Прасоловки, прибегнув к обходному маневру и ударив с запада. Однако немцы успели развернуть свою оборону на 180 градусов: как раз в тот момент, когда бойцы штурмовой группы подбежали к деревне примерно на 100 метров, немецкая пехота накрыла их огнем и отбила атаку. Днем была отбита немецкая контратака на Сининку из района Фомино 1-го, потери обороняющихся составили 35 человек.

В 2.00 17 февраля 1-й и 2-й батальоны 1268-го стрелкового при артподдержке 948-го артполка дивизии снова атаковали Яковлевку, однако и в этот раз не удалось подавить вражескую систему огня в полуразрушенном населенном пункте, и противник остановил огненным шквалом атакующих, вынудив советскую пехоту вернуться на исходную. В этот же день у противника были отбиты поселки Гореловский и Малиновский, до автомагистрали оставалось всего 3,5 километра по прямой — это 1270-й стрелковый полк продвинулся вперед на стыке двух соседних полков дивизии.

19 февраля ночная разведка боем подразделений 1268-го стрелкового полка привела к захвату нескольких крайних домов в Яковлевке, но закрепиться не получилось — под вражеским огнем советская пехота вновь была вынуждена отступить от немецких позиций в населенном пункте.

20 февраля противник выбил наши части из Малиновского. Бой за поселок Гореловский, разгоревшийся вечером 22 февраля, также выиграли немцы: к 22.00 остатки рот 1270-го полка, удерживавших этот опорный пункт, отошли на позиции у д. Марьино и Сининка. 1-я рота 1-го батальона не смогла выйти из боя и погибла в полном составе.

В ночь с 22 на 23 февраля два сильно поредевших батальона 1268-го стрелкового полка в очередной раз атаковали противника в д. Яковлевка, и снова неудачно. После этого боя был отдан приказ о блокировании противника в Яковлевке с трех направлений для исключения возможности вражеских контратак через этот узел обороны.

Такая последовательность событий явно указывает на несогласованность действий в рамках дивизии, а также слабое и, скорее всего, постоянно запаздывающее управ-

ление подчиненным штабом дивизии. При картине боя, когда противник последовательно выбивает с захваченных позиций части дивизии в районе поселков Гореловский и Малиновский (1270-й стрелковый полк), намного глубже других проникшие в глубину его обороны, куда уместнее было принять решение о блокировании немецкого гарнизона в д. Яковлевка до запланированного штурма (тем более что продвижение через эту деревню на 4 км не давало ровным счетом никакого оперативного результата, так как после успешного продвижения правого фланга дивизии советские позиции у Яковлевки и Лощихино становились всего лишь флангом передовой группы 385-й стрелковой дивизии, рвущейся к шоссе; захват станции Занозная становился невыполнимой задачей для одного потрепанного полка). Куда уместнее в этой ситуации было прекратить атаки на левом фланге, временно перейти здесь к обороне (у вражеской группы «Визе» явно не было на тот момент сил на серьезный фланговый контрудар в этом секторе), а высвободившиеся силы, перегруппировав, бросить на усиление частей, направленных в ответную контратаку в треугольнике Прасоловка — Малиновский — Гореловский, поддержанную основными силами дивизионной и полковой артиллерии.

По причине больших потерь 1266-й стрелковый полк перешел к обороне на достигнутых рубежах в районе д. Сининка. В эти же дни командир полка капитан Мозылев адресовал вышестоящему начальству, через головы своих непосредственных командиров, донесение следующего характера: *«13—17 февраля 1942 года Гореловский и Сининка взяты. Есть пленные. Лощихино, Яковлевка, Прасоловка — крепкие орехи. Много жертв, а дело до конца не доведено. Кто перед нами, огневые средства противника — все это неизвестно. Разведка запоздала, да ее, по-видимому, недооценивают. Взять с ходу — это не только не серьезно, но и преступно. Артиллерия не подтянута, в результате дивизия тает, а Лощихино, Яковлевка и пр. крепнут»*. Не без помощи этой докладной записки, а также немалочисленных устных объяснений командиров дивизионных подразделений, шедших напрямую представителям армейского командования,

а также дотошного бумаготворчества особистов, 23 февраля 1942 года командир 385-й стрелковой дивизии полковник И.М. Савин был освобожден от занимаемой должности; его место занял полковник Г.М. Немудров. Формулировка, с которой сняли комдива, была стандартной: «за неумелое руководство войсками».

Потери 385-й дивизии за период с 9 по 22 февраля составили: 1266-й стрелковый полк — 502 человека убито, 170 — пропало без вести; 1268-й стрелковый полк — 386 убитых, 272 пропавших без вести; 1270-й стрелковый полк — 369 убитых, 24 — пропавших без вести; 948-й артиллерийский полк — 21 убитый, 17 пропавших без вести. При сложении полковых потерь общее число убитых и пропавших без вести в дивизии составляет 1761 человек. Эта цифра людских потерь за две недели боев не окончательная, так как в нее не входят тяжелораненые и обмороженные, многие из которых также навсегда покинут порядки своей части, а также потери вспомогательных дивизионных подразделений.

Результатом февральского продвижения правофланговой дивизии 10-й армии стало значительное приближение линии фронта к Варшавскому шоссе на участке Гореловский — Фомино, приведшее к возникновению угрозы его перехвата. Причем в случае прорыва здесь наших частей к автомагистрали она прерывалась в самой западной точке основания гигантского выступа вражеской обороны: удобных путей подвоза лишались части четырех вражеских корпусов, обороняющиеся с опорой на дорогу. Ситуация еще более обострится, когда после 5 марта противник утратит перекресток дорог, расположенный в Юхнове, 50-я армия станет переносить направление своих ударов все западнее и западнее, пока оно наконец не достигнет района Фомино — Сининка — Прасоловка, а с севера ударят бригады 4-го воздушно-десантного корпуса и 2-я гвардейская кавдивизия 1-го гвардейского кавкорпуса. Но об этом речь пойдет в следующей главе, а пока рассмотрим второй штурм Варшавского шоссе советскими войсками, начавшийся в конце февраля.

ВСТРЕЧНЫЕ НАСТУПЛЕНИЯ. ВТОРОЙ ШТУРМ ШОССЕ

К 20-м числам февраля направление удара 50-й советской армии было в очередной раз перенесено западнее, и теперь левый фланг армии наступал в бывшей полосе наступления 1-го гвардейского кавалерийского корпуса северо-западнее Мосальска.

В соответствии с директивой Ставки № 01542 от 16 февраля 1942 г. на Западный фронт «россыпью» направлялось в общей сложности 200 танков, из них 40 КВ, 80 Т-34, 80 Т-60 (по этой же директиве на Западный фронт в период до 25 февраля направлялось 60 000 человек обученного маршевого пополнения)¹. Часть танкового пополнения оказалась направленной в восстанавливающую силы для очередного наступления 50-ю армию, основная часть новых танков пошла в почти полностью утратившую боеспособность еще в январе 112-ю танковую бригаду. Другую часть поступивших в 112-ю бригаду танков составляли Т-34, полученные из фронтовых танкоремонтных мастерских. Точно назвать число новых машин, полученных бригадой, не представляется возможным: немецкая разведка, к примеру, оценила это количество в 50 единиц бронетехники, но не исключено, что цифра серьезно завышена. Получив пополнение, в конце февраля 112-я танковая бригада вновь стала полноценной боевой единицей вместе с изрядно потрепанной в боях под Барсуками 32-й танковой бригадой, потерявшей большую часть бронетехники в окружении и способной выставить к началу очередного наступления около 10 боеготовых танков — они представляли внушительную силу.

Стрелковые дивизии были сведены в новую ударную группировку, которая после целого ряда локальных атак и разведок боем в 11.00 23 февраля перешла в наступление в районе Савинки — Медвенка — Лаврищево, юго-западнее участка предыдущего наступления.

Одновременно правифланговая группировка 49-й армии в составе 5-й гвардейской, 133-й и 194-й стрелковых

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 95. Л. 27–28.

дивизий начала наступать на Юхнов с севера, и уже 24 февраля произошло вклинение наших частей во вражескую оборону на участке Пуновка — Кувшиново. Еще правее 43-я армия продолжала вести кровопролитные бои в районе д. Захарово, Савино, Коркодино, Гречишенка, имея общей целью прорыв в западном направлении и соединение с окруженной группировкой 33-й армии. Однако немцы на данном участке упорно оборонялись, часто контратакуя. Уже после войны один из немецких офицеров, принимавших участие в обороне района Захарово, вспоминал эти бои как крайне тяжелые, утверждая, что его дивизия потеряла там в общей сложности примерно полк пехоты. О потерях в этих боях советской стороны можно только строить предположения, но меньшими, чем у противника, они явно не были.

Для прорыва обороны противника в полосе 50-й армии командованием фронта было вновь решено применить частично сработавшую при прорыве через шоссе опергруппы Белова схему встречных ударов силами ударной группы армии с фронта и воздушно-десантных частей из тактической глубины немецкой обороны в районе севернее автомагистрали. Для выполнения задачи по нанесению вспомогательного встречного удара теперь привлекались 9-я и 214-я воздушно-десантные бригады 4-го ВДК.

Об эффекте внезапности выброски советского десанта в районе между н.п. Знаменка и Угра речь идти не могла, так как после выброски 201-й воздушно-десантной бригады и 250-го воздушно-десантного полка 5-го воздушно-десантного корпуса, состоявшейся в этом же районе около месяца назад, противник контролировал обстановку на подступах к автодороге с северного направления. Была создана целая линия обороны, прикрывавшая шоссе с севера: тактически удобные для обороны населенные пункты были прикрыты цепью проволочных заграждений, на наиболее опасных участках — еще и прикрытых минными полями. Как правило, в качестве минных заграждений против десантников противник выставлял прыгающие мины с взрывателями натяжного действия (солдаты прозвали их

«лягушками»), эти мины выставлялись в два ряда с интервалом 3—4 метра и в зимних условиях были труднообнаружимы для саперной разведки наступающих десантников; наши саперы, зачастую не имея времени на разминирование, разгребали снег и втыкали возле крайних мин штыки, обозначая границы минного поля.

Тем не менее в ночь на 17 февраля с подмосковного аэродрома Внуково в воздух поднялись первые 20 транспортных самолетов с десанниками на борту. Первоначально осуществлялась выброска подразделений 8-й воздушно-десантной бригады юго-западнее Вязьмы, которые не удалось высадить в немецком тылу в конце января; к концу ночи 18 февраля эта задача было худо-бедно выполнена.

Ночами с 19 по 24 февраля 214-я и 9-я воздушно-десантные бригады 4-го воздушно-десантного корпуса были десантированы в районе Великополье — Лути, личный состав десантных частей в очередной раз оказался в беспорядке разбросан на большой территории. Ночью 23 февраля по трагическому стечению обстоятельств в самолете при атаке вражеского ночного истребителя погиб командир 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майор А.Ф. Левашов; командование принял на себя начальник штаба корпуса полковник А.Ф. Казанкин.

Утром 20 февраля штаб 4-й армии противника докладывал:

«...На всем участке армии имели место многочисленные воздушные операции противника. Многочисленные беспрепятственные посадки (минимум 114) машин и прыжки парашютистов отмечены в районе вокруг н.п. Великополье. Бомбардировка на железную дорогу и многочисленные населенные пункты...»¹.

В этот же день начальник Генерального штаба немецких Сухопутных войск отметил в дневнике:

«...В тылу группы армий «Центр» увеличивается количество выбрасываемых противником воздушных десантов...»².

¹ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 140. Л. 404—406.

² Гальдер Ф. Военный дневник...

Немного позже, 24 февраля, в секретной записке, адресованной Гальдеру, фон Клюге, являвшийся в то время командующим группой армий «Центр», отметит некоторые моменты, касавшиеся борьбы, разгоревшейся в тыловом районе группы армий:

«...Если ранее деятельность партизан ограничивалась нарушением тыловых коммуникаций, нападениями на отдельные автомобили и места расквартирования, сейчас все больше вырисовывается создание концентрированных соединений, руководимых русскими офицерами, хорошо организованных и вооруженных, пытающихся подчинить себе целые районы и выполнять боевые задания более крупного масштаба. В результате во многих местах власть переходит в руки противника...»¹.

Очевидно, что противник в цепочке штаб армии — штаб группы армий — Генеральный штаб Сухопутных войск был в курсе происходивших в его тылу событий, однако на активное противодействие у него не хватало сил. Единственной вражеской контрмерой было усиление гарнизонов опорных пунктов, прикрывающих подходы к транспортным артериям (в районе Угра, Знаменка и к северу от Варшавского шоссе), и их подготовка к появлению советской пехоты перед позициями.

22 февраля, не дожидаясь полного сбора всех подразделений, десантники перешли к активным действиям. Подступы к автодороге Вязьма — Юхнов за последний месяц противник серьезно укрепил, его боевое охранение ожидало новых попыток перехвата большака, обладавшего важным оперативным значением, поэтому части 4-го воздушно-десантного корпуса, начавшие было продвижение к Знаменке, были остановлены усилившимся противником.

Вечером 23 февраля 9-я и 214-я воздушно-десантные бригады перешли в наступление в южном и юго-восточном направлениях. Правофланговые части 9-й воздушно-десантной бригады 24 февраля, обеспечивая фланг наступления, успешно атаковали станции Вертерхово и Де-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 60—65.

брянский, захватив пристанционные поселки и подорвав железнодорожное полотно, при этом в Вертерхово была уничтожена рота вражеской пехоты, оборонявшая станцию.

В полосе наступления 50-й армии определенный успех также обозначился уже в первый день операции. Пехота стрелковых дивизий при поддержке танков сбила немецкое боевое охранение, располагавшееся во многих местах на снежном валу, и вступила в бой за населенные пункты, стоявшие на пути к автомагистрали. К 18.00 1130-й и 1132-й стрелковые полки 336-й стрелковой дивизии заняли соответственно д. Савинки и Узломка (последний населенный пункт вскоре был оставлен), танки 32-й танковой бригады достигли кустарника в 250 метрах северо-западнее д. Узломка, слева 239-й стрелковый полк 239-й стрелковой дивизии ворвался в д. Сафроново и завязал уличный бой с противником¹. На правом фланге к исходу 23 февраля на 248-м километре шоссе в районе д. Людково 1154-й стрелковый полк 344-й стрелковой дивизии на небольшом отрезке прорвался к дороге, наши пехотинцы успели организовать оборону и продержаться здесь двое суток, отбивая частые контратаки противника. Однако перехват короткого участка дороги еще не останавливал движение по ней: саперы противника в короткие сроки расчистили объездной путь, пролежавший в складках местности через заснеженные поля севернее опасного участка. Целостность магистрали немцы восстановили только 25 февраля, бросив на контрудар значительные силы.

10-й моторизованной дивизии противника для усиления мощи противотанкового огня из зенитных подразделений Люфтваффе были приданы 4 88-мм зенитных орудия Flak 8,8, которые были способны поражать Т-34 и КВ со значительных дистанций. Перебрасываемые к участку боя на буксире 5-тонными полугусеничными тягачами, эти орудия являлись отличным инструментом для выбивания советских танков: высокий силуэт орудия, значительная дальность эффективного огня в сочетании с высоко-

---

¹ Там же. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 8. Л. 130.

качественной оптикой ставили зенитку Flak на порядок выше всех противотанковых пушек вермахта того периода. Противотанковый огонь этих четырех орудий, быстро перебрасываемых по шоссе к участкам советских танковых прорывов, вместе с огнем 50-мм противотанковых пушек стал основной причиной уничтожения большей части советских боевых машин, несколько раз прорывавшихся к автомагистрали.

Ночью 24 февраля четыре машины 112-й танковой бригады на максимальной скорости прорвались к шоссе западнее д. Людково. Попад на шоссе под огонь и укрывшись за складками местности так, что виднелись только башни, советские танки своим огнем полностью остановили движение по шоссе. Занимавшие здесь оборону части 10-й моторизованной дивизии противника в течение нескольких часов пытались уничтожить заслон, но тщетно — танкисты отступили лишь тогда, когда противник отбил фронтальную атаку нашей пехоты и танков на Людково, а дальнейшее удержание обороны на шоссе могло привести только к уничтожению советских боевых машин огнем подкаченных на близкое расстояние противотанковых пушек. Этой же ночью армейская и фронтовая ночная авиация Западного фронта активно бомбила населенные пункты в ближнем тылу противника у Юхнова, на сам город было сброшено большое количество фугасных и зажигательных авиабомб. Силы ночных истребителей Люфтваффе не смогли оказать советским бомбардировщикам серьезного противодействия, так как оказались отвлеченными на противодействие воздушно-десантной операции между Угрой и Знаменкой.

Из-за одновременного давления с двух сторон немецкие дивизии, оказавшиеся между двумя частями сжимающихся тисков, создавали двойной фронт обороны, дробясь на две оперативные группы, удерживающие свои диаметрально противоположные секторы обороны и слабо связанные между собой. Но даже в такой тяжелой ситуации старшие офицеры противника не утратили четкости управления войсками и координации действий: разобщенные части дивизий стойко удерживали оборону, а артиллерия, разво-

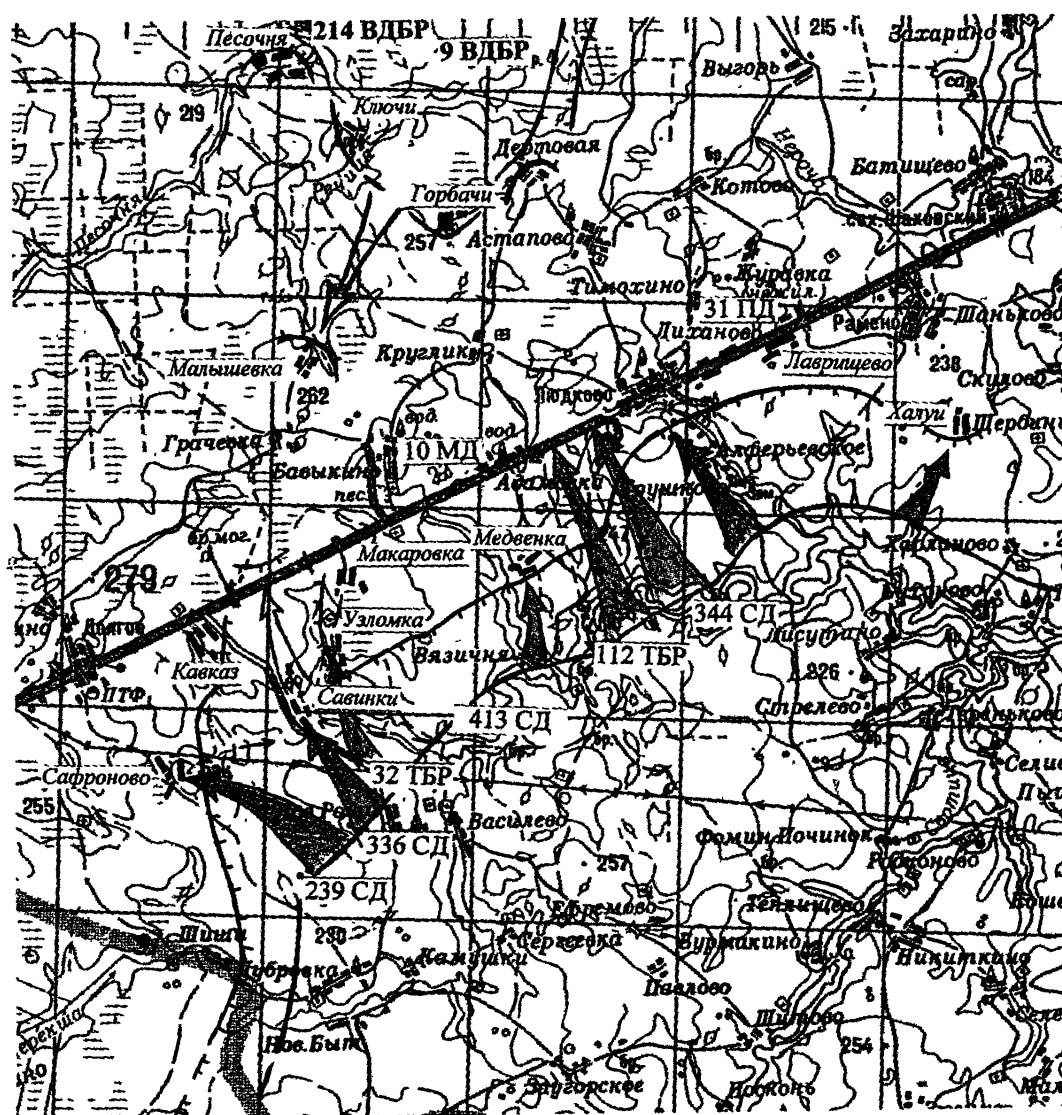
рачиваясь на 180 градусов, в зависимости от необходимости поддерживала то одну, то другую группу.

К исходу 24 февраля подразделения воздушно-десантного корпуса подошли к заранее подготовленному рубежу вражеской обороны: прорвавшиеся вперед бойцы 9-й воздушно-десантной бригады вышли к опорным пунктам Песочня, Ключи, Дертовочка на удалении всего около семи километров от Варшавского шоссе, где их встретил плотный огонь противника; на левом фланге 214-я воздушно-десантная бригада вошла в соприкосновение со 131-й пехотной дивизией противника у д. Иванцева, Татьянино, Жердовка.

Между передовыми частями 50-й армии и 4-м воздушно-десантным корпусом оставалось расстояние всего в 10 километров, преодолев которое и соединившись на как можно более широком фронте и максимально укрепив западный и восточный фланги образовавшегося коридора наши войска смогли бы поставить «неубиваемую» Юхновскую группировку противника в тяжелейшее положение. После соединения со слабыми частями десантников на освобожденную ими территорию, словно воздух в вакуум, хлынули бы мощные стрелковые дивизии, 32-я и 112-я танковые бригады — эти части получили бы полную свободу действий в результате прорыва на оперативный простор (хотя не надо забывать, что такое развитие событий могло быть возможным только после отражения фланговых контрударов противника по горловине прорыва, непременно последовавших бы за советским прорывом и расширения образовавшегося перешейка хотя бы до 10—15 км). Такое развитие ситуации, происходившее одновременно с начавшимся штурмом юхновских позиций немцев частями 49-й армии, поставило бы всю вражескую группировку в полуокруженном районе на грань катастрофы: удержание обороны после потери обеих снабженческих артерий становилось невозможным. До начала конца прочной обороны противника у Юхнова нашим войскам оставался путь протяженностью всего в десяток километров и пару опорных пунктов в деревнях, однако немцы отчаянно удерживались на позициях и не давали им сделать последнего шага. К сожалению,

регулярная радиосвязь между командующими 50-й армией и 4-м воздушно-десантным корпусом налажена не была, поэтому согласовывать удары по месту и времени не было возможности. Этим пользовался противник, перебрасывая силы на ослабленные участки и используя артиллерию для заградительного огня именно там, где на тот момент это было нужнее всего.

25 февраля наступило относительное затишье, обе стороны стягивали силы к району противостояния и прово-

Удары советских войск

 с 23 февраля по 1 марта
 с 1 по 8 марта

Встречные наступления 50-й армии и 4-го ВДК (второй штурм шоссе).
23 февраля — 8 марта 1942 г.

дили разведку. Южнее шоссе в это время не прекращались позиционные бои за развалины деревень и высоты.

26 февраля сражение разгорелось с новой силой. Правофланговые части 9-й воздушно-десантной бригады атаковали станцию Угра и железнодорожный мост севернее ее. В полосе 50-й армии серьезный бой весь день шел за овладение д. Узломка и Медвенка в паре километров южнее автостреды. Поддержанная танками атака на Узломку увенчалась успехом — части 10-й моторизованной дивизии противника были отброшены на север от населенного пункта. По итогам боя несколько машин 32-й танковой бригады были потеряны на окраине населенного пункта, потери среди атакующей пехоты 413-й стрелковой дивизии также оказались существенными. В районе Медвенки немцы смогли отбить атаку батальона советской пехоты.

На следующий день успех был у наших частей на севере. Начавшийся вечером 27 февраля бой за Ключи ночью 28-го закончился захватом этого населенного пункта бойцами 9-й воздушно-десантной бригады. По советским данным, в д. Ключи был разгромлен 12-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии противника, захвачено большое количество трофеев. Хотя по информации из немецких источников Ключи оборонялись частями 10-й моторизованной дивизии, под сильным натиском отступившей из подожженной деревни.

27 февраля части советских 413-й и 173-й стрелковых дивизий вместе с танками 112-й танковой бригады, прорвавшись на участке Узломка — Медвенка, пытались смять немецкую оборону всего в километре от автомагистрали, отбросив пехоту 10-й моторизованной дивизии. Впервые за время наступления удалось подойти к автомагистрали на широком фронте, однако, проявив высокую стойкость, противник не отступил, а на правом фланге наступающих, в районе южнее Лиханово, немцами был нанесен ответный удар. Поддержанная машинами разделенного поротно 27-го танкового полка, атака у высоты 253,2 позиции 32-й танковой бригады и 336-й стрелковой дивизии увенчалась для немцев успехом — продвижение советских частей было остановлено. 28 февраля ночная атака одной-двух совет-

ских стрелковых рот на д. Халуи была также отбита противником.

В обстановке, когда позиции противника осыпались под ударами с разных направлений, держать 19-ю и 27-ю танковые дивизии в резерве как единое подразделение, предназначенное для ударов по фронту и во фланг наступающих советских частей, стало нецелесообразно. Оба танковых батальона полка постоянно дробились на группы по несколько машин, самостоятельно действовавшие на разных участках.

Генерал-лейтенант Болдин после печального опыта, полученного в первой половине месяца, также был вынужден менять тактику действий: теперь он выдвигал ударную группу 50-й армии на максимально широком фронте, не создавая растянутых и оголенных флангов, поэтому отсечь какую-либо часть наступающих дивизий было практически невозможно. Слабые в противотанковом отношении десантные бригады Казанкина рисковали намного больше, не имея достаточно сил для равномерного продвижения: они наступали во все более вытягивающемся в направлении к шоссе выступе, но, пока на их стороне еще было численное превосходство и инициатива, 4-й воздушно-десантный корпус продвигался вперед. Брошенная против десантников немецкая пехота из разношерстных подразделений 40-го танкового и 43-го армейского корпусов противника пока могла только обороняться. Сосредотачивать против десантных бригад драгоценные танковые резервы до отражения наступления на юге немцы не могли.

Южнее автостреды, с самого начала наступления западнее долины Пополты, на взлом вражеской оборонительной линии задействовались все наличные силы артиллерии 50-й армии в данном районе (к сожалению, организация подобного непрерывного артиллерийского давления с севера была по понятным причинам невозможной): огонь наших артиллеристов и минометчиков, как площадной, так и по конкретным целям, должен был, как и положено при проведении армейской наступательной операции, подавить основную массу огневых средств противника, обе-

спечив успех атаки танков и пехоты. Однако 447-й артиллерийский полк РГК вместе с артиллерийскими полками стрелковых дивизий не смог создать достаточной плотности огня для подавления сопротивления, не помогла также и концентрация перед сектором наступления огня нескольких отдельных гвардейских минометных дивизионов, хотя немцы все же несли от него крупные потери.

Наряду с огневым противодействием артиллерии, авиация группы тактической поддержки «Юг» 8-го авиакорпуса противника благодаря установившейся более-менее ясной погоде днем 1 марта резко интенсифицировала свои действия: были нанесены бомбо-штурмовые удары по позициям выдвинувшихся вперед и плохо окопавшихся советских частей у Медвенки. Вкупе с локальными контратаками это заставило советскую пехоту местами отступить на несколько сот метров на юг, прекратив наступление. Также в течение ночи—утра 1 марта эта же группа бомбардировщиков поддерживала контрудар противника на Ключи, осуществлявшийся с привлечением огня нескольких гаубичных батарей. В этой атаке наряду с пехотой, стянутой отдельными батальонами и ротами от разных дивизий к «северному фронту», принимали участие лыжные подразделения из состава 10-й моторизованной (3-й батальон 41-го МП) и 31-й пехотной дивизий немцев. Контрудар противника упредил наступление наших 9-й и 214-й воздушно-десантных бригад и на некоторое время приостановил их наступательные действия.

Остановив 1 марта советское наступление к северу и югу от Варшавского шоссе, немцы добились кратковременной и шаткой стабилизации линии фронта, предотвратив смыкание двух наступавших советских группировок.

В начале марта активизировалась авиация с обеих сторон. Советская дальнебомбардировочная авиация наносила бомбовые удары по району города Юхнов, аэродромам и железнодорожным узлам в районе Вязьмы и Смоленска. Немцы противодействовали этому силами истребителей, а силами своих легких бомбардировщиков наносили удары по советским частям в районе «бутылочного горла» у Людково.

В ночь с 3 на 4 марта противник начал отступать с позиций в районе Юхнова. В немецких источниках указывается всего одна причина этого тактического отхода — это предстоявший период весенней распутицы и половодья, опасный серьезным затруднением снабжения из-за разлива Угры и ее притоков. Однако это не совсем так, рассмотрим почему. Во-первых, вражеские силы предприняли локальное отступление на несколько километров в период все еще продолжавшихся ожесточенных боев у шоссе на участке Рамено — Кавказ, и произошедшее в результате сокращения протяженности линии фронта уплотнение оборонительных порядков стало для противника своеобразной подстраховкой от перехвата участка автомагистрали и соединения советских 50-й армии и 4-го воздушно-десантного корпуса. Во-вторых, из-за давления 43-й и 49-й армий севернее города полноценное использование дороги Юхнов — Гжатск в качестве тыловой рокады стало невозможным. И, наконец, в-третьих, в трех километрах западнее города расположен перекресток Варшавского шоссе и дороги Вязьма — Юхнов, асфальтированное шоссе с железобетонными мостами — никакой паводок не страшен, поэтому крупных трудностей с подвозом здесь не могло возникнуть даже при сильном половодье. По мнению авторов, главной причиной немецкого отступления следует все-таки считать действия трех советских армий и воздушно-десантного корпуса, все остальные факторы второстепенны.

5 марта машины 112-й танковой бригады при поддержке пехоты и артиллерии 413-й стрелковой дивизии вновь прорвались к шоссе в районе двух мостов у д. Кавказ. Но противник плотным огнем не подпускал к автодороге нашу пехоту, не позволяя расширить прорыв, подтянуть орудия и выстроить систему обороны. Наши танкисты в очередной раз оказались один на один со всеми вражескими огневыми средствами в районе прорыва, немцы снова начали игру на уничтожение советской бронетехники, заблокировавшей движение по автодороге. На «тридцатьчетверки» 112-й бригады начали охоту расчеты 88-мм зениток и 50-мм противотанковых орудий; танки 27-го

Вид из амбразуры ДОТа у деревни Кавказ.

танкового полка противника в рискованную контратаку на советских «стальных монстров» до поры до времени не бросались.

Одновременно с прорывом у Кавказа возобновили наступление правофланговые 385-я и 326-я стрелковые дивизии 10-й армии. Противник даже считал эти действия увязанными с активизацией партизанских атак в районе Ельни, из-за которых движение вражеских поездов по железнодорожной магистрали Смоленск — Занозная оказалось остановленным. Однозначно опровергать эту версию нельзя, однако, зная ситуацию со связью опергруппы Белова с Большой землей, когда периодически срывался радиообмен даже с командованием Западного фронта, можно предположить, что уровень согласованности действий 10-й армии и подчиненных Белову сил был невысоким.

В момент обострения ситуации у шоссе начался новый этап противоборства советских десантников (силы корпуса Казанкина севернее автостреды насчитывали на 5 марта 2484 человека личного состава, не имелось танков и моторизованной техники, оснащение состояло только из легкого вооружения) и отдельных подразделе-

ний нескольких немецких дивизий. На сегодняшний день установлено, что в феврале—марте против 214-й и 9-й ВДБР действовали: подразделения 3-го батальона 41-го моторизованного полка 10-й моторизованной дивизии — севернее Людково; отдельные группы пехоты (численностью взвод—рота) 19-й танковой дивизии — как в районе поселка Угра, так и севернее шоссе, у д. Дертовочка, Выгорь; подразделения из 12-го и 82-го пехотных полков 31-й пехотной дивизии — в районе Ключи — Песочня и далее по фронту на северо-запад; правый фланг обороняющегося противника на участке Подсосонки — Дертовочка — Горбачи составляли часть сил 131-й пехотной дивизии и подразделения из состава 137-й и 34-й немецких пехотных дивизий. Более точно установить состав группировки противника не представляется возможным по причине того, что фронт против слабых воздушно-десантных частей севернее шоссе по сравнению с сектором обороны против 50-й армии южнее автостреды был для немцев второстепенным, и здесь, до начала масштабного контрнаступления, вели бои в основном отряды от пехотных дивизий численностью не более некомплектного батальона. Плюс ко всему эти группы прикрытия очень часто сменяли друг друга, и точно описать их местоположение по дням невозможно.

4 марта батальоны 41-го мотопехотного полка 10-й моторизованной дивизии были сменены в своем секторе обороны южнее автодороги частями 31-й пехотной дивизии и сосредоточены в тылу как мобильный тактический резерв. 6 марта все эти силы вместе с подразделениями от соседних 31-й пехотной и 19-й танковой дивизий были брошены на восстановление положения у д. Кавказ. Однако для освобождения шоссе противнику было необходимо вывести из строя если не все, то хотя бы большинство танков 112-й бригады, блокирующих его. Для этого к району вклинения была стянута большая часть орудий противотанковых дивизионов дивизий и 3—4 88-мм зенитных орудия Flak 8,8 резерва 40-го танкового корпуса. Завязалась непрерывная позиционная перестрелка с редкими короткими атаками, в которой крупными были потери обеих сторон. Но все

же немецкие артиллеристы медленно, но верно, по одной машине за несколько часов боя, стали подбивать наши танки; мощь 124-го, 125-го танковых батальонов 112-й танковой бригады неуклонно ослабевала, сказывалось и господство в воздухе вражеской авиации, наносившей частые бомбовые удары. 8 марта на завершающем этапе ликвидации вклинения, когда большая часть советских танков уже была уничтожена, противник перешел в наступление двумя ударными группами, каждая численностью около полка, поддержанного танками; эти группы продвигались во встречных направлениях вдоль автодороги. В этот день наступавшие с запада под прикрытием пикирующих бомбардировщиков и при поддержке нескольких танков 19-й танковой дивизии пехотные батальоны 41-го моторизованного полка соединились у д. Кавказ с атаковавшим с востока также при танковой поддержке 82-м пехотным полком 31-й пехотной дивизии. К вечеру 8 марта остатки 112-й танковой бригады и 413-й стрелковой дивизии были отеснены на юг от шоссе, противник восстановил целостность своей линии обороны вдоль автострады.

Из-за больших потерь в танках и личном составе стрелковых частей наступление 50-й армии в северо-западном направлении вскоре после отхода от д. Кавказ было прекращено. Задача по прорыву обороны вновь выполнена не была, соединение с десантным корпусом Казанкина, соответственно, также не было достигнуто. Ослабление накала боевых действий южнее отрезка Кавказ — Рамено отрицательно сказалось на положении десантников: теперь немцы могли снять с этих позиций количество сил, вполне достаточное для перехода в наступление на бригады 4-го воздушно-десантного корпуса и ликвидации угрозы с севера.

5 марта противник начал нажим на восточное крыло выступа в районе Ключи — Горбачи — Тыновка, образовавшегося в результате продвижения десантников. В этот день до двух пехотных рот немцев при поддержке тяжелой артиллерии и минометов атаковали Тыновку, создав серьезную фланговую угрозу выдавшимся вперед советским частям. Однако этот удар наши бойцы смогли отбить, со-

хранив возможность для нанесения очередной серии ударов по противнику.

К сожалению, в этот период между передовыми частями 4-го воздушно-десантного корпуса у Горбачей и 50-й армии на отрезке Адамовка — Кавказ (напомним, что здесь, начиная с 5 марта, непосредственно на шоссе вели бой прорвавшиеся танки 112-й танковой бригады, поддерживаемые пехотой 413-й стрелковой дивизии) не была организована помощь десантникам огнем гаубиц артиллерийских полков и реактивных установок гвардейских минометных дивизионов 50-й армии. Если бы по району Малышевки была проведена интенсивная артиллерийская подготовка, то исход боя после перехода десантников в атаку на этот опорный пункт мог бы быть совершенно другим, тем более что многодневный интенсивный обстрел укрепленных позиций противника не давал столь высоких результатов, которые могли бы быть при интенсивном артобстреле на пехоту противника, удерживающую северную часть сжатого до предела «бутылочного горла». Однако на данном этапе войны столь высокий уровень взаимодействия между штабами различных фронтовых объединений достигался крайне редко: постоянная прямая радиосвязь между штабами Болдина и Казанкина периодически утрачивалась, командующие войсками общались через штаб фронта, что замедляло реакцию на изменение обстановки. Ведь, как известно, за что Гудериан и Гепнер получили отставку, советские командиры обычно получали расстрел. Они, так же как и все другие комкоры и командармы Красной Армии, были серьезно скованы в самостоятельном принятии решений на маневр и изменение направлений ударов. В то время как такие решения необходимо было принимать незамедлительно, усиливая огонь и атакуя на несколько часов (а порой и меньше) ослабленный предыдущими атаками, огнем или же за счет чрезмерного растяжения оборонительных порядков участков обороны противника. Немецкие старшие офицеры действовали более динамично, активно маневрировали своими более чем скромными резервами, часто перебрасывая их с одних позиций на другие, переносили мощь всех огневых средств на угрожаемые направ-

ления, да и уровень связи и взаимной осведомленности между штабами вражеских подразделений был на голову выше советского.

6 марта 214-я воздушно-десантная бригада перешла в наступление на Песочню, 9-я воздушно-десантная бригада одним батальоном оборонялась в районе Ключи — Горбачи, прикрывая тыл и фланги двух остальных батальонов, штурмовавших Малышевку, с целью пробиться на соединение с танкистами и пехотой 50-й армии, ведущими ожесточенный бой всего в четырех километрах к югу от этой деревни. Огнем батальонных минометов с двух сторон немецкие позиции на участке Малышевка — Кавказ простреливались на всю глубину (однако с севера огонь советских минометов калибра 82 мм сильным быть не мог — во всем 4-м воздушно-десантном корпусе их на тот момент было 16 штук). Многим казалось, еще немного, и наконец-то будет пробит коридор, по которому на территорию, под-

Командир 4-го ВДК полковник А. Ф. Казанкин
и капитан В. М. Оленин

контрольную десантникам, хлынут танковые и пехотные подразделения 50-й армии, а десантники получат наконец нормальное наземное снабжение и смогут восстановить силы. Но немцы, уцепившись за свой последний форпост, пулеметным и минометным огнем с позиций в Малышевке отбили все атаки десантников. Для остановки продвижения 9-й ВДБР они вновь нанесли фланговый удар направлением Дертовочка — Тыновка, вклинившись в советские боевые порядки. Для ликвидации угрозы на западном фланге выступления Казанкину пришлось свернуть наступление на Малышевку и, перебросив силы с этого и других направлений, контратаками восстанавливать целостность боевых порядков у Тыновки. Понеся потери и уничтожив в районе Тыновки около 50 вражеских солдат, наши бойцы одержали победу в этом небольшом бою, захватив в итоге 9 ручных пулеметов, 7 пистолетов-пулеметов, 13 винтовок, 4 пистолета и 7000 винтовочных патронов. Однако победа в локальной схватке далась дорого: ни 6-го числа, ни позже н.п. Малышевка так и не был захвачен нашими частями, продвижение десантного корпуса на всем фронте было остановлено противником. Так как южнее продвижение подразделений 50-й армии также остановилось, «а прорыв у д. Кавказ находился в стадии локализации, то можно считать, что уже с 7—8 марта инициатива перешла в руки к противнику, а возможность скорого соединения 4-го воздушно-десантного корпуса с частями 50-й армии, к сожалению, была утрачена.

АГОНИЯ БИТВЫ ЗА ВЯЗЬМУ. ПОПЫТКИ ОБХОДА С ЗАПАДА

Войска под командованием генерала Белова, описание действий которых мы закончили на 10—11 февраля, все это время продолжали действовать в основном в северном направлении (диаметрально противоположном направлению наступления двух бригад 4-го воздушно-десантного корпуса), продолжая выполнение задачи по соединению с 11-м кавкорпусом Калининского фронта. Выйдя из неудачных и кровопролитных боев по лобовому штурму Вязьмы

и значительно пополнившись личным составом из числа партизан-«окруженцев», дивизии 1-го гвардейского кавкорпуса и 8-й воздушно-десантной бригады начали предпринимать попытки штурма н.п. Семлево и прорыва через этот район к железной и автомобильной дорогам Вязьма — Смоленск. Командование Западного фронта многократно требовало от кавалеристов и десантников разрушения железнодорожного полотна, однако выполнить эту задачу без надежного перехвата железной дороги на участке в несколько километров было невозможно, а периодические подрывы рельсов диверсионными группами быстро устранялись немецкими ремонтниками.

Перенеся основной натиск на район Семлево и прикрывшись на прежнем фронте наступления по линии Селиваново — Стогово — Забново частями утратившей локтевую связь с 33-й армией 329-й стрелковой дивизии и 250-го воздушно-десантного полка, опергруппа Белова перешла в наступление в северном и северо-западном направлениях. Это была первая попытка смять растянутый и соответственно более слабый, чем центр, правый фланг очаговой вражеской обороны. Однако за время тянувшегося вторую неделю штурма Вязьмы разведка противника определила состав, местоположение и основные цели, ставящиеся советским частям. Группировка противника, прикрывающая стратегически важный город и дороги, проходящие через него, пополнилась за это время подразделениями 3-й моторизованной дивизии, действовавшей теперь юго-восточнее Вязьмы против дивизий 33-й армии, медленно, но верно загоняемой во все более плотное кольцо окружения. Из района Издешково на усиление подразделений из состава 5-й и 11-й танковых дивизий подтянулись части 106-й пехотной дивизии, уплотнившие порядки противника у Марманово, а также усилившие тот самый слабый правый фланг, через который Белов планировал прорваться к магистралям и далее выйти к городу. Все перечисленные выше немецкие дивизии вместе с множеством мелких подразделений различного назначения, объединенные под управлением 5-го армейского корпуса, были достаточной силой, чтобы держать ситуацию под контролем.

Тем не менее, несмотря на то что эффект внезапности и количественное превосходство в районе Вязьмы были окончательно утрачены нашими войсками, кавалерийские и десантные подразделения, опиравшиеся на непрерывно возрастающую поддержку и помощь продовольствием со стороны партизан и лишь от случая к случаю подпитываемые снабжением по воздуху, продолжали удерживать инициативу в своих руках, атаки были непрерывными. Длвшийся весь день 13 февраля бой за Семлево, Марманово, Беломир, Дяглево и другие населенные пункты с участием 8-й воздушно-десантной бригады и всех пяти кавалерийских дивизий кавкорпуса Белова к вечеру начал приносить результаты: понеся серьезные людские потери, 1-й гвардейской, 41-й кавдивизиям и 8-й воздушно-десантной бригаде удалось окружить немецкий гарнизон в Семлево, из Марманово 2-й гвардейской кавдивизией были выбиты части 106-й пехотной дивизии противника. Несмотря на все успехи, прорваться к железной дороге через растянутый фланг группировки противника не удалось, более того, уже в течение дня 13 февраля немцы перешли на нескольких участках в контратаки.

Не позволив спешившимся конникам 2-й гвардейской кавалерийской дивизии закрепиться в освобожденном Марманово, противник атаковал и после короткого боя занял населенный пункт при поддержке четырех танков и нескольких бронемашин. Вторая немецкая контратака пришлась по неподвижному восточному флангу советской опергруппы, на участке 329-й стрелковой дивизии было захвачено Старое Трошино. Таким образом, наше наступление в первый же день рассыпалось на отдельные ожесточенные бои на улицах населенных пунктов.

14 февраля противник вновь при поддержке нескольких танков деблокировал свои части, державшиеся в окруженном накануне Семлево. После деблокирования немцами семлевского гарнизона продвижение советских конников приостановилось, в штабе корпуса и дивизий вновь занялись разработкой обходных направлений для прорыва.

Здесь, несколько отступив от описания битвы за конкретные населенные пункты, стоит более подробно рас-

смотреть общую оперативную обстановку в районе вяземских коммуникаций противника, сложившуюся к середине февраля. Отразив первую и самую опасную попытку захвата города с трех направлений в начале месяца, немцы все в большей степени навязывали советским соединениям игру по своим правилам. Если одновременно обратить внимание и на ситуацию на «большом фронте», то здесь, у основания всех трех советских прорывов (1-го гвардейского кавалерийского корпуса — у шоссе юго-западнее Юхнова, 33-й армии — западнее Износок, а также 11-го кавалерийского корпуса, 39-й и 29-й армий — юго-западнее Ржева), противник рядом концентрированных контрударов переломил ход событий в свою пользу, добившись общей стабильности линии фронта. Теперь уже ни одна советская часть не могла прорваться или просочиться сквозь упрочнившуюся вражескую оборону на помощь соединениям, безуспешно штурмующим город и атакующим дороги, проходящие через него. Наши ослабленные войска под командованием генералов Белова, Ефремова и Соколова прочно застряли в немецком тылу без нормального снабжения и надежды на помощь извне.

Хуже, чем у соседей, дела складывались в 33-й армии. Зажатая юго-восточнее Вязьмы между двух дорог, подконтрольных противнику, армейская группировка в составе трех некомплектных стрелковых дивизий (113, 160 и 338-й, не считая 329-й дивизии, отсеченной от армии еще в начале месяца ударами противника по линии дороги Вязьма — Юхнов) испытывала острейший дефицит провианта и боеприпасов. Ефремовцам не повезло сразу во многом: в отличие от 11-го и 1-го гвардейского кавалерийских корпусов, они попали в окружение на территории, где было крайне мало вооружения и боеприпасов, оставшихся после осенних боев (в октябре 1941 года немцы не пропустили на восток основную массу попавших в «котел» советских подразделений, уничтожив их западнее линии железной дороги). Если бы в столь плотном вражеском кольце оказался кавкорпус, то можно было бы пустить на мясо часть коней, обеспечив на время нормальное питание личного состава, а в 33-й лошадей было не слишком много. Не удалось по

примеру соседей установить локтевую связь с крупными партизанскими отрядами (ближайший к армии отряд под командованием В.В. Жабо был отделен от нее большаком Вязьма — Юхнов, упорно обороняемым противником); попытки прорваться навстречу наносящим деблокирующий удар войскам 43-й армии были начаты слишком поздно, до последнего предпринимались безнадежные атаки в совершенно противоположном направлении. Так, 338-я стрелковая дивизия окруженной две недели назад 33-й армии в середине февраля с боем пыталась прорваться в район Селиваново на соединение с 329-й дивизией для восстановления единого фронта с опергруппой Белова. 17 февраля бойцы 338-й дивизии вышли на дорогу Вязьма — Юхнов севернее и южнее д. Островки и безуспешно штурмовали прикрываемую ураганным огнем моторизованных частей противника деревню. Однако создать единый фронт с частями Белова, которые уже отвернули от Вязьмы и завязли в таких же бесперспективных, как и у Островков, боях с немецкими подразделениями в районе Семлево, войскам Ефремова не удалось.

22 февраля немцы перешли в районе д. Островки в контратаку, отбросив подразделения 33-й армии от деревни и ликвидировав тем самым угрозу движению по большаку Вязьма — Юхнов. В западной части кольца окружения в ночь на 22 февраля подразделения 20-й танковой дивизии противника ударом в южном направлении захватили д. Прудки на восточном берегу Угры; возможность отхода окруженных за реку по мосту между Прудками и Федотково была утрачена. До поры до времени такое положение с переправами не было фатальным — Угра в феврале и марте была скована толстым слоем льда, пригодным для перехода по нему обозов и артиллерии, в середине февраля до распутицы было еще далеко.

Подразделения опергруппы Белова в это время после короткой перегруппировки и восстановления сил (8-я воздушно-десантная бригада, в частности, ночью 17 или 18 февраля была пополнена 300 десантниками, на этот раз удачно и без разброса десантированными в распоряжение наших войск, а 11-й гвардейский кавполк 1-й гвардейской

кавалерийской дивизии был направлен на помощь партизанам в район станции Дорогобуж) атаковали в обход злополучного Семлевского укрепрайона, сковавшего на себе основные силы кавалеристов и десантников и «попившего немало крови». Новое наступление началось в 19.00 18 февраля с наступлением темноты. На этот раз прорыв через ряд населенных пунктов, занятых противником, начал развиваться успешно: к исходу дня 2-я гвардейская кавдивизия выбила немецкую пехоту из д. Изборово, 20 февраля были освобождены д. Гвоздиково и Сакулино; до железной дороги Смоленск — Вязьма осталось пройти всего 6—7 километров. На следующий день большая часть этого расстояния была пройдена, было очищено от противника Бекасово, шел бой за Березки (к исходу дня 21 февраля деревня была в руках наших кавалеристов).

Для противника возникла реальная угроза полной парализации перевозок по железной дороге, ставшей после перехвата частями Красной Армии и партизанами остальных железнодорожных веток Смоленск — Занозная и Вязьма — Занозная единственным путем, который обеспечивал проход эшелонов внутрь ржевско-вяземского выступа. Противодействуя советскому наступлению, противник стянул на угрожаемый участок сразу три бронепоезда, также производилась концентрация сил для нанесения контрударов (напомним, что совершение перебросок техники и людей для немцев здесь было элементарным делом — за спиной обороняющихся проходило Минское шоссе, накрываемое советским огнем в гораздо меньшей степени по сравнению с Варшавским шоссе на юге).

Пока враг маневрировал тактическими резервами, советские войска еще глубже вклинились в их оборонительные порядки, захватив 23 февраля Яковлево, а один батальон 8-й воздушно-десантной бригады пересек железную дорогу, подорвав во многих местах ее полотно и ведя активную разведку, предпринял попытку установить контакт с передовыми частями 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, действовавшими к северу от автостреды. К сожалению, прямой радиосвязи между кавкорпусами, наступавшими навстречу друг другу, установлено не

было, соответственно, полностью отсутствовала и увязка действий корпусов по месту и времени.

23 февраля дивизии 11-го кавкорпуса начали очередную попытку продвижения в южном направлении, левофланговая 18-я кавдивизия, наступавшая на восток, достигла железной дороги Вязьма — Ржев; другие части корпуса захватили ряд населенных пунктов и продвинулись на несколько километров навстречу опергруппе Белова, но было уже слишком поздно: противник у железной дороги на Смоленск уже наносил контрудары, выбивая клин из своей обороны. Так пехота и танки противника, поддержанные массированными ударами авиации, вновь заняли Бекасово, окружив при этом 8-ю воздушно-десантную бригаду и часть сил 41-й кавдивизии. Яковлево также вскоре было отбито у кавалеристов. Вскоре кавкорпус Соколова был остановлен, его передовые дивизии также подверглись ряду контратак.

По итогам двухдневных вражеских атак к 25 февраля Белов вынужден был вывести свои части из узкого «коридора» и поставить их в оборону по линии Заболотье — Изборо-во — Беломир. К этому рубежу прорвались из окружения сильно поредевшие батальоны десантников и конные эскадроны двух вышеупомянутых подразделений. 27 февраля 1-я гвардейская кавалерийская дивизия была направлена более чем за 30 километров от основной ударной группировки, в район освобожденного партизанами города Дорогобуж, что, естественно, сказалось на и без того невысоких пробивных способностях последней. Но прикрытие слабого левого фланга регулярным подразделением было необходимо.

В итоге в 20-х числах февраля немцы путем почти синхронного нанесения ряда ответных ударов смогли в очередной раз выйти из критического положения и нейтрализовать угрозу стратегически важным коммуникациям со стороны трех советских группировок. Район действий 33-й армии становился все в большей степени локализованным, наступления 11-го кавалерийского корпуса и опергруппы Белова, в очередной раз направленные на перехват железной и автомобильной магистралей, были остановлены.

После очередной неудачной попытки наступления генерал Белов, перегруппировав силы, перенес направление удара основных сил опергруппы еще дальше на запад. К этому моменту давно стало очевидным, что захват Вязьмы имеющимися силами невозможен. Однако возможность нарушения движения вражеских грузовых потоков по железной дороге еще оставалась. И командующий опергруппой, обязанный приказами командования Западного фронта во что бы то ни стало перехватить стратегически важную для немцев коммуникацию, решил, воспользовавшись разреженностью обороны противника в северо-западном направлении, нанести удар в направлении на Издешково, главной целью которого становилось разрушение железнодорожного моста через Днепр. При этом у подразделений кавалеристов, десантников и партизан появлялась возможность действовать самой удобной для них тактикой рейдов в обход укрепрайонов противника с последующим диверсионным налетом на заранее определенный объект и столь же быстрым отходом.

После пятидневной передышки и скрытного ночного маневра на 15–20 километров в западном направлении ночью 3 марта 8-я воздушно-десантная бригада (в центре группы, цель — разрушение моста через Днепр), 2-я гвардейская (уступом на левом фланге, цель — разрушение железнодорожного полотна на западном берегу Днепра) и 41-я кавалерийские дивизии (уступом на правом фланге, цель — разрушение железной дороги восточнее реки) выступили из района сосредоточения в северном направлении. Поначалу операция проходила гладко, и бойцы передовой 8-й воздушно-десантной бригады скрытно от противника заняли не имевшие немецких гарнизонов д. Плещеево и Зимняя, находившиеся в трех километрах от моста. Обеспечивавшие прикрытие с флангов 2-я гвардейская и 41-я кавдивизии соответственно вышли в район д. Данилово и Городнянка. Но на подступах к железной дороге, севернее деревень Зимняя и Плещеево, десантники наткнулись на немецкое боевое охранение и вынуждены были вступить с ним в бой. Вскоре по продвигающимся с боем к намеченной цели десанникам и кавалеристам от-

крыл огонь подошедший на угрожаемое направление бронепоезд противника. Подрывники из кавалерийских дивизий смогли на своих участках выйти к железной дороге и разрушить полотно, благодаря этому немецкий бронепоезд мог вести огонь по беловцам с большого расстояния. Приданные десантной бригаде подрывники не дошли до моста всего 60 метров, их остановил огонь из ДЗОТов, а также проволочные заграждения и противопехотные мины, которыми изобиловали подходы к стратегически важному немецкому объекту. При такой картине боя разрушение железнодорожного моста и просто выход к нему становились невозможными. Белову ничего не оставалось, как отдать приказ на сворачивание наступления и поэтапный отход на исходные позиции.

3 марта резко ухудшилось положение правого фланга вверенной Белову группы. Противник, пользуясь пассивностью далеко не полнокровных 329-й стрелковой дивизии и 250-го воздушно-десантного полка (к слову, почти вся дивизионная артиллерия 329-й дивизии осталась в 33-й армии), перешел к активным действиям против указанных советских частей, занимавших на тот момент оборону всего в 10 километрах от Вязьмы. Для окружения подразделений правого фланга опергруппы Белова немцы нанесли два встречных удара на наиболее слабых направлениях.

Создав на направлениях атак численный перевес, проведя артподготовку, заручившись поддержкой с воздуха группы бомбардировщиков (от 7 до 10 машин), противник нанес первый наиболее мощный удар, поддержанный бронетехникой 31-го танкового полка 5-й танковой дивизии, в стыки 75-й кавалерийской дивизии с 250-м воздушно-десантным полком и 57-й кавалерийской дивизией. Прорвав оборону и глубоко охватив фланги 75-й кавдивизии, противник вынудил это подразделение, не имеющее собственной тяжелой артиллерии, совершить отход на несколько километров в юго-западном направлении, связь с полком десантников и 329-й стрелковой дивизией была при этом потеряна. Развивая прорыв, около двух батальонов пехоты противника, поддерживаемых

пятью танками, вышли в район д. Юрино. Наносившая тем временем встречный вспомогательный удар из района д. Горки группировка противника в составе двух рот пехоты с тремя танками продвинулась на северо-запад и заняла н.п. Селище. К наступлению темноты две вражеские ударные группы соединились, замкнув кольцо окружения вокруг остатков советской стрелковой дивизии и полка десантников.

Для деблокирования окруженных Белов в ночь на 5 марта начал переброску обратно на восток частей, накануне участвовавших в неудачной попытке подрыва моста. Три кавалерийских дивизии и бригада десантников сосредотачивались в районе Хватов Завод — Дерево для нанесения деблокирующего удара в направлении на Петраково и далее на северо-северо-восток до соединения с частями 329-й дивизии.

Внешний обвод кольца окружения немцы организовали с опорой на ряд населенных пунктов и высот, расположенных у речушки Озерная, прозванной так, видимо, из-за большого количества запруд на ней. Однако ни река, ни озера преградой для наступающих не являлись: в начале марта их еще покрывал толстый слой льда.

К началу неизбежных боев по прорыву кольца окружения начали сказываться проблемы и серьезная неразбериха во взаимодействии между штабом опергруппы и командиром 329-й стрелковой дивизии. В связи с тем что радиосвязи с окруженными частями не было, а линии телефонной, естественно, были уничтожены немцами, Белов начал пытаться наладить взаимодействие, посылая к «окруженцам» связных. Вернувшийся ночью 6 марта разведчик 75-й кавдивизии лейтенант Бабичев доложил, что командир 329-й стрелковой дивизии полковник Андрусенко собирается организовывать прорыв в восточном направлении, то есть на соединение с 33-й армией. Начни это безграмотное решение выполняться, и одной дивизией и десантным полком в РККА стало бы меньше. Во-первых, в рассматриваемый момент под ударами противника остатки ударной группы 33-й армии утрачивали один населенный пункт за другим; эти части удерживались на поле боя во многом благодаря

тому, что угрожающие вражеским жизненно важным коммуникациям части группы Белова десантники 9-й и 214-й бригад 4-го воздушно-десантного корпуса и партизаны отряда Жабо не прекращали активных действий и приковывали к себе довольно много сил противника. Во-вторых, прорывающиеся из окружения силы физически не смогли бы соединиться с частями 33-й армии, они были бы неизбежно уничтожены на рубеже перпендикулярного направлению прорыва и прикрываемого противником большака Вязьма — Юхнов.

О первоначальных попытках окруженных советских частей прорваться на восток красноречиво свидетельствует донесение 5-го армейского корпуса 4-й танковой армии противника:

6.03.1942:

«...Отражены слабые попытки противника, находящегося севернее реки Озерна, прорваться из окружения в восточном направлении»¹.

В последующем атаки в восточном направлении не предпринимались, и остатки 329-й стрелковой дивизии и 250-го воздушно-десантного полка начали пытаться выходить в единственно возможном направлении — на юг, навстречу деблокирующему удару.

И на рассвете 7 марта, когда 2-я гвардейская, 75-я и 41-я кавалерийские дивизии, а также 8-я воздушно-десантная бригада начали первые попытки пробить к окруженным «коридор», бойцы 329-й стрелковой дивизии атаковали противника на внутреннем обводе «котла». Прорвать вражеские оборонительные порядки с ходу не удалось, успех первого дня наступления был ограничен вытеснением противника из д. Городок (8-я воздушно-десантная бригада) и Сиберяты (освобождена кавполком 75-й кавалерийской дивизии). Особенно сильное сопротивление встретила 2-я гвардейская кавдивизия при наступлении в районе д. Переходы. Еще в ходе боя, поняв, что на широком фронте прорыва не выйдет, командующий опергруппой перенес центр тяжести наступления на правый фланг. К вечеру 8 марта

---

¹ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 515. Л. 59–63.

непрерывный бой, длившийся уже второй день, закончился захватом 2-й гвардейской кавалерийской дивизией д. Переходы и ее переходом к обороне.

По донесениям кавалеристов, на отрезке обороны Сиберяты — Переходы противник сосредоточил около трех батальонов пехоты, поддерживаемых дивизионом артиллерии и восемью танками (цифра «8» относительно количества танков 31-го танкового полка противника на этом участке косвенно подтверждается советскими донесениями за 3 марта, где говорится о группах вражеских танков в 3 и 5 машин, участвовавших в охвате 329-й стрелковой дивизии). Наличие танков в немецкой обороне еще больше снижало шансы на успех наступления имевших крайне скудное противотанковое вооружение советских подразделений.

9 марта напряженный бой в районе д. Переходы продолжился, но продвижения вперед не было: прорваться сквозь позиции немецкой бронетехники было невозможно, уничтожить танки огнем прямой наводкой не удавалось, так как расчеты противотанковых орудий и ПТРов не могли подобраться к танкам на дистанцию эффективного огня из-за плотного огневого заслона со стороны противника. Такой характер боя предопределил единственно возможный способ выхода наших бойцов из окружения — это было просачивание мелкими группами в обход позиций противника, преимущественно в темное время суток. Первым из «окруженцев» это удалось начальнику оперативного отдела 329-й стрелковой дивизии лейтенанту Волкову и политруку Каневу. Эта пара разведчиков подтвердила, что оставшиеся силы окруженных будут выходить именно в направлении на Переходы.

10 марта из окружения наконец стали выходить отдельные группы бойцов и командиров. Еще ночью вышла группа лыжников из состава 250-го воздушно-десантного полка в количестве 75 человек, позже стали прорываться более мелкие группы и отдельные бойцы. Изнуренные голодом и непрерывным нервным напряжением многодневного боя, солдаты выходили из окружения в район д. Переходы, подконтрольной нашим частям. Какого-то конкретного участ-

ка прорыва не было, небольшие группы наших солдат вынуждены были продираться сквозь разреженные порядки немцев. Периодически назревали короткие огневые стычки с противником, которые лучше было избегать, потому что любое, даже легкое ранение при такой картине боя сулило солдату в худшем случае гибелью, а в лучшем пленом.

В середине дня противник атаковал и вновь захватил д. Переходы, расстояние между двумя советским группировками возросло, между ними вновь встал удерживаемый немецкими подразделениями населенный пункт. Вместе с тем Белов получил информацию о том, что главные силы 329-й дивизии будут прорываться на соединение с основными силами под покровом темноты в 20.00 вновь через район Переходы. С наступлением указанного времени 8-я воздушно-десантная бригада в лобовую наступала на деревню, однако встречного удара из глубины вражеской обороны не последовало, и атаку пришлось прекратить. Более того, за всю ночь 11 марта из «котла» вовсе не прорвался никто, и только к утру командир 3-го батальона 1112-го стрелкового полка 329-й стрелковой дивизии лейтенант Колпашников вывел из окружения группу бойцов примерно в 40 человек. По донесению самого лейтенанта, шедшая следом группа из 30 человек во главе с комиссаром батальона была отрезана взводом пехоты противника под прикрытием одного танка; после короткого боя оставшиеся в живых сдались в плен. Днем 11 марта остававшиеся в окружении бойцы просачивались к своим лесным массивам у деревни Никольское. Вместе с этими группами в последующие несколько дней вышли в распоряжение 8-й воздушно-десантной бригады фактически утратившие управление войсками командир 329-й стрелковой дивизии полковник К.М. Андрусенко и дивизионный комиссар Д.П. Сизов.

Окружением 329-й стрелковой дивизии и 250-го воздушно-десантного полка южнее Вязьмы противник добился достижения одной из главных своих целей: угроза прорыва советских войск к городу с юга и запада была ликвидирована, подразделения опергруппы Белова оказались отброшенными от Вязьмы более чем на 20 киломе-

тров, вероятность обстрела узла коммуникаций советской артиллерией, как и нового наступления на город, была исключена. Также немцами была ликвидирована угроза с севера и юга (11-й кавалерийский корпус Калининского фронта северо-западнее города также был оттеснен на безопасное расстояние) железнодорожной и автомобильной магистралям Вязьма — Смоленск. Битва за дороги у Вязьмы завершилась. Движение по этим артериям отныне нарушалось только действиями советских диверсионных групп и партизан. Однако шашка тола на стыке рельсов не может сравниться с огнем соединений кавалеристов и десантников, перехвативших железную дорогу на многокилометровом отрезке и перешедших к обороне. Любое повреждение полотна, пусть даже с крушением поезда, устранимо, а вот справиться с плотным огненным заслоном не так просто.

БЕЛОВ ПОВОРАЧИВАЕТ НА ЮГ

В середине марта начался новый этап в действиях советских войск, объединенных вокруг дивизий 1-го гвардейского кавкорпуса в оперативном тылу немцев: после ряда неудачных попыток прорваться к Вязьме основная часть сил опергруппы Белова повернула на юг. Здесь у станции Угра, в треугольнике, прилегающих к ней д. Русаново, Комбайн, Денисково, партизанскими отрядами под командованием Жабо и Грачева были блокированы силы вражеской боевой группы «Хаазе», входившей на тот момент в состав 12-го армейского корпуса 4-й армии противника и оцениваемые советской стороной примерно в 800 человек. Также на железнодорожной станции Угра было установлено наличие крупного вражеского склада боеприпасов, большая часть которых хотя и не могла быть использована советскими частями по прямому назначению, но все же являлась огромным запасом взрывчатых веществ и фугасных зарядов, пригодных для ведения диверсионных действий и «минной войны». Поэтому решение о скорейшем уничтожении окруженных частей противника было вполне обоснованным.

16 марта основные силы опергруппы генерала Белова оставили заслоны на старых позициях и начали перемещаться из района юго-западнее Вязьмы в южном направлении и вскоре подошли вплотную к «заблаговременно» окруженной у разъезда Угра группировке противника. По выходе в намеченный район генерал Белов, находясь в штабе группы в д. Малые Лопатки, с согласия командующего Западным фронтом подписал приказ о расформировании наиболее малочисленных 41, 57 и 75-й кавалерийских дивизий. Личный состав расформировываемых частей использовался для доукомплектования 1-й и в первую очередь на доукомплектование 2-й гвардейских кавдивизий, а также 329-й стрелковой дивизии, которая понесла серьезные потери во время боев в окружении и прорыве из него.

Западнее основных сил Белова в эти дни развернули на 180 градусов вектор своих действий партизанские отряды, поддерживаемые бойцами 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Стянув силы из района Дорогобужа, партизаны и кавалеристы отбили у противника множество населенных пунктов в районе города Ельня и северо-западнее города Спас-Деменск. Немецкий гарнизон Ельни, так же как и у станции Угра, оказался окруженным со всех сторон. Прямое сообщение между штабом 4-й немецкой армии в Спас-Деменске и штабом группы армий «Центр» в Смоленске оказалось нарушенным. Подробно не вдаваясь в ход боевых действий в районе Ельни, приведем лишь донесение командующего тыловым оборонительным районом 4-й армии за 16 марта:

«...Населенный пункт Шуярево (4 км юго-восточнее г. Ельня) захвачен штурмовыми орудиями. Вражеская артиллерия вела огонь по н.п. Брин и населенному пункту 1,5 км северо-восточнее. Южнее шоссе вражеский артогонь по н.п. Порубань и Устиново. Южнее Павлиново уничтожена группа противника. Огонь вражеской артиллерии по н.п. Холмская и населенному пункту 1,5 км севернее.

На участке 18 км северо-восточнее Спас-Деменска наша разведка натолкнулась на сильный пулеметный и минометный огонь противника.

Обозы дивизии, усиленные 323-м полицейским батальоном и 2 тяжелыми полевыми гаубицами, в районе по обе стороны

шоссе Спас-Деменск — Ельня сведены в группу «Габелениц» и подчинены непосредственно штабу армии»¹.

Из вышеприведенного текста вражеского документа вытекает, что боестолкновения с партизанами между Спас-Деменском и Ельней приняли настолько крупный размах, что стали для противника похожими на бои с регулярными частями РККА: с обеих сторон огонь вела тяжелая артиллерия, немцы применяли бронетехнику и даже были вынуждены экстренно сформировать для противодействия партизанам специальную боевую группу (напомним, что на фронте немцы обычно «затыкали» такими импровизированными соединениями «дыры» в обороне). Но все-таки партизанские отряды, даже обзаведшиеся собственной артиллерией и поддержкой регулярных частей, не могли на равных противостоять действующим против них немецким подразделениям, которые были намного лучше оснащены и превосходили партизан в тактике ведения боя. Результатом качественного превосходства противника стал скорый переход к нему инициативы действий, несмотря на то что он зачастую не обладал серьезным численным превосходством. Перейдя к активным наступательным действиям, немцы начали отбивать у партизан ключевые населенные пункты, а в 2.00 25 марта части 323-го полицейского батальона при поддержке тяжелой артиллерии и одного штурмового орудия Stug III прорвали извне порядки советских партизан вокруг Ельни и установили локтевую связь с остатками державшегося из последних сил гарнизона. После деблокирования противником окруженной группировки ситуация в районе города Ельня вновь стабилизировалась, хотя о полном освобождении немцами автомобильной и железной дорог Смоленск — Спас-Деменск и нейтрализации партизан речи еще идти не могло.

Возвращаясь обратно к действиям опергруппы Белова в район разъезда Угра, отметим, что здесь кавалеристы и партизаны поймали намного более крупную и колючую рыбу, нежели их соседи у Ельни. Вражеская боевая группа

---

¹ Там же. Д. 581. Л. 13–19.

Немецкие обозы подходят к горящей деревне.

«Хаазе», по численности близкая к батальону, отсеченная от остальных сил противника, перешла к жесткой позиционной обороне, поддерживая при этом радиосвязь с основными силами корпуса.

Первую серьезную попытку уничтожения окруженного противника Белов, накануне прибывший на оперативный пункт управления в д. Новое Петрово, находящийся всего в паре километров от передовых немецких позиций, предпринял ночью 21 марта. Но все ночные атаки были отражены противником, и не в последнюю очередь из-за неслаженности действий партизанских отрядов между собой и с действиями 2-й гвардейской кавдивизии. Следующей ночью советские атаки продолжились, разгорелся ожесточенный бой на окраинах д. Русаново и Комбайн, однако и в этот раз немецкая пехота удержалась на позициях. Продолжившиеся в следующие дни боевые действия части

сил опергруппы Белова против вражеской боевой группы «Хаазе» шли с переменным успехом. Так, в одном из боев в с. Вознесенье советские части отрезали от основных сил группу противника численностью приблизительно в 100 человек, но последние отчаянно держались, приспособив для обороны здание старой церкви, толстые стены которой надежно защищали даже от огня 76,2-мм советских орудий; через некоторое время окруженные были деблокированы атакой двух рот немецкой пехоты со стороны разъезда Угра.

Бой по ликвидации окруженного противника постепенно превратился в осаду. Прекратив на время атаки, советские части перешли к тактике артиллерийского подавления противника — немногочисленные гаубицы и полковые орудия были привлечены к артиллерийскому обстрелу вражеских позиций. Время работало не в пользу немцев — запасы провианта быстро истощались, потери непрерывно росли. Тяжелое положение окруженных немецких подразделений привлекло к себе внимание в высоких вражеских штабах в Спас-Деменске, Смоленске и даже в Берлине — немцы начали планировать меры по деблокированию отрезанной боевой группы.

24 марта Белов получил частную директиву от командования Западного фронта с требованием выделить часть сил для прорыва на соединение с остатками ударной группы генерала Ефремова. Для выполнения поставленной задачи от кавалеристов был выделен 2-й гвардейский кавалерийский полк майора Малинова, насчитывавший всего 346 человек личного состава при четырех легких орудиях и трех минометах. Через двое суток — 26 марта — в сводную группу вошел батальон партизан из отряда майора Жабо в составе 246 человек с двумя легкими орудиями и тремя минометами. Общее командование сводным отрядом Белов возложил на полковника Завадовского. Цель для группы численностью в 600 человек была поставлена крайне важная: прорваться через автодорогу Вязьма — Юхнов в районе северо-западнее д. Знаменка, после чего соединиться с частями 33-й армии, образовав своеобразный «наземный мост» между силами 33-й армии и опергруппы

Белова. Вкупе с выручкой медленно погибавших частей генерал-лейтенанта Ефремова успех операции мог принести и стратегические плоды в виде проблем со снабжением в северном крыле 4-й немецкой армии, после потери в начале месяца района Юхнова еще больше ставшем зависеть от поставок провианта и боеприпасов, шедших через Вязьму.

Упоминание об отряде Завадовского неоднократно встречается в оперативных сводках Генерального штаба Красной Армии. Это лишний раз подтверждает важность проводившейся импровизированной боевой группой операции. Но мог ли сводный отряд численностью в батальон пехоты, даже успешно проведя наступательную фазу операции, удержаться в «коридоре», пересекающем немало важную для противника дорогу? Разумным ли было подставлять под неизбежные контратаки часть сил опергруппы Белова, которая в тот момент была разделена на несколько частей, связанных боем, и не имела никаких значительных резервов? Ответ на эти вопросы дают итоги трехдневных боев у Знаменки.

26 марта отряд под командованием Завадовского перешел к активным действиям. Ночная советская атака по левому берегу реки Угра, начавшаяся в 22.30, закончилась ничем — немецкие силы охранения в районе Знаменки были вполне готовы к ударам с этого направления и встретили штурмующих ураганным огнем из всех стволов. Левее участка, выбранного для наступления отряда Завадовского, оборона противника опиралась на реку Волоста, преодолеть простреливаемую долину и крутые берега которой без больших потерь кавалеристы и партизаны не могли, а при попытке продвинуться через большак южнее Знаменки серьезно увеличивалась территория, которую с боем надо было преодолеть и впоследствии удерживать. Тем не менее, даже встретив хорошо организованное сопротивление, отряд Завадовского продолжал атаки: к исходу 27 марта их было проведено уже три, в следующий день — еще четыре. 29 марта, после нескольких неудачных штурмов, израсходовав запас боеприпасов и потеряв значительную часть личного состава, остатки группы вынуждены были

перейти к обороне. Минимальные шансы на прорыв у сил подчиненных бывшему командиру 57-й кавдивизии были, а вот шансов выдержать бой с подошедшими немецкими резервами не было никаких, поэтому провал предпринимавшихся попыток прорыва можно смело воспринимать как лишний шанс выйти на Большую землю живыми для советских бойцов, уцелевших в десятке кровопролитных атак у Знаменки.

Из-за образования еще одной ударной группы и без того слабая группировка партизан и кавалеристов вокруг группы «Хаазе», не сумевшая за короткое время ликвидировать окруженного противника, была еще больше ослаблена. Генерал-лейтенанту Белову пришлось в очередной раз контролировать выполнение вверенными войсками одновременно нескольких, не зависящих друг от друга заданий. А немцы, реагируя на пассивность сил советской опергруппы, сковавших их боевую группу «Хаазе», приступили к разработке операции по ее деблокированию. Так, 29 марта над станцией Угра пролетел десяток Ju-52, которые сбросили в парашютных контейнерах несколько тонн грузов, запрошенных командованием окруженных вражеских подразделений. Немецкий «воздушный мост» был только первым сигналом о скором деблокирующем ударе противника.

Глава четвертая

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

МАРТОВСКОЕ ОБОСТРЕНИЕ

В середине марта активность боевых действий обеих сторон, как на южных подступах к Варшавскому шоссе, так и в зоне действий 4-го воздушно-десантного корпуса и опергруппы Белова, на короткое время значительно снизилась. Линия обороны противника вдоль автомагистрали устояла перед натиском стрелковых дивизий и танковых бригад 50-й армии, которая, в свою очередь, понесла серьезные потери в танках (главным образом это касалось пополненной перед переходом в наступление 112-й танковой бригады) и живой силе. Армии было необходимо дождаться новых соединений, выделенных Ставкой, также определенное время было необходимо на скрытную перегруппировку сил в сектор планируемого наступления.

Потери немцев в ходе двухнедельного сражения у шоссе были довольно велики, они также были не в силах на какое-либо крупное наступление. В частности, противнику пришлось расформировать 2-й танковый батальон 27-го танкового полка, обратив оставшиеся танки и личный состав на доукомплектование 1-го батальона, становившегося единственным подразделением в 19-й танковой дивизии, имевшим танки.

Подразделения советских десантников после первоначального успеха подвергались контратакам освободившихся резервов противника, который, начиная примерно с 10 марта, стал поддерживать действия пехоты отдельными танками (причина появления немецких танков перед позициями 9-й и 214-й воздушно-десантных бригад очевидна — на фронте вдоль автострады к 10 марта наступило от-

носительное затишье, и у немцев появилась возможность высвободить несколько боевых машин для ликвидации угрозы с тыла).

Вдобавок в середине месяца резко испортилась погода, несколько дней метели и плохой видимости, не позволявших действовать авиации и снижавших эффективность арт-огня, давали советским и немецким солдатам долгожданную возможность отдохнуть от постоянных бомбежек и артобстрелов. Однако очередной этап схватки у шоссе был неизбежен, каждая сторона готовилась к нему по-своему: советская сторона накапливала силы, постепенно принимая подходившие по единственной железной дороге через Сухиничи стратегические резервы; немцы, не имея столь крупных сил в запасе, действовали в другом ключе — они осуществляли переброски сил, выделяли из дивизий группы от нескольких рот до полка, которые временно переподчинялись соседям для поддержки их разваливающейся обороны или контратак. Так, 10-я моторизованная дивизия противника 21 марта была выведена из первой линии на отдых и доукомплектование в район д. Милятино. Еще до вступления в бой выведенными из состава дивизии оказались 1, 2 и 4-я роты мотоциклетного батальона во главе с его штабом. Эта часть батальона была переброшена в район д. Красное, примерно в 40 километрах севернее д. Барсуки, для усиления частей противника, противодействовавших соединению западной группы 33-й советской армии с основными силами фронта. 41-й моторизованный полк из-за больших потерь личного состава подвергся реорганизации из трехбатальонного в двухбатальонный. В соседнем 43-м армейском корпусе немцев как яркий пример подобного дробления можно привести 82-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии, который 4 апреля был усилен двумя батареями легких гаубиц (105-мм), а в середине месяца оказался большей частью переданным в 10-ю моторизованную дивизию.

Тем временем сектор наступления ударной группировки 50-й советской армии в третий раз за последние два месяца смещался на юго-запад, для наступления был выбран участок северо-западнее райцентра Барятино. Еще в феврале

385-я стрелковая дивизия 10-й армии, теперь вошедшая в состав 50-й, отбила у немцев тактически важный район д. Сининка, значительно приблизившись к Варшавскому шоссе.

50-я армия должна была сыграть одну из главных ролей в очередной попытке разгрома противостоящей группировки противника: 20 марта Ставка ВГК издала директиву № 153589, в соответствии с которой ближайшая задача Западного фронта определялась следующим образом: *«...общими усилиями 43-й и 49-й армий и 50-й армии, усиленной из резерва Верховного Главнокомандования пятью стрелковыми дивизиями и двумя танковыми бригадами, не позднее 27 марта очистить от противника пути подвоза 33-й армии и группы Белова, соединиться с ними и в дальнейшем уничтожить группу противника в районе Рыляки, Милятино, Вязьма; одновременно силами 5-й армии завершить прорыв северо-восточнее Гжатска и не позднее 1 апреля овладеть г. Гжатск, после чего ударом на Вязьму содействовать 43, 49 и 50-й армиям в уничтожении противника в районе Вязьмы...»¹.*

По этой же директиве сходное с 50-й армией усиление получала и 30-я армия Калининского фронта (правда, вместо дивизий эта армия получала шесть более слабых по наступательным возможностям стрелковых бригад), которая должна была соединиться с 39-й армией, во второй раз окружив вражеские силы в районе Оленино, после чего основные силы 30-й армии вместе с 29-й и 31-й армиями должны были нанести удар по Ржевской группировке противника и овладеть районом города Ржев. Также был запланирован удар по группировке противника в районе города Белый.

Как мы видим, в очередной раз было спланировано окружение крупных вражеских сил в районе Вязьмы и Ржева. Только на этот раз в лобовую наступать в направлении на Вязьму с востока должна была 5-я армия Западного фронта, которой после овладения районом города Гжатск предстояло продвигаться вдоль Минского шоссе в поло-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 95. Л. 31–32.

се 4-й танковой армии противника. Однако роль главного тарана в предстоящей битве выпала на долю 50-й армии, в которую направлялось пополнение, сопоставимое с еще одной полнокровной общевойсковой советской армией. Территория, удерживаемая десантниками и опергруппой Белова, должна была использоваться в качестве плацдарма для беспрепятственного дальнейшего продвижения к Вязьме, окружения и окончательного разгрома войск противника. По сравнению с обстановкой в конце февраля соотношение сил сторон и конфигурация линии фронта становилась намного более благоприятной для выполнения поставленной Ставкой задачи: основные силы опергруппы Белова теперь действовали в одном направлении с десантниками Казанкина на их западном фланге, ряды которых пополнились вышедшей 3 апреля в район Преображенск — Жуковка 8-й воздушно-десантной бригадой; усиливаемая армия Болдина могла теперь наступать на фронте около 25 километров навстречу также развернувшемуся в ширину «северному фронту». Противнику, обделенному резервами в лице свежих подразделений, предстояло испытать еще более мощное, чем месяц назад, двустороннее давление, удерживая любой ценой коридор вдоль Варшавского шоссе.

Раз мы заговорили о свежих пяти стрелковых дивизиях и двух танковых бригадах, брошенных на усиление 50-й армии, то остановимся на них поподробнее. Это были:

I. 116-я стрелковая дивизия — сформирована в Забайкалье в период с 10.12.1941 по 4.02.1942 г.

II. 146-я стрелковая дивизия — сформирована в г. Казань в январе—феврале 1942 г.

III. 298-я стрелковая дивизия — сформирована в Алтайском крае в январе 1942 г.

IV. 58-я стрелковая дивизия — сформирована в г. Мелекесс Приморского военного округа в ноябре—декабре 1942 г.

V. 69-я стрелковая дивизия — сформирована в г. Ташкент Узбекской ССР зимой 1942 г.

11-я танковая бригада и 108-я танковая дивизия (в декабре преобразована в 108-ю танковую бригаду) уже принимали участие в боях осени 1941 года, после утраты материальной части были выведены на отдых и переформирование, и к марту 1942 года они вновь представляли довольно грозную бронированную силу. Наряду с резким усилением пехотой и артиллерией стрелковых дивизий, включаемых в состав армии, 50-я армия становилась обладателем одной из самых мощных танковых группировок в центре советско-германского фронта к началу апреля 1942 года Болдин имел в своем распоряжении танковые силы в составе 11, 32, 108 и 112-й танковых бригад, насчитывавших в общей сложности около 120 танков. Практически командующий 50-й армией к началу апреля имел в своих руках силу, близкую к танковому корпусу.

Далее мы максимально подробно рассмотрим бои с участием частей именно усиленной резервами Ставки 50-й армии. Сделаем мы это главным образом потому, что произошедшие в апреле встречные наступления этой армии с частями опергруппы Белова и 4-го воздушно-десантного корпуса, вылившиеся в ужасную четырехнедельную бойню, унесшую многие и многие тысячи жизней советских и немецких солдат, поставили огромную вражескую группировку на грань катастрофы. «Битва у Фомино» от начала и до конца приковывала к себе взгляды высоких чинов из Генеральных штабов обеих сторон. Главком Западного направления Г.К. Жуков в апреле периодически лично связывался с командующим 50-й армией и в грубой форме требовал от Болдина немедленного продвижения войск вперед. И продвижение это было, оно, как правило, происходило с «приливом новой крови», коим являлись подходившие к передовой новые стрелковые дивизии, специально выделенные Ставкой для фронтовой наступательной операции. Подобное было и в стане противника: Гальдер и Клюге также пристально контролировали ход боев в полосе 40-го танкового и 43-го армейского корпусов. Здесь цель всей суеты была противоположной: во что бы то ни стало удержать позиции южнее и севернее автостреды, уплот-

няя оборону на наиболее опасных участках, и остановить наступление Советов.

Особое место в этих боях заняли советские танковые подразделения, и на них стоит остановиться поподробнее. Как уже указывалось выше, в создаваемую танковую группировку, кроме 11-й и 108-й танковых бригад, еще в конце марта вошла и сильно потрепанная в боях у д. Кавказ, но все еще боеспособная 112-я танковая бригада. К концу марта все три бригады сконцентрировались напротив фронта протяженностью в 18 километров, и это если измерять по немецкой обороне от д. Лощихино до д. Фомино 1-е, на который танки могли быть брошены теоретически. В реальности советские танки участвовали в атаках в секторе от Прасоловки до Фомино 1-го протяженностью в 12 километров. С учетом потерь, понесенных 112-й танковой бригадой в боях 26 и 29 марта, а также машин 11-й и 108-й бригад, у которых случились трудноустраняемые поломки на марше, получается средняя плотность в 8 танков на километр фронта, которая намного ниже плотностей, необходимых для прорыва подготавливавшейся в течение нескольких месяцев оборонительной линии противника. Но эта цифра весьма и весьма условный показатель, так как танкисты 50-й армии предпринимали атаки всего на двух узких участках: в районах Прасоловка — роща Сердце — Гореловский и Фомино 1-е — высота 235,5 и 269,8 — поселок Тычек. Оставшиеся в 32-й танковой бригаде несколько боеспособных танков в предстоявшем наступлении на левом фланге армии участия не принимали — они были расположены за позициями стрелковых дивизий в районе д. Савинки и в ходе сковывающих боев на этом направлении в основном поддерживали пехоту огнем с места.

При описании последнего этапа сражения мы рассмотрим бои с участием трех советских танковых бригад, сконцентрированных на узком участке. Такая концентрация более чем сотни боеготовых танков для одной определенной наступательной операции говорит о многом. В первую очередь это подчеркивает важность предстоявшей операции (о последствиях успешного проведения даже ее первой

фазы мы уже упоминали выше). Однако с самого начала попытки организации слаженных действий трех танковых подразделений были довольно скромными, а об объединении их под единым руководством профессионального танкового командира речи не шло. И танковые бригады атаковали независимо друг от друга, часто теряя при этом и взаимодействие с поддерживавшей их пехотой. Непосредственная поддержка с воздуха действий советских танков не осуществлялась ни армейской, ни фронтовой авиацией.

Каждое сражение Великой Отечественной происходило в своих, характерных только для него условиях, которые во многом и определяли исход боя. И поэтому мы сочли должным особое внимание уделить обстоятельствам, в которых предстояло действовать советским стрелковым дивизиям, трем танковым бригадам, ставшим неотъемлемой таранной силой наступления. Для этого приведем относительно подробное описание рельефа местности.

Местность в секторе предстоявшего наступления имела довольно сложный рельеф, крайне неблагоприятный для использования танков, и в то же время была удобной для ведения жесткой позиционной обороны, чем и воспользовался противник.

Барятинский район тогда Смоленской, а с 1944 года — Калужской области являлся плотно и относительно равномерно до войны заселенной территорией с большим количеством как крупных деревень, так и мелких поселков в 20—30 домов. Поселки Гореловский и Малиновский, располагавшиеся на левом фланге наступления на удалении немногим более километра друг от друга, являлись отличными опорными пунктами для обороны. Гореловский находился на возвышенности, к которой с севера вплотную прилегал обширный лесной массив, удобный в использовании для скрытного маневра и сосредоточения сил, южнее же простирались обширные пахотные поля, четко просматриваемые, а следовательно, и простреливаемые на глубину более километра. Западнее располагался Малиновский, конфигурация местности вокруг которого отличалась только тем, что к юго-юго-востоку от поселка была

роща размерами 500 на 800 метров (советские командиры за характерную форму в своих донесениях часто называли ее «Сердце»), которая несколько ограничивала противнику сектор обстрела прямой наводкой.

В километре к северо-востоку от Гореловского берет начало сильно заболоченная пойма реки Ужать, тянущаяся дальше преимущественно в южном направлении. По сути, вся долина реки представляет из себя труднопроходимое для танков торфяное болото со множеством крупных и мелких родников, подпитывающих реку. Наступление танковой части на этой территории представляется возможным только при условии подробной разведки грунта и инженерной подготовки местности, при этом практически полностью исключен маневр танков под огнем противника. В трагических последствиях танковой атаки в этом овраге мы убедимся несколько ниже.

В полутора километрах южнее Малиновского тянется ряд деревень — Прасоловка — Каменка — Яковлевка, протяженностью с северо-запада на юго-восток, находящихся примерно в двух километрах друг от друга. Эти населенные пункты находились на открытом пространстве, имели значительное число каменных строений, удобных для организации огневых точек, к тому же возле Яковлевки расположена господствующая высота 244,6. С востока и северо-востока подходы к Каменке и Яковлевке прикрывала болотистая пойма раки Ужать и ее безымянного притока.

Особого внимания при рассмотрении требует характер местности в районе Фомино, Зайцева Гора, Строевка, Зимницы. Расстояние между северной окраиной Фомино 1-го и южной оконечностью Фомино 2-го составляет немногим более километра. На всем пространстве между деревнями нет участков леса, вся территория представляет собой открытое пахотное поле. Сразу же за северной окраиной Фомино 1-го открытое пространство пересекает неглубокая балка, тянущаяся с востока на запад и являющаяся подножием высот 269,8 и 235,5. Высота 269,8 является в этом районе господствующей, местность с нее просматривается на многие километры вокруг. Данная

возвышенность стала крайне удобным опорным пунктом в обороне противника, обороняющегося фронтом на юг и юго-восток. Северные и северо-восточные скаты высоты довольно пологие и вплотную прилегают к Фомино 2-му, которое, в свою очередь, расположено вплотную к шоссе. На всех остальных направлениях скаты высоты имеют большой угол уклона, что играло только на руку противнику, удерживавшему гребень высоты, создавая крайне тяжелые условия для штурма возвышенности нашим частям. Немцам же такая конфигурация не создавала трудностей ни в переброске резервов и подвозе боеприпасов при обороне, ни при контратаке с направлений Фомино 2-е и Тычек.

В километре к востоку от Фомино 1-го начинается Шатино болото, это практически непроходимый для всех видов транспорта и танков участок местности, имеющий протяженность с востока на запад 7 километров и от 3 до 6 — с севера на юг. Болото значительно ограничивало возможность маневра на правом фланге для атакующих частей. Поэтому в ходе наступления в направлении высота 245,5 — Зайцева Гора советская пехота принимала участие в бою без какой-либо танковой поддержки.

Подводя черту под всем вышесказанным, можно смело утверждать, что все бои в ходе наступления протекали в крайне неблагоприятных условиях. Для наступления крупной массы войск совершенно не было возможности для равномерного продвижения на широком фронте. Это мешало как Шатино болото, так и труднопреодолимая местность юго-западнее Фомино. И если в конце марта — начале апреля морозы поддерживали твердое состояние грунта, обеспечивавшее относительную свободу для маневра, то начиная с середины апреля потепление превратило и без того сложную для использования танков местность в практически непроходимую на вероятных направлениях ударов.

Несмотря на то что в тылу противника в непосредственной близости к линии фронта располагалась станция Занозная, находящаяся на пересечении железных дорог Смоленск — Сухиничи и Брянск — Вязьма, железнодорожные

грузоперевозки весной 1942 года через этот узел носили исключительно локальный характер.

Практически полная парализация стратегических транспортных перевозок по железной дороге в интересах вермахта на данном участке советско-германского фронта являлась заслугой Красной Армии. Войска 10-й армии в результате наступления в январе освободили город Киров и прилегающую к нему крупную железнодорожную станцию Фаянсовая, остановив прямое железнодорожное сообщение между Брянском и Занозной. На этом отрезке движение продолжалось только на пятнадцатикилометровом участке путей от Занозной до Шайковки (в основном это были небольшие составы или дрезины, перевозившие грузы, которые по воздуху прибывали на аэродром Шайковка). Железные дороги Вязьма — Занозная и Смоленск — Занозная начиная с февраля 1942 года были перерезаны на отдельных участках частями группы войск генерала Белова, десантниками и партизанами; сквозные перевозки на этих отрезках были невозможны для немецкой армии.

С автомобильными дорогами дела у противника обстояли намного лучше: в его распоряжении оказался прямой многокилометровый участок Варшавского шоссе, имевшего до войны асфальтное покрытие. Следует также обратить внимание на отсутствие пересечений шоссе крупными реками, уничтожив мосты через которые силами авиации можно было бы на короткий срок приостановить движение автотранспорта противника по дороге (как исключение можно было рассмотреть мост через реку Десна в районе села Екимовичи, но, во-первых, ширина реки в этом месте составляет всего несколько метров, даже в случае полного уничтожения переправа была бы быстро восстановлена силами саперных частей противника, а во-вторых, эта задача являлась явно непосильной для советской бомбардировочной и штурмовой авиации весны 1942 года, в условиях господства вражеской авиации в воздухе и мощного зенитного прикрытия стратегически важных объектов).

На участке длиной примерно в 60 километров от д. Бельская и далее почти до Юхнова Варшавское шоссе на-

чинало играть для вермахта роль не только транспортной артерии, расположенной перпендикулярно к линии фронта, по которой удобно было перебрасывать войска и подвозить грузы из стратегической глубины, но и выполняло функцию прифронтной рокадной дороги, крайне удобной для тактического маневрирования силами в условиях быстро меняющейся картины боя. Даже беглого взгляда на карту с начертанием передовой линии советских войск в этом районе на конец марта 1942 года становится достаточно для того, чтобы понять: на всем указанном выше участке части 50-й армии подошли к дороге с юго-юго-востока на 5—8 километров, но ни в одном месте им не удалось перехватить шоссе и надежно закрепиться на нем, сведя на нет рокадную роль этой транспортной артерии противника.

Исключением здесь является ряд локальных прорывов наших частей в период с января по март: в период с 26 по 30 января в районе восточнее Людково через шоссе прорвались основные силы 1-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерала П.А. Белова. Но перед этими частями была поставлена более амбициозная и в январе еще казавшаяся выполнимой задача: захват города Вязьма. Поэтому кавалеристы, не сильно обращая внимание на смыкание горловины прорыва за спиной и отсечение от прорвавшейся группировки двух стрелковых дивизий, танковой бригады и основных сил корпусной и дивизионной артиллерии, устремились на северо-северо-восток к намеченной цели. Варшавское шоссе было тогда еще не столь важным: в руках противника был Юхнов, немцы без сильных затруднений снабжали свои части всем необходимым по дороге Вязьма — Знаменка — Юхнов. Подобный прорыв к шоссе был и 5 марта (кстати, именно в этот день части 49-й армии захватили г. Юхнов), но и в этот раз части 413-й стрелковой дивизии и 112-й танковой бригады продержались под немецкими контратаками всего три дня, после чего вынуждены были отступить от дороги. Враг умело пользовался сложившейся ситуацией и при любой попытке наших войск провести наступательную операцию в короткие сроки перебрасы-

вал по шоссе на угрожаемое направление силы, которых было достаточно для восстановления положения на данном участке.

У советской стороны положение с железнодорожным транспортом было несколько лучше: в распоряжении командования 50-й армии оказался участок железнодорожной ветки Сухиничи — Смоленск, заканчивавшийся крупной разгрузочной станцией Бярятинская. Но в использовании этой станции для нужд армии возникали значительные трудности. Дабы не быть голословными, приведем выдержки из записи переговоров Главнокомандующего войсками Западного направления Г.К. Жукова с командующим 50-й армией И.В. Болдиным:

15.04.1942:

«...Жуков. <...> Тыл перекантовывать на Бярятинскую, распоряжение нами дано, дорогу стлать фашинами, другой дороги для вас сейчас никто не сделает. Как с продовольствием в войсках?»

Болдин. С продовольствием в войсках плохо. Вопрос исключительно упирается в подвоз со станции снабжения.

Жуков. С Бярятинской сможете подавать. От Бярятинской рядом. Какие у Вас могут быть затруднения?

Болдин. Приняты меры, чтобы брать с Бярятинская.

Тов. Главком, к какому вопросу относится последний Ваш вопрос, прошу уточнить?

Жуков. С доставкой с Бярятинской.

Болдин. Главные затруднения с поставкой — это раскисли все дороги. Станция Бярятинская намного ближе сокращает путь по вопросу обеспечения меня боеприпасами, горючим и продфуражем.

Жуков. Стелите дорогу фашинами, хворостом, прочим твердым материалом, завтра мне особым донесением донесите, что именно сделано в исполнении моего указания. До свидания». <...>

Несколько выше:

«Жуков. <...> Устройство тыла немедленно перекантовывать на Бярятинскую, откуда и производить подачу войскам. В неподготовленности дорог виноваты только Вы. По-

благодарю, а сейчас пожинаете свои плоды. Шесть тракторов, что мы могли найти и оторвать временно у других частей, Вам послано, больше у меня помочь Вам нечем. Устраивайте тыл на Бяратинскую».<...>

20.04.1942:

«Болдин. <...> Мне нужно подвезти снаряды и мины на огневые позиции и продовольствие для войск в Бяратинское.

6. С открытием станции снабжения Бяратинское положение с подвозом боеприпасов и продфуража стало немного улучшаться.

7. Противник тормозит нам подвоз по жел. дороге на ст. Бяратинская. Авиация бомбит станцию и перегоны на отдельных участках.

8. Тов. Главком, прошу учесть, дело с дорогами очень плохо и с каждым днем ухудшается. Дружное таяние снега; незначительные ручьи, лощины, низменности превратились в непроходимые места для транспорта всех видов, а на ровной местности сплошная грязь». <...>

Из расшифровки переговоров видно, что по крайней мере до середины апреля роль основной разгрузочной станции в 50-й армии играла станция Дабужа, которая находилась в 22 километрах дальше от передовой, чем Бяратинская, игравшая второстепенную роль как ввиду значительных разрушений железнодорожных путей, так и из-за постоянных ударов авиации противника и обстрелов артиллерией крупных калибров самой станции и перегонов (передовые позиции немцев в районе д. Лоцихино, Бельня-Крюково и Студеново располагались на расстоянии 8—10 км от станции, что являлось допустимой дистанцией для огня немецких 105-мм и 150-мм гаубиц le FH-18 и FH-18, имевших дальность стрельбы 10,5 и 16 км соответственно). Авиация Люфтваффе, господствовавшая в воздухе, часто затрудняла или вовсе останавливала железнодорожные перевозки в советском тылу: наряду с банальной бомбардировкой разгрузочных станций и перегонов самолеты противника вели «охоту за локомотивами», причем часто довольно успешную.

Не следует также упускать из внимания тот факт, что самый разгар ожесточенных апрельских боев у Варшав-

ского шоссе совпал с моментом наступления весенней распутицы, которая превратила все грунтовые дороги, находившиеся в распоряжении противоборствующих сторон, в непроходимую грязь. Части 50-й армии оказались в крайне тяжелом положении: с одной стороны, как видно из доклада Болдина Жукову, роль основной разгрузочной станции армии была перенесена с располагавшейся на слишком значительном удалении от передовой Дабужа на прифронтовую станцию Барятинская, что в любой другой момент было бы крайне положительным фактором для обеспечения войск питанием и боеприпасами, но, с другой стороны, теперь возникла новая проблема — 16-километровый участок дороги от Барятино до Фомино 1-го оказался крайне перегружен советскими транспортными колоннами, плюс ко всему резко началась весенняя распутица. В результате из-за этих двух причин покрытие дороги быстро пришло в негодность, практически полностью остановилось движение автотранспорта, а гужевые повозки и малочисленные гусеничные трактора передвигались параллельно дорогам со скоростью, не превышавшей 3—5 км/ч. Спешные меры по восстановлению дорог, принятые командованием армии и фронта, не переломили ситуацию, и положение войск с подвозом пищи и боеприпасов продолжало оставаться крайне тяжелым. В этой ситуации командование стрелковых дивизий было вынуждено использовать для подноски боеприпасов личный состав артиллерийских частей и пехоту, при этом каждый боец нес по два снаряда или минометных мины, для этого с передовой снимались несколько стрелковых батальонов, что, в свою очередь, ослабляло наступательную мощь дивизий. Подобная ситуация со снабжением сложилась и в танковых бригадах.

Таким образом, вкратце рассмотрев транспортную обстановку в тылу обеих сторон, можно сделать следующий вывод.

Части 40-го танкового и 43-го армейского корпусов вермахта, несмотря на значительную парализацию железнодорожных перевозок в собственном тылу, не испытывали существенных затруднений как с материальным обеспече-

нием своих частей, находившихся на передовой, так и с их маневром вдоль фронта. Это объясняется, во-первых, наличием в тылу немцев удобной транспортной магистрали, а во-вторых, высокой степенью моторизации дивизий вермахта, державших оборону южнее Варшавского шоссе.

Тыловые же части 50-й армии не смогли должным образом наладить снабжение наступающих стрелковых дивизий и танковых бригад, хотя в тылу функционировала железная дорога, от крайней разгрузочной станции которой до передовой было всего около 15 километров. Нормальной работе тыла помешало крайне неудовлетворительное состояние автодорог, из-за таяния снега и перегруженности превратившихся в непроходимое болото.

112-я танковая бригада первой из танковых частей сосредоточилась в тылу на левом крыле 50-й армии, как мы помним, уже принимала самое участие в предыдущем армейском наступательном порыве и понесла большие потери. Поэтому и укомплектованность части техникой и личным составом была меньшей, чем у двух свежеприбывающих бригад, прошедших переформирование и полностью восстановивших боеспособность. Безвозвратные потери личного состава в боях у д. Кавказ и Савинки составили 85 человек убитыми и 10 пропавшими без вести. Также было потеряно значительное количество танков, и на 25 марта в бригаде насчитывалось всего 1634 человека личного состава и 23 танка, большую часть из которых составляли Т-34 разных заводов и периодов выпуска (имелись как танки, оснащенные литыми опорными катками с внутренней амортизацией, так и машины с обрезиненными катками, выпущенные в 1941 году или в январе 1942-го, еще до перебоев с поставкой резины на танковые заводы).

К началу наступления на западном фланге армии бригада усилиями ремонтников и за счет пополнения вновь была приведена в боеготовое состояние. Еще с середины марта подразделения 112-й танковой бригады начали сниматься со своих оборонительных позиций в районе д. Савинки и Сафроново и маршевым порядком стягивались в

юго-западном направлении в район лесного массива восточнее д. Сининка. Вкупе со скорым подходом в этот же район еще двух полностью боеготовых танковых бригад этот маневр явился обеспечением ударной группы армии более чем достаточным количеством бронетехники. Дело было за переброской пехоты, которую, к сожалению, не удалось сконцентрировать в достаточном количестве на направлении главного удара к началу перехода в наступление.

Болдин отдал приказ о начале наступательных действий в то время, когда первые колонны выделяемых его армии свежих стрелковых дивизий еще подходили к передовой. Но все же наступление довелось начать «старым» частям. Для равномерного наступления на север было необходимо продвижение вперед на левом фланге ударной группы армии с захватом опорных пунктов врага в Яковлевке, Каменке, Прасоловке, Малиновском и Гореловском. Только в этом случае ликвидировалась угроза удара противника во фланг и тыл наступающих в направлении шоссе советских частей, а также создавались предпосылки к продвижению выровненным фронтом без попадания под фланговый огонь.

Первая атака на Гореловский была назначена на 7.00 26 марта. По плану наступления танки 112-й бригады должны были при поддержке собственной пехоты из мотострелкового батальона наступать на стыке 336-й и 239-й стрелковых дивизий. Причем было решено не бросать танки на лобовой штурм поселка, а пустить их в обход для создания перспектив к возможному окружению опорного пункта немцев и прорыва в глубину обороны — непосредственно по фронту Гореловский атаковала пехота 239-й стрелковой дивизии. Для полноты картины приведем текст боевого приказа № 22, полученного штабом 336-й стрелковой дивизии накануне:

«1. Противник, прикрываясь узлами сопротивления на линии дороги Фомино 1 — Сининка — Лесничий городок — Екатериновка — Александровка, обороняет Варшавское шоссе.

2. Справа 173-я СД уничтожает группировку противника в Фомино 1, перерезает Варшавское шоссе в направлении Свя-

той Колодезь, озеро Милятинское, в дальнейшем уничтожает гарнизон противника в Фомино 2 и не допускает контратак противника из Зайцева Гора. Граница с ней иск. Пригородная, отм. 242,4, Екатериновка.

3. Слева 239-я СД уничтожает гарнизон противника в Гореловский, Бельская и далее Поделый и к исходу 26.03 закрепляет Варшавское шоссе и уничтожает гарнизон Поделый. Граница с ней Листорки, иск. Сининка, выс. 235, Александровка, Милятино.

4. 336-я СД со 112 ТБР-й и 21-м отдельным гвардейским минометным дивизионом — ближайшая задача овладеть Александровкой. В дальнейшем перерезать Варшавское шоссе, овладеть Екатериновка и, развивая наступление на южную окраину Милятино, совместными усилиями со 116-й СД уничтожить гарнизон в Милятино»¹.

Командование армии «в лучших традициях» 1942 года поставило своим частям явно непосильную задачу. Расчет «отцов-командиров» можно упрощенно описать в двух словах: поставить подчиненным задачу-максимум в надежде на то, что им удастся выполнить хотя бы ее часть. За день ожесточенного боя пехота и танкисты смогли в некоторых местах продвинуться менее чем на километр из «отписанных» им по карте от шести до девяти.

К 3.00 26 марта 112-й мотострелковый батальон сосредоточился на восточной окраине Сининки в готовности к решительному броску вслед за танками. Для атаки было выделено по одной танковой роте «тридцатьчетверок» от 124-го и 125-го танковых батальонов 112-й танковой бригады. К 7.00 сводная группа в составе 9 танков Т-34 достигла рубежа развертывания в 200 метрах восточнее поселка Гореловский и с ходу перешла в атаку. Но вначале успешно продвигавшаяся за танками пехота, попав под интенсивный огонь противника, отстала и оказалась прижатой к земле. Группа «тридцатьчетверок» прорвалась сквозь позиции немецкой пехоты и вышла в район запланированного сосредоточения для новой атаки к северо-западу от посел-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 4. Л. 112.

ка. Танкисты вынуждены были оставаться на месте в тылу противника в ожидании подхода пехоты.

Немцы не собирались терпеть нахождение в своем тылу почти десятка советских танков и стали спешно подтягивать для огня прямой наводкой по танкам противотанковые пушки с передовой. Танки оказались под интенсивным обстрелом противотанковой артиллерии и были вынуждены перейти к круговой обороне. «Добавили огоньку» и вызванные противником для поддержки 12 пикирующих бомбардировщиков Ju-87, которые со свойственной им точностью сбросили фугасные бомбы на позиции танкистов. Немцы довольно точно подсчитали количество наших танков, участвовавших в атаке: утром еще в ходе боя штаб 4-й полевой армии докладывал «наверх» в режиме реального времени:

«40 ТК: Противник силой до полка из н.п. Сининка ведет атаку на населенный пункт 3 км северо-западнее н.п. Сининка. Пехоту поддерживают 9 танков»¹.

После трех часов перестрелки танкисты, так и не дождавшись подхода пехоты, вышли из боя и вернулись на исходные позиции к Сининке. В ходе боя четыре машины из 125-го и две из 124-го танковых батальонов получили повреждения. Но безвозвратных потерь не было: все танки удалось эвакуировать, причем часть поврежденных машин вывели своим ходом, а остальные оттащили из-под обстрела на буксире.

Начальник немецкого Генерального штаба Сухопутных войск быстро обратил внимание на только начавшуюся очередную советскую наступательную операцию, отчеты офицеров о серьезном натиске и танковых атаках на участке обороны моторизованных полков 19-й танковой дивизии заставляли предпринимать срочные меры, и 27 марта в дневнике Франца Гальдера появилась следующая запись:

«...На фронте 4-й армии отмечается нажим противника на 19-ю танковую дивизию, вследствие чего наше наступление под Кировом отложено...»².

Заметка Гальдера служит лишним доказательством того, что наступательные действия левого крыла 50-й армии с

---

¹ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 581. Л. 172.

² Гальдер Ф. Военный дневник...

самого начала оказывали непосредственное влияние на соседние участки фронта, которые немцы вынуждены были ослаблять, используя в качестве «доноров». В апреле целый пехотный батальон противника был переброшен с участка севернее города Киров на усиление 10-й мотодивизии, в свою очередь, стянутой к Фомино.

Кстати говоря, запланированное и несостоявшееся наступление под Кировом начальник немецкого Генштаба упоминает и на следующий день, туманными фразами записав в дневнике: «...Руководство начинает колебаться в осуществимости наступления в районе Осташкова. Восхваляемая на все лады операция у Кирова также связана с большими трудностями...»¹. И если с первой операцией, заключавшейся во встречных ударах 9-й и 16-й немецких армий, все понятно — о подобных планах противника сегодня известно многое, то вот фраза «операция у Кирова» вызывает много вопросов. Для внесения ясности надо бросить взгляд на карту, изображающую конфигурацию линии фронта у города. Выступ советской обороны на стыке 4-й и 2-й танковой армий немцев, занимаемый частями малочисленной 330-й стрелковой дивизии, был для противника крупной «занозой в боку». Эта «заноза», центром которой и являлся город Киров, перехватив железную и автомобильную дороги, тянущиеся с запада на восток и идеальные для использования противником в качестве прифронтовых рокад, серьезно нарушала взаимодействие между двумя крупными группировками противника, замедляя ему переброску войск вдоль линии фронта. Обе стороны до поры до времени не стягивали в этот район крупных сил, дело ограничивалось боями за отдельные населенные пункты, проходившими с переменным успехом. 10-я армия к этому моменту была усечена всего до двух стрелковых дивизий (330-я и 326-я, занимавшая позиции севернее Кирова до разграничительной линии с 50-й армией) и имела из бронетехники только 1-й отдельный Краснознаменный дивизион бронепоездов. В таком виде армия могла выполнять только оборонительные за-

---

¹ Там же.

дачи, во что бы то ни стало не допуская оставления 330-й стрелковой дивизией города и железнодорожного узла Фаянсовая, подарившего бы противнику возможность свободно перебрасывать силы по железнодорожной магистрали Ржев — Вязьма — Брянск на всем ее протяжении. Такое восстановление коммуникаций в тылу противника, безусловно, могло значительно повысить стабильность выстраиваемой немцами стратегической обороны, сведя на нет один из серьезных успехов зимнего контрнаступления Красной Армии.

В связи с этим обстановка у небольшого Кировского выступа, являвшегося острием гигантского юхновско — Кировско — болховского выступа советской обороны и сопоставимого по своим масштабам со злополучным ржевско — вяземским выступом обороны противника (но, к счастью, с более широким, чем у последнего, основанием), и приковала к себе внимание немецкого Генерального штаба. Основываясь на довольно скудной информации, все же осмелимся предположить, что планировавшаяся немцами операция под Кировом заключалась в классическом нанесении двух фланговых ударов под основание «занозы» из районов севернее и южнее городка, с последующим окружением и уничтожением остатков стрелковых полков 330-й дивизии. Для чего немцы в конце марта и стали стягивать пехотные силы к этим точкам (необходимости в танках здесь у противника не было, так как советских танков, угрожавших сорвать операцию, в секторе обороны 330-й стрелковой дивизии не имелось и сама оборона была неплотной). Однако совершение наступательных планов противника, как уже говорилось выше, было сорвано началом наступления ударной группы армии Болдина в районе Фомино.

В конце марта температура воздуха была еще ниже нуля, грунтовые дороги в тылах наших частей находились в удовлетворительном состоянии; среди трудностей с подвозом боеприпасов и продовольствия в 50-й армии была только одна — слишком большое расстояние от баз снабжения и железнодорожных разгрузочных станций до передовых частей. Настоящая катастрофа со снабжением была

еще впереди. В артчастях хватало боеприпасов, поэтому артподдержка атакующих с их стороны была довольно интенсивной. Самым мощным артиллерийским соединением в армии был 447-й артиллерийский полк Резерва Главного командования, оснащенный тяжелыми 122-мм и 152-мм гаубицами. В ходе подготовки к наступлению четыре батареи сосредоточились в районе севернее Барятино. К 11.00 24 марта полк занял следующий боевой порядок: штаб — д. Красный холм, нп (наблюдательный пункт) 4-й батареи — д. Сининка, нп 5-й и 6-й батарей — д. Марьино, нп 7-й батареи — д. Зимницы, гаубичные батареи располагались на закрытых позициях как в самих населенных пунктах, так и в лесном массиве, прилегающем к ним. Так, например, 2-й дивизион полка в ходе артподготовки и непосредственной артподдержки наступающих 26 марта выпустил по тыловым позициям противника в поселках Гореловский, Малиновский, деревнях Прасоловка, Екатериновка, Бельская и Куземки в общей сложности 130 снарядов крупных калибров. 7-я батарея этого же полка за день израсходовала 45 снарядов на огонь по деревням Фомино 1-е, Фомино 2-е и Зайцева Гора.

Батареи артполка не ослабляли интенсивности огня по тылам противника и на следующий день. Подтверждают это и оперативные сводки штаба полка. Например, оперсводка № 232 от 27 марта:

«1. Части наступают на Фомино 1, Гореловский, Прасоловка.

2. Поддержка частей 239 СД и 173 СД в течение суток огонь по огневым точкам и скоплению противника.

3. 2/447 (2-й дивизион. — Прим. авт.) ап вел огонь:

4 бат. — Гореловский (15 снарядов); Малиновский (4 снаряда)

5 бат. — Бельская (15 снарядов); Куземки (10); Екатериновка (10)

6 бат. — Прасоловка (22); Гореловский (5); Бельская (10)

4. 3/447 ап вел огонь:

7 бат. — Фомино 1, Фомино 2 (27); Зайцева Гора (40)

Результат: уничтожено 2 склада с боеприпасами, разрушено и сожжено 3 дома, 3 сарая, много убитых и раненых солдат и офицеров»¹.

По распределению огня видно, что по передовым опорным пунктам немцев (Прасоловка, Гореловский и Малиновский) было выпущено всего 46 снарядов, тогда как по тылам — целых 112. 447-й артиллерийский полк РГК, как и подобает артчасти армейского подчинения, в основном обстреливал вражеские тыловые коммуникации и вел контрбатарейную борьбу, выделяя лишь небольшую часть огневых средств на огонь по передовой. Такое распределение огня вполне уместно, так как вся дивизионная артиллерия и минометы работали непосредственно в интересах наступающих подразделений, «обрабатывая» передний край противника.

Кстати, противник также отмечает в донесениях за 27 марта интенсивный артогонь по Прасоловке, обороняемой частями 73-го моторизованного полка 19-й танковой дивизии:

«19 ТД: Отбито 3 атаки (каждая численностью до 250 человек) на н.п. Прасоловка и высоту 1 км севернее. Противник окопался на широком фронте перед передним краем. По н.п. Прасоловка противник ведет сильный артиллерийский огонь»².

В следующие дни интенсивность огня 447-го артполка начала неуклонно падать: 28 марта было сделано 107 выстрелов, а 29 марта, в день мощной танковой атаки на Гореловский, выпустили всего 83 снаряда всех калибров. Мощности артиллерийской поддержки в сотню-полторы выстрелов за сутки, проводимой по нескольким удаленным на километры друг от друга целям, не хватало для дезорганизации немецкой системы обороны.

Атаки нашей пехоты на позиции немцев не прекращались ни на день. Но постепенно поддержка пехоты со стороны артиллеристов и минометчиков стала идти на спад, все чаще начинает встречаться в архивных документах фра-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 447. Оп. 801701. Д. 1. Л. 111–155.

² Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 581. Л. 187.

за «атака началась без артподготовки», огонь теперь открывался только в случае крайней необходимости. Объяснение простое: подвезенные вместе с орудиями боеприпасы быстро израсходовались в бою, а нормальный подвоз с артскладов снарядов и мин армейское командование наладить не смогло.

Новый танковый удар по обороне немцев был нанесен 29 марта, под него снова попали позиции противника в нескольких сотнях метров северо-восточнее Гореловского. На этот раз в атаке участвовало всего пять Т-34 из состава 125-го танкового батальона. Вместе с танкистами наступали пехотинцы 548-го стрелкового полка 116-й стрелковой дивизии, правее атаковал 112-й мотострелковый батальон танковой бригады, прикрывавший стык с 239-й стрелковой дивизией.

После танковой атаки 26 марта к обороне позиций вокруг Гореловского немцами было привлечено значительное количество противотанковых орудий из состава 19-го противотанкового дивизиона. Поэтому на приблизившиеся к немецким траншеям советские танки обрушился настоящий шквал бронебойных болванок. Сквозь стену огня смог прорваться лишь один Т-34 командира танковой роты капитана Александра Константиновича Олейникова. «Проутюжив» траншею с вражеской пехотой и отправив несколько осколочных снарядов по огненным точкам, танк скрылся из вида в глубине немецкой обороны, связь с ним была потеряна. Остальные машины не смогли прорваться вслед за танком Олейникова и вели перестрелку с немецкими противотанковыми орудиями, находясь на нейтральной полосе. В неравном противоборстве с немецкими артиллеристами три танка были подбиты, вскоре атака окончательно захлебнулась: без поддержки танков даже минимальные шансы пехоты прорваться на данном участке становились равными нулю. Пехота отошла, все три поврежденных танка, как и 26 марта, удалось эвакуировать, неизвестной оставалась только судьба экипажа Олейникова.

Через несколько дней наши разведчики доложили, что в ближнем тылу противника, неподалеку от посел-

ка Гореловский, ими был обнаружен разбитый Т-34. Это была пропавшая в бою днем 29 марта машина. Никаких данных о судьбе экипажа ни в немецких, ни в наших источниках найти не удастся. Можно только предполагать, что если бы немцам удалось обездвижить оказавшуюся в одиночестве «тридцатьчетверку» (перебив траки гусениц или нанеся любое другое неопасное для танкистов повреждение), а ее выживший экипаж захватить в плен, то факт захвата в плен советских танкистов непременно нашел бы отражение в суточном оперативном донесении командования 40-го танкового корпуса как «самоотверженный подвиг солдат вермахта в борьбе с большевистскими стальными монстрами». Скорее всего, отсеченные от своих танкисты до последнего вели огневой бой на оборонительных позициях противника, пока несколько бронебойных снарядов не влетели сквозь броню в боевое отделение танка и не завершили тем самым неравную схватку, уничтожив боевую машину вместе с ее отважным экипажем.

В апреле, когда танки 112-й танковой бригады были отведены от Гореловского, приказ командира 125-го танкового батальона поставил окончательную точку в официальной истории экипажа Олейникова:

«Считать пропавшими без вести экипаж Т-34, находящегося на поле боя 29.03.42 в районе пос. Гореловский:

1. командир роты капитан Олейников Александр Константинович

2. ком. башни (заряжающий. — Прим. авт.) рядовой Кулагин Михаил Петрович

3. механик-водитель старший сержант Мороз Григорий Федорович

4. пулеметчик сержант Никифоров Николай Васильевич
Командир 125-го танкового батальона капитан Солдатов».

Что касается двух бригад из резерва Ставки, то они оказались в распоряжении Болдина гораздо раньше большинства обещанных ему стрелковых частей. К сожалению, единственная железная дорога Сухиничи — Дабужа,

по которой к передовой перебрасывались резервы, после восстановления полотна ремонтниками обладала невысокой пропускной способностью (к тому же на станции, эшелоны и сами пути постоянно сыпала бомбы авиация противника), что серьезно замедляло концентрацию сил в ближнем армейском тылу. Первой из них подошла 108-я танковая бригада. Выгрузившиеся в 20-х числах марта из эшелонов на железнодорожной станции Дабужа 63-й и 267-й танковые батальоны бригады к утру 28 марта сосредоточились в лесу западнее поселка Барятино. 29 марта основные силы бригады вышли в район поселка Приволье приблизительно в 4 километрах за позициями советской пехоты.

Последней подошла 11-я танковая бригада. Она прибыла в 50-ю армию 28 марта; в течение суток на станции Дабужа выгрузились три эшелона с бронетехникой, материальной частью и личным составом бригады. Далее части бригады проследовали маршем в направлении к линии фронта и к исходу следующего дня расположились в лесном массиве в долине реки Неручь, в районе д. Победа и Кирсаново-Пятница примерно в 15 километрах от переднего края.

К 30 марта основные силы бригады подтянулись к линии фронта и расположились в лесу в 1,5 км восточнее Чумазово. На опушке леса в километре юго-западнее Сининки за ночь были вырыты блиндажи и оборудован командный пункт бригады. В 21.00 совместно с разведчиками 116-й стрелковой дивизии был выслан взвод разведки для определения толщины снега и предварительной разведки позиций противника на вероятном направлении наступления на поселок Малиновский.

В последующие несколько дней части бригады активных наступательных действий не предпринимали. Можно отметить лишь обстрел 4 апреля минометной батареей 11-го мотострелкового батальона немецких позиций в Яковлевке, в ходе которого по противнику было выпущено 30 мин калибром 82 мм, ложившихся на значительном удалении от целей — стрельбы выявили низкую боевую подготовку минометчиков бригады и их командиров.

На этом месте сделаем оговорку относительно целесообразности сосредоточения мощных танковых сил на незначительном удалении от передовой. Итак, 1 апреля около ста советских танков сосредоточились на дистанции в несколько километров от противника, но из вновь прибывающих стрелковых дивизий в секторе наступления была лишь одна 116-я, ввязавшаяся в бои по штурму поселков Гореловский и Малиновский. А до подхода первых подразделений остальных четырех стрелковых дивизий оставалось больше недели. Сложилась патовая ситуация — началом наступательных действий и концентрацией танков (немецкая наземная и воздушная разведка не могла этого не заметить) и вводом части из них в бой было раскрыто направление удара. В то же время бросать в бой все простаивающие танки вместе с потрепанными стрелковыми дивизиями, начавшими попытки наступления на левом крыле армии, было нецелесообразно из-за недостатка пехоты и слабости всей армейской артиллерийской группировки. Подход танковых резервов раньше пехотных поставил телегу впереди лошади: противник знал о подходе советских танков, это помогло ему определить угрожаемые участки и уплотнить на них систему обороны. Неграмотный порядок подброски резервов, поэтапный и несогласованный ввод их в бой стали ахиллесовой пятой четвертого и последнего штурма вражеской обороны вдоль Варшавского шоссе в ходе начавшейся еще в январе Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции.

ГРУППА «ХААЗЕ» ВЫХОДИТ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Воспользовавшись тем, что в первых числах апреля натиск на 40-й танковый корпус немного ослаб, его 331-я пехотная и 19-я танковая дивизии успешно удерживали позиции, 10-я моторизованная дивизия, расположившись в ближнем тылу, их подстраховывала, а на участок 43-го армейского корпуса в это время мощного давления не оказывалось, противник приступил к операции по дебло-

кированию группы «Хаазе», продолжавшей держаться в полном окружении. Для более эффективного управления войсками 1 апреля группа «Хаазе» была подчинена 43-му армейскому корпусу. На следующий день штабом группы было отклонено предложение советской стороны о капитуляции.

4 апреля 82-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии, усиленный двумя батареями 105-мм гаубиц, был переброшен пешим маршем в район южнее станции Баскаковка и начал наступление на север. Силы 131-й пехотной дивизии численностью до половины полка, а также до роты танков 19-й танковой дивизии сосредотачивались для параллельного удара в 10 километрах северо-восточнее. К операции также были подключены силы авиации группы тактической поддержки «Юг» 8-го авиакорпуса, которые до этого были полностью задействованы в ударах по передовым частям и путям подвоза 50-й армии. В этот же день из штаба опергруппы Белова, продолжавшей артиллерийско-минометные обстрелы позиций группы «Хаазе» у Денисково, Вознесенье и автомобильного моста через реку Угра возле одноименной станции, немцам поступило предложение о капитуляции, но те категорически отказались — окруженные солдаты противника знали, что со дня на день должна подойти помощь, и это только подхлестывало их волю к сопротивлению.

Одновременно противник начал с нескольких направлений наносить удары по позициям 214-й и 9-й бригад 4-го воздушно-десантного корпуса. 2 апреля атакам подверглись позиции десантников в районе д. Новицкая Дача, Акулово, Богородицкое. Несколько рот вражеской пехоты из 131-й пехотной дивизии при поддержке пяти танков, атаковав стык корпуса десантников и 2-й гвардейской кавдивизии, прикрытый силами партизан, выбились далеко вперед и захватили Богородицкое. До группы «Хаазе» противнику оставалось всего 10 километров по прямой. 3 апреля на ставшее угрожаемым направление была переброшена 8-я воздушно-десантная бригада, часть была выведена из состава опергруппы Белова и возвращалась в десантный корпус Казанкина, заняв оборону в районе

Жуковки и приостановив дальнейшее продвижение противника в северо-западном направлении. В ответ немцы перебросили группу танков и часть сил пехоты от Богородицкого к Акулово и в ночь на 4 апреля вновь пошли на штурм обороны десантников. После тяжелого боя 214-я воздушно-десантная бригада оставила Акулово, к утру десантники окопались в нескольких сотнях метров северо-западнее и западнее населенного пункта. Во время боя за Акулово части 9-й воздушно-десантной бригады атаковали фланг наступающего противника, выбив его из д. Пречистое, дальше десантникам продвинуться не удалось, и их атака не повлияла на исход боя у Акулово. На этом параллельное с 82-м пехотным полком наступление частей 131-й пехотной дивизии с несколькими танками 19-й танковой дивизии было приостановлено, танки отправлялись обратно на юг для поддержания угрожавшей крушением обороны 74-го моторизованного полка, выбитого 5 апреля из Фомино 1-го.

Пока в районе Богородицкое — Пречистое шли позиционные бои, усиленный 82-й пехотный полк успешно продвигался вперед. С 3 по 6 апреля вражеский полк занял д. Ключики, Яненки, Бутово, Новинка, Баскаково, 8-й гвардейский кавполк подполковника Высоцкого и подразделения партизан были отброшены на 7 километров и заняли оборону по линии Селище — Вертерхово.

7 апреля 82-й пехотный полк занял д. Большая и Малая Мышенка, вплотную подойдя к станции Вертерхово — последнему крупному препятствию на пути к группе «Хаазе». На следующий день противник выбил части 2-й гвардейской кавдивизии и 8-й воздушно-десантной бригады с позиций по реке Вербиловка, основные силы кавалеристов отошли на восток, а десантников — на запад, железную дорогу между станциями Угра и Вертехово удерживали лишь слабые силы. 8 апреля Белов, видимо, уже смирившись с тем, что блокированный гарнизон противника вскоре выйдет из ловушки, перебросил находившийся в резерве наиболее боеспособный 6-й гвардейский кавполк 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в район Всыходы, на 20 километров юго-западнее станции Угра. Было ли это реше-

ние обоснованным, судить трудно: крупного наступления у Выходов противник пока не проводил, а направление на Выхово требовало немедленного прикрытия резервами, 8-й гвардейский кавполк удерживался там из последних сил. Можно предположить, что командующий опергруппой специально не стал бросать последние резервы в заведомо проигрышный бой с превосходящим противником, сберегая их для удара на соединение с армией Болдина.

9 апреля немцы продолжили наступление и заняли д. Выхово и Выхово. После овладения этими населенными пунктами батальоны 82-го пехотного полка получили полную свободу маневра, и преодоление оставшихся до Денисково 10 километров становилось только вопросом времени — остановить немецкие подразделения в лесу без заранее подготовленных оборонительных позиций было невозможно. 10 апреля подразделения 131-й пехотной дивизии противника, вновь поддержанные двумя-тремя танками, вытеснили роту партизан из д. Жуковка, расширив прорыв и прикрыв фланг наступления, начали теснить десантников и партизан, продвигаясь вдоль дороги на Преображенск. После этого 82-й пехотный полк перешел в наступление вдоль железной дороги, к исходу дня передовые силы полка соединились с группой «Хаазе» у Денисково, цель вражеского наступления была достигнута, теперь противнику оставалось только грамотно и с минимальными потерями отвести силы из образовавшегося узкого коридора, избежав его повторного перекрытия советскими частями.

Обеспокоенность в штабах Казанкина и Белова, заключавшаяся в опасении, что немецкое наступление через район станции Угра на север получит дальнейшее развитие, не оправдалась. 10 апреля в дневнике Гальдера также появилась запись о том, что «...Группа Хааса вырвалась вперед и теперь оттягивается назад...»¹. У противника не хватало сил на одновременное удержание образовавшегося в результате наступления 82-го полка выступа и фронта южнее шоссе: на последнем к середине апреля обстанов-

---

¹ Гальдер Ф. Военный дневник...

ка продолжала накаляться и требовала демонтажа группы «Хаазе» и усиленного 82-го пехотного полка для использования их в качестве резервов на фронте 40-го танкового и 43-го армейского корпусов против нового наступательного рывка 50-й армии. Уже днем 11 апреля на стол П.А. Белова легли два косвенно подтверждающих друг друга донесения: первое, поданное командиром 329-й стрелковой дивизии, указывало на оставление противником районов Угра и Вознесенье, во втором командир 6-го гвардейского кавалерийского полка доносил о том, что до 600 вражеских солдат с обозами и небольшим поездом отступают вдоль полотна железной дороги в южном направлении. К ночи 12 апреля остатки боевой группы «Хаазе» расположились на отдых в районе д. Милятино, 82-й пехотный полк занял оборону в районе станции Вертерхово. Вскоре эти силы оказались раздерганными на латание дыр у Фомино, группа «Хаазе» прекратила свое существование.

Локальная немецкая операция успешно завершилась: основные силы окруженной группировки были освобождены, а группа авиации тактической поддержки «Юг» 8-го авиакорпуса вновь могла сосредоточиться исключительно на ударах по 50-й армии. Для советской стороны результаты недельных боев в районе Угра, как ни странно, также в большей степени оказались положительными: для удобства в управлении 4-й ВДК был оперативно подчинен штабу опергруппы Белова и действовал с ней одним фронтом, выравнивание которого из-за отхода противника создавало удобное положение для наступления в южном направлении.

АПОГЕЙ

В первый бой танки 11-й танковой бригады вступили только 5 апреля. Утром три Т-34 из состава бригады были переданы в распоряжение командира 385-й стрелковой дивизии. В 13.00 был получен приказ о наступлении на Прасоловку. Совместная атака танков и пехоты началась в 14.20 с рубежа в 1,5 километра западнее Марьино. Практически сразу порядки наступающих попали под ураганный

огонь противника, в результате чего продвигавшаяся вслед за танками пехота была отсечена от них, и «тридцатьчетверки» продолжили движение на немецкие позиции у Прасоловки, ведя практически в одиночку огневое противоборство со всеми огневыми средствами противника. Больше всего атаке мешал фланговый огонь противотанковой артиллерии противника из леса южнее Северной Каменки, а также непрерывная бомбардировка боевых порядков танкистов семью подключившимися в ходе боя немецкими пикирующими бомбардировщиками Ju-87.

В итоге у одного Т-34 было повреждено направляющее колесо, и танк был обездвижен, другой получил повреждение орудия. Атака захлебнулась, и два оставшихся на ходу танка вернулись на исходные позиции.

В этот же день части 290-й и 173-й стрелковых дивизий при непосредственной поддержке нескольких танков 108-й танковой бригады преподнесли немцам свой подарок на пасхальное воскресенье и, атаковав с южного и юго-восточного направлений под прикрытием огня гаубичной артиллерии, смогли ворваться в Фомино 1-е и к вечеру полностью выбили противника из этого населенного пункта. Немецкая пехота в беспорядке отошла к позициям у « Фомино 2-го и высоты 269,8.

Вот как бои 5 апреля отражены в донесениях противника:

«19 ТД: Во второй половине дня противник при поддержке тяжелой артиллерии продолжил атаки на Фомино. Новая атака 4 танками на позиции восточнее н.п. Прасоловка была отбита массированным огнем всех видов оружия при поддержке штурмовиков. 2 танка повреждены. При поддержке 8 танков противник сумел ворваться в Фомино и оттеснить гарнизон на север. Принимаются контрмеры.

8-й авиакорпус: Соединения начальника авиации тактической поддержки «Юг» поддерживали наземные войска на правом крыле 40 ТК. Группы пикирующих бомбардировщиков атаковали исходные позиции и танки противника, уничтожив 5 и повредив 8 машин»¹.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 591. Т. 1. Л. 72–76.

6 апреля удары штурмовой авиации группы тактической поддержки «Юг» по районам сосредоточения советских танков повторились, немецкие летчики заявили об одном уничтоженном советском танке и нанесенных повреждениях еще двум.

В этот же день Франц Гальдер сделает неслучайную пометку на страницах своего знаменитого дневника о крупном сосредоточении русских танков против 19-й танковой дивизии.

Авианалеты противника продолжились и в следующие дни, периодически мешала вражеским летчикам только капризная весенняя погода, стычки с советскими истребителями происходили крайне редко, сил советской зенитной артиллерии для контроля неба также катастрофически не хватало. А пилоты Люфтваффе, умело извлекая выгоду из ситуации, пытались максимально ослабить неизбежное наступление ударной группы армии Болдина. Бомбовым ударам подвергались колонны подходящих советских частей. Вовсю шла «охота за локомотивами» — вражеская авиация атаковала эшелоны и пункты разгрузки почти на всем протяжении отрезка железной дороги Сухиничи — Дабужа, железнодорожное полотно во многих местах оказывалось разрушенным, движение поездов по нему на многие часы приостанавливалось. Так, к примеру, 9 апреля на подходе к станции Шлипово под бомбежку попал последний эшелон 146-й стрелковой дивизии, в котором к передовой двигались гаубичные батареи и штаб 280-го арtpолка. И хотя обошлось без крупных потерь, артиллеристы были вынуждены спешно разгружаться в открытом поле и с минимальным запасом горючего в баках артиллерийских тягачей пытаться добраться снежными дорогами до пункта сбора в Мещовске.

Не следует воспринимать данные немецкой стороны (особенно это касается вражеской авиации) о количестве уничтоженных советских танков как полностью достоверную информацию. Летчики штурмовой авиации Люфтваффе, участвовавшие в авиаударах по советской бронетехнике, очень часто «грешили» тем, что докладывали как об уничтоженных о танках, получивших незначительные по-

вреждения или вовсе сохранивших полную боеспособность. И это вполне понятно: в условиях бомбометания с пикирования, при заградительном огне с земли невозможно четко разобрать, какой ущерб нанесен взрывом бомбы танку и нанесен ли он вообще, притом при близких разрывах бомб существенный ущерб причинялся танку только при ударе бомбы о землю на дистанции 0,5—1 метра от машины. Но значительные потери советских танковых бригад от действий вражеской авиации остаются неоспоримым фактом. К тому же немецкие летчики в большей степени, чем их советские «коллеги», были свободны в изменении тактики своих действий и часто и успешно импровизировали, что, несомненно, повышало результативность их атак. Так, сам фельдмаршал Кессельвинг отмечал: *«Бои приобрели ожесточенный характер, и теперь от пилотов штурмовой авиации требовалось даже при самых плохих погодных условиях действовать против Т-34»*¹.

На примере двух описанных выше боев 5 апреля видно, какие положительные результаты может принести если не четкое согласование направлений ударов по времени и направлениям, то хотя бы примерное совпадение времени начала атак ударных групп пехоты при поддержке танков даже в условиях отсутствия координации действий групп между собой.

В нашем конкретном случае были атакованы фланги 19-й танковой дивизии вермахта, державшей оборону в секторе Прасоловка — Малиновский — Гореловский — безымянный хутор — Фомино 1-е, имевшем протяженность примерно 10,5 километра. И если на правом фланге дивизии в районе Прасоловки 73-му моторизованному полку удалось отбить нашу атаку, то левофланговый 74-й мотополк не смог парировать мощный удар и, понеся значительные потери, был вынужден оставить Фомино 1-е и отступить на рубеж Фомино 2-е — высота 269,8.

Одновременный удар танков в двух местах в сочетании со сковывающими атаками пехоты на отдельных участках, подавлением огневой системы немцев в Фомино 1-м при-

---

¹ Зефирова М.В. Штурмовая авиация Люфтваффе. М., 2003.

нес свои результаты: противник был связан боем сразу на нескольких направлениях и не сумел вовремя сманеврировать резервами (в том числе и танковыми) для усиления угрожаемого направления. В итоге части 290-й, 173-й стрелковых дивизий и 108-й танковой бригады смогли выбить противника и закрепиться в тактически важном опорном пункте Фомино 1-е.

Обращает на себя внимание и то, что за весь день 5 апреля по нашим частям, сражавшимся в районе Фомино 1-го, не последовало ударов штурмовой авиации противника, обладавшей практически полным господством в воздухе над районом боевых действий. Объясняется это просто: все имевшиеся в распоряжении противника силы авиации тактической поддержки были задействованы в ударе по советским танкам под Прасоловкой, и на организацию авиаудара в районе Фомино не хватало ни сил, ни времени.

Враг собирался принять контрмеры, и он принял их. Для упрочнения обороны и последующих контрударов необходимо сманеврировать силами, и 6 апреля противник провел перегруппировку сил в полосе 40-го танкового корпуса. Части 10-й моторизованной дивизии, которые 4 апреля были подчинены 12-му армейскому корпусу (один из двух батальонов 41-го моторизованного полка, 40-й мотоциклетный батальон и две легкие 105-мм батареи 10-го артполка) для усиления его группировки, добывающей остатки 33-й советской армии, и готовились к маршу на северо-восток, утром 6 апреля вновь были возвращены в 10-ю моторизованную дивизию 40-го танкового корпуса. На помощь 12-му армейскому корпусу был направлен только 40-й мотоциклетный батальон, состоявший из 1, 2 и 4-й рот и штаба батальона.

В первую линию из района д. Милятино вновь был введен переведенный по причине больших потерь на двухбатальонный состав и вновь сведенный воедино 41-й мотополк. Кроме того, немцы вновь начали превращать 10-ю моторизованную в мощное соединение, наконец, прекратив ее дробить. Для оперативности управления войсками

40-го танкового корпуса в подчинение командира 10-й моторизованной дивизии был временно переподчинен 74-й моторизованный полк, который уже был основательно потрепан в боях за Фомино 1-е. Также имеются сведения о том, что в течение апреля 10-й мотодивизии были переданы: один батальон из 306-го пехотного полка 211-й пехотной дивизии, действовавшей в полосе 24-го танкового корпуса юго-восточнее Кирова; 1-й и 2-й пехотные батальоны из 82-го пехотного полка 31-й пехотной дивизии соседнего 43-го армейского корпуса (13–14 апреля); а до 19 апреля из района севернее Кирова в полосу 10-й моторизованной дивизии был отправлен один пехотный батальон 331-й пехотной дивизии. Так что скатываться к утверждению того, что 10-я моторизованная дивизия одним полком оборонялась против нескольких советских стрелковых дивизий, неверно. Противник симметрично реагировал на концентрацию советских войск, в свою очередь, усиливая части на угрожаемых направлениях резервами, снятыми с других участков. Боеспособность соединения в результате этих вливаний вновь возрастала до приемлемого уровня.

10-я моторизованная дивизия в 19.15 заняла сектор от опушки леса северо-восточнее Прасоловки до левой разгранлинии корпуса западнее Фомино 2-го. В итоге полоса обороны 19-й танковой дивизии (в первой линии обороны дивизии теперь находились 73-й моторизованный полк, 19-й разведывательный батальон, прикрывавший стык с 10-й мотодивизией, и отдельные танки 27-го танкового полка, по башни зарытые в землю) значительно сократилась, как следствие, возросла плотность немецкого артиллерийского огня на участке дивизии. 27-й танковый полк, расположенный в ближнем тылу, теперь должен был проводить контратаки из глубины также совместно с частями 10-й моторизованной дивизии в ее секторе обороны. Надо учесть, что в составе 10-й моторизованной после зимних боев еще оставалось несколько боеготовых бронетранспортеров Sd.kfz 251 и Sd.kfz 250, передвигаясь на которых пехотинцы могли при необходимости «с колес» вступать в бой и, прикрываясь их броней, более плотно

сопровождать атакующие танки. Для контратак создавались опергруппы смешанного состава из подразделений двух смежных дивизий и приданных им отдельных рот и батальонов из других частей; в результате командование 40-го танкового корпуса получало в свое распоряжение ударную группировку, насыщенную бронетехникой и способную контратаками, при опоре на мощную артподдержку и удары с воздуха, успешно решать задачи тактического значения.

6 и 7 апреля 10-я моторизованная дивизия провела несколько малоуспешных частных контратак. Причем в этих боях противник нес ощутимые потери личного состава: так, только в бою 7 апреля потери 41-го полка убитыми составили 38 человек, из них — 2 офицера (командир 1-го батальона капитан Рейхард и один из командиров рот) и 36 унтер-офицеров и рядовых. С учетом раненых и потерь других подразделений дивизии получается, что из ее рядов только за одни сутки боя выбыло около 100 человек. Потери соседней 19-й танковой дивизии противника за период с 5 по 7 апреля составили 248 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Несколько восстановив положение в районе Фомино 1-го скорой переброской резервов, противник тем не менее не смог с ходу отбить населенный пункт, деревня продолжала удерживаться бойцами 173-й и 290-й советских дивизий, поддерживаемыми несколькими танками 108-й бригады. 108-я танковая бригада для цементированья обороны частично пребывала в соприкосновении с противником, что само по себе губительно для танковой части и не позволяет быстро использовать ее как маневренный резерв, однако выбора не было: в ближнем тылу к наступлению подготавливалась 11-я танковая бригада — наиболее мощная из всех танковых бригад армии, концентрировались и силы 146-й и 298-й стрелковых дивизий, и район Фомино 1-го был удобным плацдармом для предстоящего удара.

Две советские танковые бригады (11-я и 112-я), обозначив для противника свое появление несколькими неудачными танковыми атаками, в ожидании подхода свежих пехотных подразделений бездействовали в ближайшем

армейском тылу. Четыре стрелковых дивизий, предназначенных для решающего прорыва немецкой обороны, были еще в эшелонах на пути к фронту во многих сотнях километров от пункта назначения. Без их пехоты и артиллерийского огня создать крупный перевес в живой силе и высокие артиллерийские плотности, необходимые для взлома вражеской обороны у автострады, не представлялось возможным. Некомплектная ударная группировка 50-й армии, своими наступательными порывами четко указавшая врагу на направление своего наступления, топталась на месте, все больше упуская инициативу.

После 5 апреля танковые батальоны 11-й бригады сосредоточились в лесном массиве в районе поселка Приволье. Теперь эта танковая часть по замыслу командования армии должна была проводить подготовку к удару вдоль грунтовой дороги Сининка — Фомино вместе со 108-й танковой бригадой, пехотой 173-й и 290-й стрелковых дивизий, а также еще находящимися на пути к передовой полнокровными 146-й и 298-й стрелковыми дивизиями с целью перехвата и удержания участка Варшавского шоссе около Фомино 2-го.

Надо отдать должное командованию бригады, которое в короткие сроки стремилось максимально подготовить свою часть к предстоящим наступательным боям. Осуществлялся ремонт техники и ее подготовка к бою, активно велись разведка позиций противника и рекогносцировка местности комсоставом.

Так, днем 9 апреля штаб бригады и командиры 11-го и 236-го танковых батальонов проводили рекогносцировку у изгиба дороги, ведущей из Зимниц в Фомино 1-е, в 300 метрах восточнее отметки 236,2. Неожиданно в 14.30 группа офицеров попала под прицельный огонь немецкого автоматчика-«кукушки», стрелявшего с дерева. В результате командир бригады полковник Н.И. Лашенчук был ранен в грудь и бедро, командир 236-го танкового батальона капитан Яковлев получил ранение бедра. Раненых офицеров вынесли в рощу в километре восточнее, где им оказали срочную медицинскую помощь. Ранения полковника оказались смертельными, и в 15.30 командир бригады

умер, комбата Яковлева вскоре доставили в 193-й медико-санитарный батальон. Командование бригадой принял начальник штаба полковник Б.Г. Лиопа.

Район сосредоточения 11-й танковой бригады у поселка Приволье периодически подвергался артобстрелам гаубичной артиллерией противника и авиаударам групп пикирующих бомбардировщиков. Так, в ходе обстрела 11 апреля людские потери составили 2 человека убитыми, на следующий день, 12 апреля, от артогня погиб заместитель командира роты танков КВ лейтенант Иван Семенович Чванцев, а также было ранено 9 человек из состава бригады. Погибших в апреле танкистов хоронили в роще, в пятистах метрах севернее Приволья, к сожалению, сегодня на месте воинского кладбища простираются заросшие кустарником пахотные поля. Впрочем, такая участь постигла большинство советских воинских захоронений 1941–1943 годов: когда в стране зверствовал послевоенный голод, каждый клочок земли засевался, чтобы прокормить живых, о могилах мертвых не думал никто, о них и сейчас мало кто думает.

Пока в 11-й танковой бригаде проходила подготовка к наступлению, а головные подразделения 146-й и 298-й стрелковых дивизий сосредотачивались в тылу в районе Приволье — Зимницы, вокруг Фомино 1-го шел периодически стихавший бой с противником с участием пехоты 290-й и 173-й стрелковых дивизий, поддерживаемой танкистами 108-й танковой бригады. Стороны обменивались ударами, не имевшими значительного успеха. Из донесения 10-й моторизованной дивизии за 10 апреля:

«Участок вклинения локализован. Противник продолжил атаки силой 500–800 человек и подтянул из района Зимницы подкрепление (около 400 человек и 2 танка)»¹.

Ночью с 11 на 12 апреля у Фомино 1-го Болдиным была затеяна рокировка сил, состоявшая в смене 173-й стрелковой дивизии только подошедшим к передовой 608-м стрелковым полком 146-й дивизии. 173-я стрелковая дивизия при этом отводилась к д. Зимницы, чтобы после короткой

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 126462. Д. 591. Т. 1. Л. 142–148.

передышки одновременно с переходом в наступление свежих дивизий атаковать через перешеек между болотами и выбить противника из д. Зайцева Гора. Занятие обороны у Фомино 1-го свежей советской частью, офицерский состав которой еще не успел ознакомиться с местностью, сыграло немцам на руку — их утренняя атака была встречена лишь беспорядочным огнем отдельных узлов сопротивления.

12 апреля наши танковые бригады все еще стояли в ближнем тылу (11-я и часть сил 108-й в районе поселка Приволье, 112-я — у д. Марьино и Замошье) и приводили в порядок технику после предыдущих боев. Из двух свежих дивизий в соприкосновении с противником была только одним полком 146-я, 298-я стрелковая дивизия в полном составе стояла в ближнем тылу. В этот день противник нанес подготавливавшийся в течение всей предыдущей недели контрудар по Фомино 1-му. Атака началась в 11.00 и была проведена совместными силами 19-й танковой и 10-й моторизованной дивизий. Костяк атакующих вражеских сил составили танки 27-го танкового полка, вслед за которыми продвигались пехотинцы 10-й моторизованной дивизии.

Перед переходом в наступление по нашим позициям противником была проведена интенсивная артподготовка, завершившаяся бомбовым ударом пикирующих бомбардировщиков по Фомино 1-му. Малочисленные зенитные пулеметы на позициях 146-й и 290-й стрелковых дивизий были подавлены после первого же захода Ju-87 на цель. А со второго началась настоящая «мясорубка» в самом плохом понимании этого слова: многие необстрелянные бойцы стали в ужасе выбегать из укрытий, в надежде уйти из-под авиаудара, началась паника, в ходе которой большинство оказавшихся на открытом пространстве людей было просто разорвано в клочья взрывной волной и осколками авиабомб.

Когда же в дело вступила ударная группа противника, то немецкие танки и пехота, как нож в масло, вошли в дезорганизованные порядки 608-го стрелкового полка. В скоротечном неравном бою немцы подавили редкие очаги сопротивления. Находившиеся в деревне танки

108-й бригады ввязались в заранее проигрышную схватку с превосходящими по численности танками 27-го танкового полка противника, спасая наших пехотинцев от гибели под их гусеницами. Агония защитников населенного пункта длилась недолго: вскоре остатки наших частей были выбиты из Фомино 1-го.

Донесение 10-й моторизованной дивизии противника за 12 апреля сухо констатирует результаты дня ожесточенного боя:

«Наша атака восточнее дороги Зимницы — Фомино была остановлена усилившимся противником. На участке к востоку от вышеназванной дороги до восточной окраины н.п. Фомино оборудуется фронт обороны. Огонь артиллерии по вражеским батареям и подходящему пополнению корректируется с воздуха. Взято в плен 650 человек. Захвачено 40 пулеметов. Наши танки уничтожили 3 танка Т-34». (Хотя немцы в донесении не упоминают о своих потерях, осмелимся предположить, что бой с танкистами 108-й танковой бригады стоил ребятам из Панцерваффе пары-тройки безвозвратно потерянных машин и нескольких отправившихся в ремонт. — Прим. авт.)

«Только на участке непосредственно южнее Фомино убито до 1000 солдат противника»¹.

Немецкий контрудар в последний момент отодвинул еще на пару километров дальше от шоссе исходные позиции для очередного советского наступательного рывка и внес некоторый элемент беспорядка в подготавливавшееся наступление. Можно представить, как нелегко было бы врагу не допустить советского прорыва, если бы рубежом развертывания для сильнейшего штурма немецкой обороны стала д. Фомино 1-е, но контрударом противник вновь создал своеобразное «предполье» перед шоссе; двухэшелонная оборона была восстановлена. О том, что противник догадывался о скором ударе по его обороне в районе Фомино, говорят и строки в дневнике начальника немецкого Генерального штаба, написанные также 12 апреля:

---

¹ Там же. Л. 171–172.

«...Перед 40-м моторизованным корпусом, по-видимому, ведется подготовка к наступлению (две новые дивизии, скопления танков)...».

Собранные в спешке в единый кулак разношерстные подразделения 146-й стрелковой дивизии, поддержанные огнем соседей (в том числе отдельных танков 63-го и 257-го танковых батальонов 108-й танковой бригады и ее мотострелковым батальоном), смогли остановить немецкую атаку только на полпути к д. Зимницы. Противник вновь закрепился на южных и юго-восточных подходах к Фомино 1-му.

Может быть, противник немного преувеличил цифру наших потерь, но то, что они были огромными, — неоспоримый факт. Так, 608-й стрелковый полк потерял в этом бою 70% личного состава и был отведен с передовой в район д. Маслово. А от роты саперов 149-го отдельного саперного батальона, попавшей под атаку во время разминирования нейтральной полосы, в живых после боя осталось всего 12 человек.

Приведем небольшой отрывок из воспоминаний участника боев за Фомино 1-е начальника разведки 280-го артиллерийского полка 146-й стрелковой дивизии Игоря Михайловича Романова:

«<...> Еще правее Котомин, слегка высунувшись из соседнего окопчика, вел огонь из автомата. Сознание, медленно возвращавшееся ко мне, заставило взглянуть меня прямо вперед — в сторону нараставшего гула и треска. Там, ярко выделяясь черно-желтыми крестами, шли на наши позиции побеленные вражеские танки, за ними — пехота в масках-латах. Они были уже совсем близко. <...> Вот из соседнего окопчика, слева, выскочил и наискосок, наперерез танку побежал наш боец с высоко поднятой противотанковой гранатой. Вдруг он упал, но тут же приподнялся и, припадая на левую ногу, снова побежал. Я заметил, что вместо левого ботинка на снег опускалось что-то блестящее белое. «Это же кость! Как же это он?» — подумал я. Тут боец бросился с гранатой под гусеницы танка. Раздался взрыв. Машина стала. <...>

После боя мы пошли назад к нашим окопчикам. Недалеко стоял недавно подбитый танк. Из открытого верхнего

люка свесился убитый немец-танкист. Около танка несколько наших бойцов склонились над героем, подбившим этот танк. Мы подошли ближе — скуластое татарское лицо было забрызгано кровью. Боец был мертв. Один из окружавших тихо сказал:

— Я его знаю. Мы вместе в Высокой Горе призывались... Его Валеем зовут...

Бойцы бережно подняли тело убитого товарища и понесли к окопам. Горынин вынул финку и крупными печатными буквами на лобовой броне танка нацарапал «ТАНК ВАЛЕЯ...»¹.

Наша истребительная авиация 12 апреля вообще не осуществляла никакого прикрытия частей 50-й армии, и это подтверждают не только отчеты стрелковых частей, растерзанных вражескими бомбардировщиками, но и донесения немецких летчиков, которые контролировали пространство в небе над районом боевых действий. Так, штаб в этот день ВВС «Восток» докладывал:

«Соединения 1-й авиадивизии совершали боевые вылеты на поддержку наступления на Фомино<...> Истребители, вылетающие на свободную охоту перед фронтом 4-й армии, не имели столкновений с противником»².

Довольно подробно всю ситуацию, сложившуюся на земле и в воздухе над нашими частями, констатировал Жуков в переговорах с Болдиным 20 апреля. Также он предложил возможные пути скорейшего выхода из нее. Но, к сожалению, не все эти меры были осуществимы в реальности:

«<...> В отношении паники от авиации противника могу только предложить одно, пресекать эту панику в корне. Никакой массовой гибели от бомбометания на протяжении

Начальник разведки
280-го артиллерийского полк
146-й стрелковой дивизии
50-й армии лейтенант
(на фото — майор)
И.М. Романов

¹ Романов И.М. Это было (машинописная рукопись). Казань, 1971.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 591. Т. 1 Л. 176.

всей войны не было и нет сейчас. Все это выдумывается для оправдания невыполнения приказа, для оправдания потерь, которые получились при панике в Фомино 1-е, о чем нас информировал Быстров, и массовых потерь от плохой организации боя, массовых потерь, от той вакханалии и беспорядка, который существует и творится в армии. Ваша авиация сейчас бездействует, об этом Вы пишете в донесениях, но не отчитываетесь в невыполнении приказа, о подготовке аэродрома. А ведь был приказ, обязывающий Военный совет подготовить армейский аэродром, но Вы этого приказа не выполнили, Ваша авиация не летает сейчас. Могу только предложить Вам выполнить приказ о быстрейшем введении в строй аэродрома. Истребительной авиации фронтовой я больше 20–25 самолето-вылетов Вам дать не могу, и то они над полем боя, как показал опыт, могут быть не более 20–25 минут. Значит, прежде всего, я обязываю Вас организовать настоящую зенитную оборону, средствами самих войск, твердой рукой бороться с паникерами и распространителями панических слухов, по существу, агитирующих за немецкую авиацию, и навести в этой части полный порядок, чтобы войска стойко встречали авиацию и не разбегались бы, как об этом свидетельствует в донесении Быстров и о чем «Вы, к сожалению, до сих пор не донесли. В том, что случилось у вас в Фомино 1-е, Вы обязаны были без утайки правдиво донести»¹.

Удары немецкой авиации стали для наших частей настоящим проклятием в ходе последнего сражения у Варшавского шоссе. Пусть Жуков и делает акцент на пресечении паники и «стойкой встрече авиации», но это ни в коей мере не могло заменить с массированного прикрытия войск истребительной авиацией армейского и фронтового подчинения и организацией слаженно действующей зенитной обороны.

Говоря о частях советских Военно-воздушных сил, которые могли оказывать поддержку с воздуха 50-й армии, нельзя не отметить, что их перечень довольно широк. В первую очередь в самой 50-й армии имелась авиация

---

¹ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 208–212.

армейского подчинения. Это были: 20-й истребительный авиаполк (в основном самолеты Як-1), 701-й легкий бомбардировочный авиаполк (устаревшие бипланы По-2), 54-й бомбардировочный авиаполк (в марте выбыл из состава армии на укомплектование); также есть информация о том, что начиная с 19 марта в состав ВВС 50-й армии некоторое время входил 745-й истребительный авиаполк (истребители ЛаГГ-3). В подчинении командования Западного фронта к 1 апреля находились: 1-й бомбардировочный авиаполк, 3-й разведывательный авиаполк, 122-й и 179-й истребительные авиаполки, 505-й штурмовой авиаполк и 713-й легкий бомбардировочный авиаполк. При этом силы фронтовой авиации были распылены по разным направлениям на всей протяженности линии фронта: в апреле почти все армии фронта вели напряженные позиционные бои, требовавшие прикрытия и поддержки с воздуха, значительная часть сил авиации в составе авиационной группы № 4 была отвлечена на поддержку опергруппы Белова.

28 марта истребители 745-го истребительного авиаполка четыре раза вылетали на штурмовку вражеских позиций в поселке Малиновский. По отчетам летчиков, в опорном пункте противника было создано четыре очага пожаров. К сожалению, слаженных действий с наземными войсками не получилось: пехота стрелковых дивизий вела вялый огневой бой с противником, а танки 112-й ТБР в этот день вовсе атак не предпринимали.

В ночь на 1 апреля эскадрилья По-2 из состава 701-го легкого бомбардировочного авиаполка «обрабатывала» ближайшие немецкие тылы: бомбы были сброшены на поселки Даниловский и Жаровский в ближнем немецком тылу. Надо сказать, что бомбовая нагрузка на По-2 была невысокой, ночные налеты наших «швейных машинок» производили на противника в большей степени психологический эффект и слабо влияли на ход боя на земле.

Помогала 50-й армии и авиация соседей. Так, в период с 29 марта по 4 апреля ночные удары по противнику в районе Фомино 2-го наносили легкие штурмовики Р-5 из состава 615-го штурмового авиаполка, приданного 43-й армии.

По донесениям советских летчиков, 6 апреля старший лейтенант Кувшинов из состава 745-го истребительного авиаполка в воздушном бою на своем ЛаГГ-3 сбил немецкий Вф-109, который упал в 19 километрах юго-западнее Мосальска. Подтверждают информацию о воздушных боях над Варшавским шоссе и немецкие источники. Так, штаб 8-го авиакорпуса Люфтваффе докладывал о том, что 6 апреля немецкие истребители контролировали воздушное пространство над городами Ржев и Юхнов и сбили в этот день в воздушных боях 11 советских самолетов.

Но все вышеперечисленные «отчаянные вылазки» советских летчиков не идут ни в какое сравнение с практически полным контролем воздушного пространства вражескими истребителями и ежедневными массированными ударами немецких Ju-87 по советским передовым частям, что оказывало противнику неоценимую поддержку на поле боя. Господство в воздухе немецкой авиации оставалось неоспоримым фактом на протяжении всего периода весенних боев. С середины апреля ситуация с авиацией

Советские летчики уточняют задачу перед боевым вылетом.
Зима—весна 1942 г.

над зоной боев стала еще хуже (как и положение в армии с дорогами): снежные аэродромы и площадки подскока в тылу 50-й армии с приходом потепления раскисли и не могли больше использоваться авиаторами, а аэродром с укрепленной взлетно-посадочной полосой командование армии подготовить не успело. Вот и вынуждены были «сталинские соколы» из 122-го и 179-го фронтовых истребительных авиаполков, взлетая с удаленных аэродромов, делать за 20 минут несколько кругов над нашими частями и на остатках топлива улетать обратно.

Сконцентрировав внимание на районах Прасоловка — Гореловский и Фомино 1-е — Фомино 2-е, где были частыми советские танковые атаки, мы не можем обойти стороной кровопролитные пехотные бои, проходившие в обширном лесном массиве от поселка Гореловский до южных скатов высоты 269,8. Этот участок фронта протяженностью 5 километров был сполна полит человеческой кровью, и не рассказать о боях, проходивших здесь, просто несправедливо. Данный сектор немецкой обороны оказался между секторами действия наших танковых бригад, танковой поддержки пехота тут не получила. Немецкие танкисты также не предпринимали здесь активных наступательных действий.

Наращение напряжения здесь шло по классическому сценарию: чем дальше продвигались вперед наши пехотинцы и чем больше стрелковых частей оказывалось задействовано в наступлении, тем большие силы стягивали сюда немцы и, следовательно, возрастало их сопротивление.

Первый удар по немецкой обороне здесь нанесли стрелковые полки 336-й стрелковой дивизии. В ночь на 26 марта 1130-й полк атаковал безымянную высоту на дороге Сининка — Фомино 1-е в километре севернее Сининки, стремительной атакой немцы были выбиты из траншей и, потеряв около 25 человек убитыми, отошли в рощу северо-западнее Сининки. 1128-й стрелковый полк, введенный в бой на рассвете, выбил вражеских пехотинцев и с этих позиций. По нашим данным, противник оставил здесь в траншеях до 80 тел убитых и отошел в рощу с отметкой

235,7. Вскоре бойцы обоих стрелковых полков на плечах отходящего противника ворвались в рощу и захватили высоту 235,7, остатки немецкой пехоты отошли в лес южнее избышки лесника.

«Избушка лесника» — так чаще всего наши офицеры называют в донесениях группу кирпичных домиков, окруженных огородами, затерянных в лесной глуши в полутора километрах к северо-востоку от поселка Гореловский, иногда фигурирует название «лесной городок». Но какое бы ни было название у хутора, он стал удобным узлом обороны для немцев. Расположенную на дороге группу кирпичных зданий противнику было не слишком сложно подготовить к обороне: была отрыта густая сеть траншей по периметру, оборудованы блиндажи, организована система огня, кирпичные постройки при этом использовались как доты. Южнее избышки лесника, по донесениям наших разведчиков, для «армирования» обороны немцы в качестве неподвижной огневой точки установили в капонире одиночный танк. Приведем несколько интересных, на наш взгляд, донесений разведчиков 336-й стрелковой дивизии, касающихся данного района.

Донесение неизвестного разведчика старшему лейтенанту Поликарпову:

«Доношу, что достиг исходного положения, веду наблюдение за противником с опушки леса см. схему. Противник устраивает завал. В районе лесного городка обнаружено 4 станковых пулемета, 6 блиндажей и до взвода пехоты».

Донесение от Сластина 3.04.42:

«Нахожусь в правой стороне опушки, что севернее выс. 235,7, роща занята противником, передвижение дальше невозможно, по краю проходит немецкая оборона. 1128 СП, который прошел в указанный вами район, находится на краю опушки, что севернее высоты 235,7. Несет большие потери. Оборону занимает в ложине севернее высоты 235,7, к хутору подойти нельзя».

Донесение 12.04.42:

«Юго-западная опушка леса подбитый танк противника, из которого противник ведет огонь».

Донесение 15.04.42:

«В полукилометре юго-западнее дома лесника зарыт танк противника и установлен миномет, который в лоб обстреливает пехоту»¹.

Без танковой поддержки пехота своими силами не могла уничтожить зарытый по башню танк. Подтащить по открытому пространству противотанковое орудие на дистанцию эффективного огня тоже было невозможно.

Ожесточенные бои вокруг хутора продолжались до конца наступления, отдельные траншеи много раз переходили из рук в руки, обе стороны несли огромные потери. В итоге советские стрелковые подразделения так и не смогли выбить противника с его позиций, «лесной городок» вошел в систему немецкой обороны, простоявшую вплоть до марта 1943 года.

К утру 13 апреля, наконец, закончилось сосредоточение на исходных позициях в двух километрах южнее и юго-восточнее Фомино 1-го 146-й стрелковой дивизии (вместе с несколькими танками 108-й ТБР находилась в непосредственном соприкосновении с противником) и еще не принимавшей участия в боях 298-й СД (к 3.30 бойцы стрелковых полков дивизии сосредоточились на исходных позициях в лесу юго-восточнее Фомино 1-го). Новый рывок в наступлении 50-й армии навстречу 4-му воздушно-десантному корпусу и частям группы Белова начался. 173-я стрелковая дивизия неожиданным ударом атаковала немецкие позиции в районе д. Зайцева Гора, Строевка и высоты 245,5, почти одновременно в атаку перешли подразделения 146-й стрелковой дивизии. Основной груз поддержки пехоты в ходе наступления лег на танкистов 11-й танковой бригады — самой боеспособной танковой бригады, находившейся в распоряжении командования 50-й армии. На левом фланге 112-я танковая бригада, понесшая уже серьезные потери в танках и в личном составе в мартовских боях за поселок Гореловский, в это время занимала позиционную оборону, и вплоть до

---

¹ Там же. Ф. 1637. Оп. 1. Д. 46. Л. 30.

16 апреля ее танковые батальоны активных наступательных действий не вели, ограничиваясь только огнем с места. 108-я танковая бригада, действовавшая на правом фланге 11-й бригады, была сильно потрепана в предыдущих боях за Фомино 1-е и также не могла обеспечить должной поддержки наступающим стрелковым частям.

В 5.30 началась интенсивная артподготовка, проводимая силами арtpолков 146-й и 298-й стрелковых дивизий. К этому времени танки 11-й танковой бригады вышли из района поселка Приволье на исходные позиции, проводя последние приготовления перед предстоящей атакой. К 6.00 части бригады, продвинувшись колонной из района п. Приволье на северо-запад, достигли рубежа развертывания южнее Фомино 1-го и выстроились в следующий боевой порядок: слева атаковал 236-й, справа — 11-й танковый батальоны, за порядками танков в пешем строю наступали бойцы 11-го мотострелкового батальона бригады.

Вид с восточных скатов высоты 269.8 на Фомино 1-е и прилегающий лесной массив. Идеальный обзор на многие километры в глубину советских позиций значительно помогал немецким частям в корректировке артогня при отражении советских атак.

Наступление танкистов поддерживали пехотинцы 298-й и 146-й стрелковых дивизий, продвигаясь как можно плотнее за танками. Левее, в общем направлении на Екатеринбург, перешли в наступление 290-я и 336-я стрелковые дивизии. В наступлении юго-западнее Фомино 1-го также приняла участие только прибывшая на фронт и полностью укомплектованная личным составом 58-я стрелковая дивизия, на 10 апреля в ее рядах числилось в общей сложности 11 215 человек¹.

Нашим частям артиллерийским огнем не удалось расстроить огневую и противотанковую систему немцев в Фомино 1-м и южнее деревни. В результате боевые порядки пехоты и танков еще во время движения через лес на подходе к Фомино 1-му попали под огонь вражеской противотанковой артиллерии. Один Т-34 получил прямое попадание противотанкового снаряда и сгорел на поле боя (обгоревшие детали этого танка и останки одного из членов экипажа были обнаружены военно-мемориальной группой «Поиск» осенью 2002 года). Еще несколько танков, в том числе и один КВ, подорвались на минах и получили серьезные повреждения ходовой части.

Но основная часть танков бригады, увлекая за собой пехоту 298-й и 146-й стрелковых дивизий, смогла прорваться через лес к дороге Зимницы — Фомино 1-е и, продвинувшись вдоль дороги и при поддержке пехоты, ворвалась в разрушенную деревню. Здесь, по донесениям танкистов, они были встречены огнем противотанковой артиллерии и 5 танков противника. В ходе ожесточенного боя наши танкисты уничтожили две противотанковые пушки и 3 танка немцев. К полудню части 146-й и 298-й стрелковых дивизий смогли сломить сопротивление противника на окраинах его опорного пункта и ворвались в деревню. Ситуация складывалась явно не в пользу немцев, и к 14.00 41-й моторизованный полк, части из 74-го моторизованного полка и 19-го противотанкового дивизиона противника, оборонявших деревню, начали спешно отходить на север, бросая тяжелое вооружение. Фомино 1-е было полностью занято

---

¹ Там же. Ф.1177. Д. 1. Оп. 1.

Воинское кладбище на высоте 269,8, наши дни. Созданное по инициативе поисковиков 9 мая 1993 года, кладбище на сегодняшний день стало местом последнего пристанища более чем двух с половиной тысяч павших воинов. 9 мая 2009 г.

советскими подразделениями. Западнее деревни подразделения 298, 290 и 336-й стрелковых дивизий, развивая успех, достигнутый на их правом фланге, также продвигались вперед в северном и северо-западном направлениях, постепенно вытесняя немецкую пехоту из лесного массива.

Советские части быстро провели перегруппировку сил и продолжили наступление в направлении высоты 269,8 и Фомино 2-го. К 16.00 11-й танковый батальон овладел восточными скатами высоты 269,8, далее танки батальона продвинуться не могли, так как противник вел массированный огонь силами противотанковой артиллерии и танков из Фомино 2-го, высоты 235,5 и с гребня высоты 269,8, все еще остававшегося его в руках. В таких условиях выход танка из складки местности на прямую наводку к Фомино 2-му сулил в течение нескольких секунд прямое попадание 50-мм бронебойного снаряда в танк и был равносителен шагу с этого света на тот. Вслед за танками к высоте прорвались

и пехотинцы 298-й дивизии, которые быстро окопались на ее скатах, непрерывно ведя огневой бой с противником.

Иначе складывались дела у 236-го танкового батальона 11-й танковой бригады. Батальон получил задачу наступать в обход гребня высоты по ее западным скатам и, прорвав наспех созданную оборону противника в этом районе и не ввязываясь в бой за сильно укрепленное Фомино 2-е, овладеть д. Тычек, которая расположена непосредственно на шоссе в полукилометре западнее Фомино 2-го.

236-й батальон начал очередную атаку в 16.00. Еще на исходных позициях немцам удалось своим огнем остановить продвижение нашей пехоты, отсекая ее от атакующих танков. Танки прорвались по западным скатам на несколько сот метров и с боем вышли на северо-западные скаты высоты 269,8. В этот момент немцы с целью восстановить положение и ликвидировать угрозу прорыва наших танков на север к шоссе предприняли контратаку, нанеся по танкам 236-го танкового батальона удар из района д. Тычек

Башня Т-60, подбитого 13.04.1942 на северо-западных скатах высоты 269,8. Отчетливо видна пробоина в маске орудия, правый борт башни (на фото не видно) оторван прямым попаданием бронебойного снаряда.

Историко-краеведческий музей, г. Киров, 2009 г.

через лес, прилегающий к высоте. Со стороны противника в нем участвовало до 16 легких и средних танков 27-го танкового полка 19-й танковой дивизии. Завязался скоротечный танковый бой на малой дистанции, в итоге 236-й батальон отошел обратно на юго-западные скаты высоты 269,8, при этом в ходе боя, по докладам наших танкистов, было уничтожено 5 немецких танков. После отхода пехоты и танков на юго-западные скаты танки поочередно возвращались на исходные позиции в тыл для дозаправки и пополнения практически полностью израсходованного в ходе боя боекомплекта.

В 19.00 236-й танковый батальон вместе с одним батальоном пехоты из состава 298-й стрелковой дивизии и 11-м мотострелковым батальоном предпринял новую атаку в направлении д. Тычек. Бой на западных скатах высоты завершился успешно: танкисты совместно с пехотой смогли прорвать оборону противника, и к 22.00 советские танки вышли на шоссе и ворвались в деревню. Пехота под огнем противника с трех направлений не смогла пересечь шоссе и залегла в 300 метрах южнее. В итоге несколько прорвавшихся танков 236-го батальона оказались один на один с противником не только без минимальной артподдержки, но и без прикрытия со стороны своей пехоты. Противник быстро воспользовался как тем, что наши танки оказались отрезанными от пехоты, так и тем, что поселок Тычек расположен на шоссе, по которому к нему можно быстро подбрасывать резервы сразу с двух направлений. Немцы стянули к району нашего прорыва резервы, в которые вошли две танковые роты 1-го батальона 27-го танкового полка, быстро создали ударные группы и стали предпринимать попытки выбить наши танки из деревни атаками одновременно с нескольких направлений. Экипажи наших танков осторожно маневрировали и, стараясь организовать оборону населенного пункта, располагали свои машины вплотную к домам и надворным постройкам, в условиях наступившей темноты делая их труднозаметными целями для немецких танкистов и расчетов противотанковой артиллерии.

Наступил пик боя, и ситуация приобрела крайне напряженный для обеих сторон характер: для немцев прорыв наших танков в населенный пункт на шоссе означал остановку всякого движения по нему и грозил прекращением снабжения частей, занимающих оборону в Фомино 2-м и далее вдоль дороги, а также мог означать потерю локтевой связи и координации между 40-м танковым и 43-м армейским корпусами, что могло привести к дезорганизации и окончательному прорыву нашими частями немецкой оборонительной линии вдоль автомагистрали. Прорвавшийся же к шоссе 236-й танковый батальон 11-й танковой бригады вместе с небольшими группами пехоты 298-й стрелковой дивизии оказался практически отрезанным от остальных наших частей 50-й армии и вел бой в полуокружении. В оперативном донесении 40-го танкового корпуса, составленном за 13 апреля, прорыв советских танков в д. Тычек отражен в изрядно сглаженной форме:

«19 ТД: Противник усиливается перед нашими позициями. Отражены атаки по выступу леса северо-восточнее н.п. Прасоловка.

10 МД: Противник вплотную придвинулся к нашим позициям. 5 вражеских танков к югу от населенного пункта, расположенного на шоссе непосредственно севернее Фомино. Западнее Фомино части противника ворвались в лес. Ведется контратака при поддержке 4 танков с целью выбить противника из захваченного им населенного пункта, расположенного на шоссе в 3,5 км северо-восточнее Фомино. Следует ожидать, что противник усилится и продолжит атаки. Беспокоящий артиллерийский огонь по всему северному участку обороны корпуса»¹.

Кажущийся спокойным характер донесения обманчив: положение 40-го танкового и 43-го армейского корпусов противника 13 апреля было близким к трагедии.

В трех километрах к северо-востоку от Тычек по шоссе в полосе 43-го армейского корпуса в обороне немцев намечалась еще одна брешь, которую надо было закрывать. Здесь к дороге через Шатино болото прорвалась 173-я стрелковая

---

¹ Там же. Ф. 500. Оп.12462. Д. 591. Л. 185–186.

дивизия. Советская пехота без какой-либо танковой поддержки при слабом прикрытии своей артиллерии взяла высоту 245,5 и ворвалась в седлавшую шоссе д. Зайцева Гора. Силы противника у Фомино 2-го оказались охваченными с двух сторон. Прорыв танков дал возможность пехоте 298-й стрелковой дивизии захватить сначала скаты, а затем в ходе многочасового штурма овладеть гребнем высоты 269,8, вытеснив немцев на ее северо-восточные скаты.

Части опергруппы Белова в этот день продолжали выполнять задачу по соединению с частями 50-й армии и заняли районы Денисково, Угра, Вознесенье, Сенютино, станцию Вертерхово и д. Вербиллово. Части 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и подразделения 4-го воздушно-десантного корпуса продолжали наступление в общем направлении на Аскерово и Милятино, которое, кстати, находится в 4 километрах по прямой от Фомино 2-го.

Но немецкие штабные офицеры в 43-м, 40-м корпусах и в штабе 4-й армии четко осознавали характер нависшей над их частями опасности и спешили принять меры по восстановлению положения. Спешно подготавливался ряд контрударов, роль костяка «пожарной команды» в которых должны были сыграть танки 19-й танковой дивизии.

Однако вернемся к прорвавшимся в д. Тычек танкистам 11-й танковой бригады. К 24.00 танками, ведущими бой в полуокружении, был практически полностью расстрелян боезапас, и по приказу командира батальона несколько машин вернулись на исходные позиции, где они смогли частично пополнить боекомплект и взять пехотный десант. Вскоре танки под покровом ночи вернулись в деревню с пехотой на броне. Бой как перестрелка продолжался непрерывно, но с наступлением рассвета немцы неизбежно предприняли бы мощное наступление на деревню, сдержать которое силами в несколько танков и около роты пехоты было бы невозможно — защитники поселка неизбежно были бы полностью окружены и уничтожены. Поэтому последовал приказ командира танкового батальона, согласно которому к 2.00 танкисты, расстреляв остатки боекомплекта и посадив пехотинцев обратно на броню, вернулись на исходные позиции на западных скатах высоты 269,8.

Так закончился успешный и многообещающий прорыв танкистов к шоссе западнее Фомино 2-го. О накале боев 13 апреля можно судить по потерям за этот день 11-й танковой бригады. Меньше чем за сутки боя из строя вышли 12 танков, из них: подбиты 5 КВ и 3 Т-34, 1 КВ подорвался на mine (вероятнее всего, в лесу юго-восточнее Фомино 1-го), 3 Т-34 сгорели на поле боя. Потери среди личного состава бригады также были значительными, среди погибших был и командир роты танков Т-34 старший лейтенант Станислав Евстафьевич Длусский.

Интересно, что в архивных отчетах командования бригад о ходе боя и потерях почти никогда не упоминаются легкие танки Т-60, которых в бригадах было достаточное количество. Мы можем объяснить это лишь тем, что эти машины из-за своей слабой бронезащищенности (лобовая броня не более 30 мм) и слабого вооружения (20-мм автоматическая пушка ТНШ-20 и 7,62-мм пулемет ДТ) имели низкую боевую ценность и чаще всего не использовались в штурме позиций противника, так как попадание любого бронебойного снаряда в танк становилось для него фатальным. Скорее всего, Т-60 применялись в большей степени во втором эшелоне для прикрытия тыла и флангов наступающих, а также небольшими группами передавались стрелковым дивизиям для усиления их обороны. Также мы предполагаем, что значительное число Т-60 из-за затруднений с дорогами использовалось как подвозчики боеприпасов для Т-34 и КВ.

Особо отличился в боях 13 апреля командир танковой роты 236-го танкового батальона старший лейтенант Дмитрий Антонович Карабан: в районе д. Тычек он подбил 2 немецких танка и уничтожил тяжелое орудие, поставленное артиллеристами противника для стрельбы по танкам на прямую наводку. Механик-водитель Т-34 старший сержант Алексей Степанович Рогов протаранил 2 танка (скорее всего, легкие Pz-38(t), один из которых сгорел, противотанковое орудие, раздавил гусеницами и рассеял до взвода пехоты вражеской пехоты).

Тем временем задачу на наступление для частей 50-й армии никто не отменял. После выхода наших танков из

боя стрелковые дивизии всю ночь вели перестрелку с противником по всему фронту 50-й армии — от Чичково на правом фланге до Прасоловки и Яковлевки на левом. С наступлением рассвета после передышки длиной в полночи танкисты вновь вступили в бой.

Трудно представить себе состояние человека, который весь вчерашний день провел в стальной коробке, ведя непрерывный бой с противником, сперва наступая на его укрепленные позиции, а потом и отчаянно обороняясь в полуокружении и не имея ни секунды на отдых, а теперь вновь должен был вступать в схватку. Так будет продолжаться еще больше чем неделю, и наши танкисты будут идти в бой, замерзшие и голодные, истекая кровью, заживо сгорая в боевых машинах, они будут до последнего защищать свою землю и до конца исполнять свой воинский долг.

Итак, утром 14 апреля бой разгорелся вновь. В 7.00 оба танковых батальона 11-й бригады совместно с 886-м стрелковым полком 298-й дивизии предприняли новую атаку на высоту 269,8 с рубежа у лощины севернее Фомино 1-го. Артподготовка была слабой, да и ни о каком эффекте внезапности после вчерашней атаки говорить было нельзя: противник знал о концентрации наших танков, он ждал их здесь и за ночь успел организовать систему мощного противотанкового и противопехотного огня. Как только наши танки подошли на дистанцию эффективного огня, события начали развиваться по уже ставшему классическим сценарию: немцы открыли мощный огонь из всех имевшихся видов оружия, наша пехота под воздействием этого огня залегла на открытой местности и прекратила движение за танками, по «тридцатьчетверкам» и КВ застучали бронебойные снаряды, и танки, как и пехота, застопорились и, ведя огонь с места, вступили в неравное противоборство с противотанковыми пушками немцев, которые били с северных скатов высоты 269,8 и непосредственно из Фомино 2-го, постепенно наши танки получали повреждения и утрачивали боеспособность. После часа боя атака окончательно захлебнулась: пехота стала откатываться назад, танки, прикрывая своим огнем отход пехоты, также медленно двинулись назад к Фомино 1-му.

В ходе боя один Т-34 11-й танковой бригады сгорел на юго-западных скатах высоты 269,8, 8 человек было убито, 15 ранено, и пятеро пропали без вести. По донесениям экипажей, в этом бою ими было уничтожено: 3 ПТО, 7 ДЗОТов, 2 танка и 2 автомашины, также было уничтожено до 90 человек пехоты противника.

Немцы также не теряли времени даром. И во второй половине дня на наши передовые части в Зайцевой Горе и на высоте 269,8 обрушился ряд мощных контрударов противника, ядром которых были Pz 38(t) и Pz IV 19-й танковой дивизии, причем действовали они в который раз в отрыве от основных сил своей дивизии, в основном при поддержке мотопехоты 10-й моторизованной дивизии, пехоты 31-й и 260-й пехотных дивизий соседнего 43-го армейского корпуса и других мелких частей корпусного и армейского подчинения.

В переговорах Жукова с Болдиным 15 апреля последний довольно подробно описал ход и последовательность контрударов противника 14 апреля:

«...Болдин. Тов. Главком, дополнительно к моему боевому донесению докладываю:

1. В 13.00 14.04.42 г. противник (пехота с танками) перешел в наступление на выс. 269,8 с трех направлений:

- 1) из Фомино 2-е*
- 2) из Тычек*
- 3) от Екатериновка*

Одновременно открыл по частям, занимающим выс. 269,8, сильный артиллерийский, минометный огонь. Наша пехота под воздействием танков и артиллерийско-минометного огня была потеснена на юго-западные скаты этой высоты, где весь день сдерживала наступление противника, не дав прорваться противнику на Фомино 1-е.

2. В 16.00 14.04.42 противник (пехота с танками) перешел в контратаку на Зайцева Гора, контратака велась с трех направлений:

- 1) из района Калугово*
- 2) из района Нов. Аскерово и Стар. Аскерово*

3) Из Фомино 2-е танки противника контратаковали Зайцеву Гору. По докладу командира дивизии, который находился непосредственно Зайцева Гора, пехоты противника наступало до двух полков. Во время контратаки танков, было два налета пикирующих бомбардировщиков на Зайцева Гора, группами по 3—5 самолетов, которые сделали по несколько заходов на Зайцева Гора.

Части 173-й СД под сильным воздействием артиллерийско-минометного огня, бомбардировки авиации, от двух направлений на выс. 245,5 отошли на ее южные скаты. В данное время в районе Зайцева Гора идет бой. Командир дивизии имеет задачу ночным боем снова овладеть Зайцева Гора и восстановить положение.

3. 290 СД ведет бой в лес юго-зап. отм. 223,3.

4. 336 СД оставив заслон у безымянного хутора, что 1,5 км юго-зап. Фомино 1-е, воспользовалась продвижением 290 СД наступает на выс. 229,8.

5. 116 и 385 СД за 14.04.42 г. продвижений не имели, были остановлены артиллерийско-минометно-пулеметным огнем на южн. опушке леса, что сев. Гореловский, Малиновский, а 385 СД южн. окраина Малиновский и вост. окраина Прасоловка.

6. 146 и 298 СД, 11 и 108 тбр приводят себя в порядок и готовятся к удару на Фомино 2-е и Тычек.

7. 58 СД без одного СП сосредоточилась в лесах юго-зап. Зимницы, имея задачей развивать успех 298 и 290 СД ударом на Екатериновка, Александровка.

8. Противник в течение всего дня 14.4 подбрасывал резервы за счет 331 ПД. С юго-запада за счет 10 мотодивизии и 260 ПД с сев-вост. Подтверждение — имеются пленные...»¹.

Из доклада Болдина видно, что немцами был проведен четко спланированный контрудар, осуществлявшийся при мощной поддержке артиллерии и реактивных минометов, также бомбовый удар по нашим частям наносили пикирующие бомбардировщики Ju-87. В то же время никаких упоминаний о действиях советской штурмовой и истребительной авиации на участке 50-й армии в этот день найти

---

¹ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 162—167.

не удастся, то есть враг обладал полным господством в воздухе и распоряжался им по своему усмотрению.

Наши стрелковые части только накануне отбили у противника опорные пункты Зайцева Гора и высоту 269,8 и за сутки просто физически не смогли построить оборону, способную сдерживать столь мощные танковые атаки немцев. К тому же не стоит забывать о тяжелом положении с дорогами, сложившемся в тылу стрелковых дивизий армии и из-за которого было слабое снабжение боеприпасами и продовольствием. За спинами бойцов 173-й стрелковой дивизии вообще простиралось обширное Шатино болото, снаряды и мины подносились или поштучно в руках бойцов, или небольшими количествами в лошадиных вьюках и на телегах.

Рассматривая обстоятельства боя за высоту 269,8, стоит опять обратиться к переговорам командующего 50-й армией с Главкомом Западного стратегического направления от 15 апреля:

«Жуков. Сколько противника наступало на выс. 269,8 и сколько обороняло ее? Где были Ваши танки в это время, что делали артиллерия и минометы?»

Болдин. На выс. 269,8 вел бой находившийся полк 298 СД. Противник, по докладу т. Захарова, из Фомино 2-е на выс. 269,8 наступал силой до 2 батальонов пехоты и 7—8 танков. Наши танки в это время находились на сев. окраине Фомино 1-е. Наша артиллерия и минометы вели огонь мало, ввиду ограниченного количества боеприпасов.

Жуков. Где же была 298 и 290 СД, когда Ваш полк сталкивали с высоты, или так же, как и танковая бригада, стояли, поджавши руки, и безучастно наблюдали? Непонятная тактика и больше чем странная. Отвечайте.

Болдин. 290 СД в это время вела бой в лесу юго-зап. от-метки 223,3; 298 СД — один полк вел бой на юго-востоке выс. 269,8 и второй полк вел бой на юго-западных скатах высоты 269,8 и третий полк выдвигался во втором эшелоне в направлении выс. 269,8. По докладу командира 298 СД полк, который занимал эту высоту, решением командира полка под сильным воздействием артиллерийско-минометного огня на юго-западные скаты выс. 269,8.

Жуков. А Вы? Вы где были?

Болдин. *Я потребовал, когда узнал об этом, от командира дивизии и от тов. Захарова решительными действиями 298, 146 СД, 108 и 11 тбр. восстановить положение и продолжать выполнять задачу».*

Из тона переговоров явно чувствуется ужасная напряженность обстановки в высоких командных кругах. И это вполне понятно: Ставка ВГК и командование фронта ожидали от 50-й армии, которая была усилена пятью полнокровными стрелковыми дивизиями из резерва и в полосе которой были сосредоточены три боеспособные танковые бригады, решительных действий и взлома обороны противника вдоль шоссе с дальнейшим соединением с 4-м воздушно-десантным корпусом и частями опергруппы Белова. А армия завязла в кровопролитных позиционных боях, постепенно теряя людей и технику и стремительно утрачивая способность к наступлению.

Таким образом, «маятник удачи» в оперативной обстановке у шоссе 14 апреля качнулся в сторону немцев: ценой приложения огромных усилий 10-й моторизованной дивизии при помощи танков 19-й танковой дивизии удалось сбить стрелковый полк 298-й стрелковой дивизии с гребня высоты 269,8. А тремя часами позже 31-я пехотная дивизия опять-таки в тесном взаимодействии с легкими и средними танками 27-го танкового полка 19-й танковой дивизии смогла отбросить не поддержанную танками 173-ю стрелковую дивизию от шоссе у Зайцевой горы к Строевке и окраине болота.

Довольно интересно в этом контексте звучит донесение за 14 апреля 31-й пехотной дивизии 43-го армейского корпуса:

«Населенный пункт на шоссе 3,5 км северо-восточнее Фомино прочно в наших руках. Противник отступил до северо-западной окраины болота юго-восточнее н.п. Калуговская. Проезд по шоссе почти невозможен»¹.

Даже отброшенные от шоссе части 173-й стрелковой дивизии накрывали дорогу у Зайцевой горы артиллерийско-минометным огнем и мешали врагу спокойно перебрасы-

---

¹ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 591. Л. 200–204.

вать силы по шоссе, заставляя его транспортные колонны на этом участке передвигаться со скоростью улитки вдоль северной окраины деревни.

На этот раз наши части лишь немного откатились назад, ожесточенно обороняясь и не позволив тем самым противнику осуществить прорыв, перехватив инициативу и полностью нивелировав успехи наших войск за предыдущий день.

Из донесения 40-го танкового корпуса противника за этот же день:

«19 ТД: <...> Южнее Фомино происходят передвижения противника, в т.ч. и танков».

Из-за своеобразного изгиба линии фронта в зоне боев разведчики 19-й танковой дивизии имели хорошую возможность для наблюдения за передвижением частей 50-й армии на четырехкилометровом отрезке тыловой дороги от Сининки до Фомино 1-го.

Из донесения 10-й моторизованной дивизии, поданного по итогам боя также вечером 14 апреля: *«В Фомино сосредоточены крупные силы противника. Там установлены два открытых танка».* (Остается только удивляться усердию и самоотверженности советских солдат, сумевших меньше чем за сутки окопать машины в тяжелом грунте и под постоянным огнем противника. — Прим. авт.) *«Беспокоящий огонь вражеской артиллерии по шоссе севернее Фомино. Передвижения войск противника перед участком 19 ТД позволяют предположить о подготовке к наступлению. Огнем штурмовых орудий, танков и артиллерии за период с 12 по 14 апреля подбито 9 вражеских танков»¹.*

Примерно в это же время в штаб группы армий «Центр» поступило крайне интересное для нас донесение из штаба 9-й армии. В нем говорилось о том, что из направленных 56-м армейским корпусом 9-й армии в 4-ю армию танков 3 танка типа Pz III и 2 танка типа Pz IV застряли на дороге, идущей к Вязьме. Больше никаких документально подтвержденных сведений о переброске этой группы танков на сегодняшний день найти не удастся. Основываясь на вы-

---

¹ Там же.

шеприведенных данных, можно предположить, что, скорее всего, это были танки, выведенные из состава 6-й танковой дивизии противника, как раз в это время начавшей сниматься с фронта западнее Ржева для отправки в Германию, предназначавшиеся для 19-й танковой дивизии, терявшей в эти часы в боях с советскими войсками боевые машины одну за другой. Можно предположить, что это была сводная танковая рота, общая численность танков в которой не превышала 10 единиц. Перебрасывать танки своим ходом на расстояние более ста километров противник решил тоже неспроста — как мы помним, железная дорога Вязьма — Занозная была перерезана частями Западного фронта и партизанами, а железнодорожная магистраль Вязьма — Ржев была перегружена, к тому же движение немецких поездов по ней часто прерывалось налетами диверсионных групп 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта. Достоверной информации о том, когда в 27-й танковый полк все-таки подошли загнанные в грязь танки, подошли ли они или вовсе были перенаправлены в другое подразделение, у авторов нет. Однако даже появление в 40-м танковом корпусе трех-пяти Pz III, наиболее эффективных на тот период из всех немецких танков в борьбе против Т-34, все равно не могло перетянуть инициативу действий в районе Фомино — Прасоловка на сторону противника.

Тем временем 14 апреля в наступление перешли 8-я и 9-я воздушно-десантные бригады корпуса Казанкина и 2-я гвардейская кавдивизия Белова. Удар этих сил в тыл сражающихся с частями 50-й армии корпусов противника пришелся как нельзя кстати: еще накануне значительная часть немецких подразделений, оборонявшихся фронтом на север, оказалась переброшенной на отражение советского массированного удара у Фомино, а оставшиеся на северном фронте силы охранения оказались сильно растянутыми и не смогли отразить удар. Замысел советского наступления с «малой земли» состоял в прорыве через район населенных пунктов Буда и Аскерово к району Фомино 2-го, где планировалось соединение с 50-й армией, являвшееся конечной целью первого этапа наступления. В первый день было решено, атаковав вражеские опорные пунк-

ты, прикрыть фланги предстоящего прорыва. Так, пехота 131-й пехотной дивизии противника, не выдержав натиска 9-й воздушно-десантной бригады, подожгла и оставила захваченное в тяжелом бою десять дней назад Акулово, часть сил 9-й воздушно-десантной бригады не стала развивать здесь наступление, а, закрепившись на южных и восточных окраинах деревни, стала играть роль флангового прикрытия наступления основных сил с востока.

Обеспечивая западный фланг десантников, кавалеристы в этот день стали теснить противника, медленно, но верно продвигаясь к фанерному заводу. К ночи 15 апреля гвардейцы-кавалеристы прорвались к намеченной цели, несмотря на несколько немецких контратак, приходившихся по правому флангу и тылу. Этой же ночью к наступлению подключились основные силы десантников: 8-я и основные силы 9-й бригад выдвинулись на несколько километров вперед и предприняли штурм позиций немцев в деревне Буда, куда накануне отошли остатки вражеских подразделений от деревень Малая и Большая Мышенка и станции Баскаковка.

На юге обстановка также была крайне напряженной. Ночью 15 апреля последовал приказ командующего 50-й армией, в соответствии с которым 11-я танковая бригада и 298-я стрелковая дивизия должны были вновь наступать из района Фомино 1-го в направлении высоты 269,8, увязав свои действия с соседними стрелковыми дивизиями и 108-й танковой бригадой, которая должна была действовать на правом фланге, поддерживая танки и пехоту огнем с места по немецким огневым точкам в Фомино 2-м и не давая противнику сосредоточить весь шквал огня на наступающих. Также последовало указание заместителя командующего 50-й армией генерал-майора Захарова о том, что танки не должны отрываться от пехоты на 200—300 метров. Однако организовать взаимодействие и взаимную поддержку танков и пехоты в сложившихся условиях было не просто: из-за острого недостатка боеприпасов для артиллерийских и минометных батарей стрелковых дивизий проводившаяся артподготовка всегда была недостаточно

мощной и непродолжительной по времени, и поэтому большинство немецких пулеметных гнезд и минометных позиций оставались неподавленными. Возникла уже ставшая классической ситуация: наступающие танки и пехота становились отличными мишенями для всех видов немецких огневых средств и несли ужасающие потери от сконцентрированного на них огня. Боевые машины зачастую отрывались от пехоты и полностью теряли с ней всякое взаимодействие.

Начавшаяся в 5.00 атака шла по этому сценарию: она проводилась вообще без артподготовки, видимо, в расчете на эффект внезапности неожиданного ночного броска, хотя ни о какой внезапности на этом направлении не могло идти речи уже с начала апреля. Ко всему прочему танки получили минимальную заправку топлива — всего на несколько километров. После подхода порядков атакующих к высоте 269,8 пехота залегла под сильным огнем, танки вырвались вперед, зарыв гусеницами пару передовых немецких траншей. Но вскоре пехота, не выдержав огня, стала отходить. Танкисты, дабы не нести бессмысленные потери, на последних каплях солярки вывели машины из боя. Скорый выход танков из боя пришелся как нельзя кстати: наступал рассвет, который значительно увеличивал шансы немецких артиллеристов на попадание и соответственно уменьшал шансы наших танкистов уцелеть.

Снабжение стало настоящим проклятием для наступающих частей и танкистов не в последнюю очередь. Эта ситуация сильно напоминает ситуацию со снабжением в немецком экспедиционном корпусе генерала Роммеля в Северной Африке в 1942 году: как только в ливийской пустыне стихала пыльная буря, транспортные колонны и авиация подбрасывали необходимые провиант, боеприпасы и в первую очередь горючее для танков, и наступление продолжалось с новой силой. По мере расходования горючего наступление прекращалось, и войска останавливались в ожидании новой партии грузов. Вот только масштабы продвижения в этих двух случаях разнятся: немецкие моторизованные части в Африке отбрасывали англичан на сотни километров, а в позиционной «мясорубке» у Вар-

шавского шоссе продвижение на несколько сот метров считалось успехом у обеих сторон.

Тем не менее уже в 11.15 последовал новый приказ генерал-майора Захарова на атаку. По этому приказу танки должны были стремительным броском на большой скорости атаковать Фомино 2-е, посадив на броню до роты десанта из своих мотострелковых батальонов. Остальные мотострелки бригад должны были двигаться за танками в пешем порядке под командованием майора Соколова. План атаки сильно походил на самоубийство, так как атакующие неизбежно попадали не только под лобовой ураганный обстрел из Фомино 2-го, но и под фланкирующий огонь с высоты 269,8. Даже в случае прорыва на южные окраины деревни части бригад были бы отсечены огнем от остальных наших сил и полностью уничтожены на захваченных позициях.

Из-за затруднений с подвозом горючего атака началась в 18.00 вместо 12.00 по плану. Еще на дальних подходах к Фомино 2-му противник открыл сильный огонь, заставивший пехоту покинуть танки и залечь в сыром снегу. Снова завязался почти неподвижный огневой бой в явно неравных условиях (наши пехота и танки оказались на открытом пространстве на скатах высоты 235,5). Постепенно начался отход, и в 20.50 танки вернулись на исходные позиции. Потери в 11-й танковой бригаде составили 9 человек убитыми, 1 пропавший без вести и 9 ранеными; число убитых и раненых среди пехоты 298-й стрелковой дивизии было в десятки раз большим.

Несколько атак, проведенных в этот день бойцами 173-й стрелковой дивизии в направлении на д. Зайцева Гора, были отбиты 31-й немецкой пехотной дивизией. К востоку от Шатина болота, где наступала 413-я стрелковая дивизия, последние несколько дней шли позиционные бои за д. Чичково, однако и здесь советским частям не удалось добиться существенного продвижения.

15 апреля также состоялись часто упоминаемые в нашем повествовании переговоры Главнокомандующего войсками Западного стратегического направления Г.К. Жукова с командующим 50-й армией И.В. Болдыным. Тон переговоров

довольно нервный. Жуков в них дает подробные указания о дальнейших действиях танковых бригад и стрелковых дивизий для перелома обстановки в нашу пользу:

«Жуков: <...> Вас я лично очень внимательно инструктировал о тактике действий, о руководстве частями, о требовательности и быстроте расправы с паникерами и не выполняющими боевых приказов, видимо, не все Вами понято, так как я не вижу точного выполнения, в частности:

1. Из 15 соединений, которые Вы имеете, у Вас на сегодняшний и вчерашний день активно дрались только три дивизии, а 10 действовали пассивно, оборонялись. Из 13 стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали, что же это за тактика, не понимаю.

2. Противник Вас гонит с 7 танками, Вы имеете 100 танков, то есть в 14 раз больше, что же это за тактика такая. Вы, видимо, читали доклад командира 10 мотодивизии, как он одним полком все время отбивал наступление Ваших семи дивизий, такое поведение только дискредитирует Красную Армию. Как же Вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную Армию. Вы все время жаловались на отсутствие танков, сейчас у Вас в десятки раз их больше, чем у противника, но результаты все те же. Дискредитация Красной Армии непонятна, почему Вы узнаете об отходах тогда, когда это уже свершилось, значит, Вы не руководите боем, не организовано у Вас управление, нет у Вас своих глаз на передовых позициях, а это значит, армия действует без руля и без ветрил. Я требую под Вашу главную ответственность занятия: Зайцева Гора, Фомино 2-е, Тычек, Екатериновка, Бельская, Липовая роща. Я требую заставить 116-ю и 385-ю сд немедленно занять Малиновский и выйти в назначенные районы. Я требую для усиления удара завтра же ввести 58-ю сд. Танковые бригады — 11-ю и 108-ю держать с пехотой на шоссе, 112-ю бросить на помощь левому флангу; к левому флангу подтягивать 69-ю. <...> Прикажите 69-й, ее правому крылу приступить к энергичным, активным действиям, чтобы не дать противнику маневрировать своими резервами. Противник имеет четыре дивизии и ими маневрирует против Ваших 15 соединений так, как ему хочется. Он

играет с Вами как кошка с мышкой. Почему Вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага. Имейте в виду, что это не зазорно, наши предки всегда учились у своих врагов, а затем били их, своих учителей, а Вы, видимо, не хотите позаимствовать у врага хорошие и полезные примеры, рядовые люди обязаны всегда впитывать в себя все новинки и учить своих подчиненных. Поэтому у Вас ничего не получается. Короче говоря, Вы должны строго помнить наш последний уговор, я о нем докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверил, что если еще случится, то будет выдано в квадрате. Сейчас же передайте мои требования всем кому следует и организовывайте исполнение указаний». <...>

Во исполнение приказа Георгия Константиновича 16 апреля к наступлению, наконец, вновь подключилась 112-я танковая бригада. Удары ее танковых батальонов были, как и в конце марта, нацелены на поселки Гореловский и Малиновский на левом фланге. Но теперь маневр поредевших 125-го и 124-го танковых батальонов бригады был стеснен уже не толстым снежным покровом, а распутицей: заснеженные поля перед поселками превратились в топкую целину, покрытую тонким слоем подтаявшего снега, разлившийся исток реки Ужать сделал невозможным обход танками Гореловского с северо-востока, допуская только лобовой штурм. Поэтому перед началом атак на вражеские позиции надо было провести подробную разведку и инженерную подготовку местности. Для того чтобы относительно скрытно подвести танки по гатям к исходным позициям и подготовить атаку, также требовалось время, которого приказ командования не оставлял. 112-я танковая бригада не была особенной, и тяжелая ситуация со снабжением не обошла ее стороной: заправка танков топливом перед атакой была рассчитана (как и в 11-й танковой бригаде) всего на несколько километров движения, боекомплект бронебойных и осколочно-фугасных 76,2-мм снарядов для танковых орудий также набирался с трудом. Ввиду приведенных выше обстоятельств, 16 и 17 апреля полковник Гетман смог выделить для поддержки атакующей пехоты 116-й и 385-й стрелковых дивизий лишь несколько отдельных боеготовых танков (в основном Т-34).

По немецким данным, огнем артиллеристов 19-го противотанкового дивизиона 16 апреля им удалось уничтожить в районе Гореловского один танк, поддерживавший атаку советской пехоты на этот опорный пункт. Общий состав полков некогда практически полностью укомплектованной личным составом 116-й стрелковой дивизии к исходу дня был следующим:

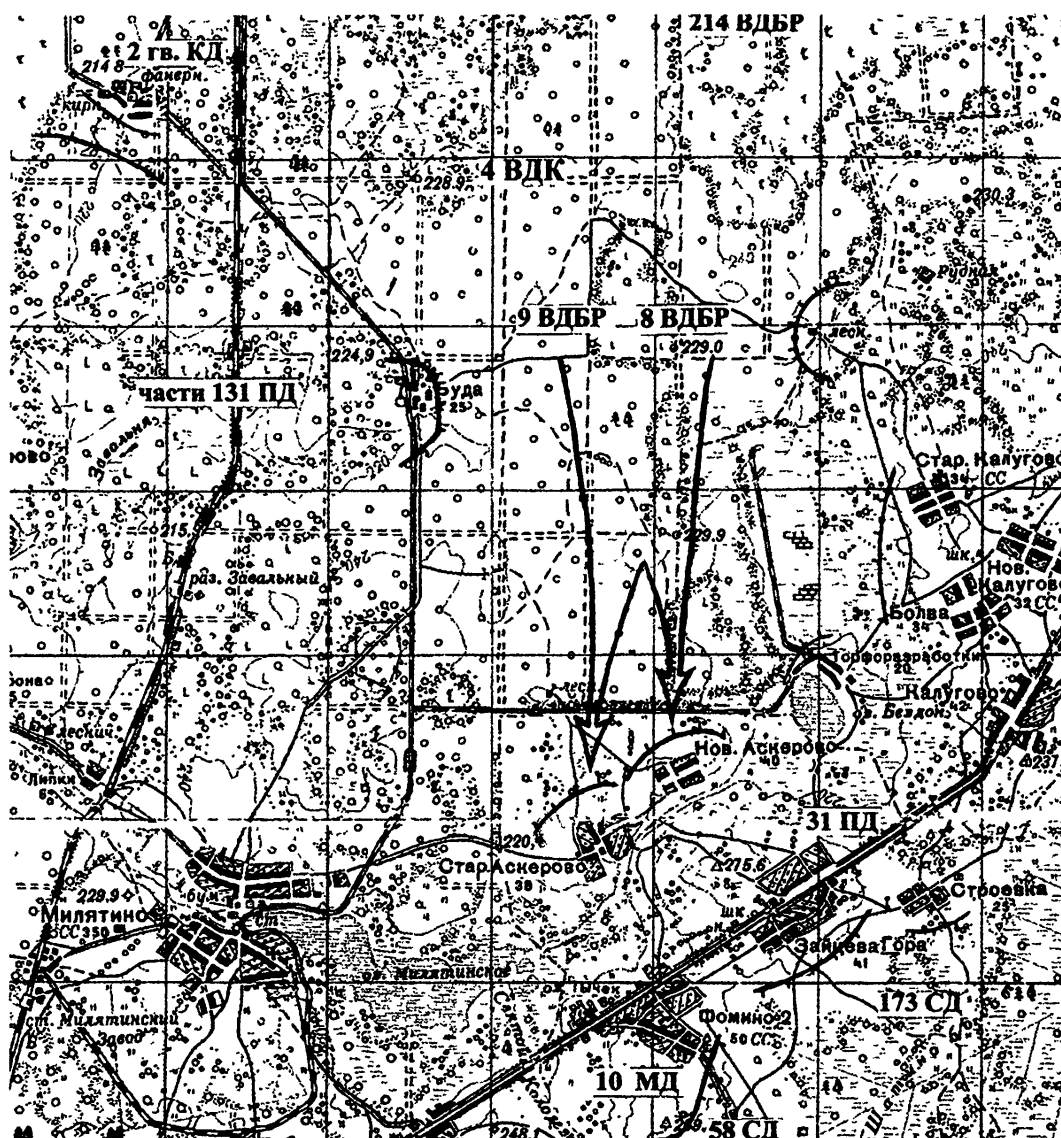
Состав	656 СП	548 СП	441 СП	406 АП	Итого
ст. комсостав	152	64	88	90	394
мл. комсостав	331	83	108	139	661
рядовые	1303	539	544	512	2898
итого	1786	686	740	714	3953*
* ЦАМО РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2.					

Участвовавшая в боях с начала февраля 385-я стрелковая дивизия была истощена еще сильнее. К вечеру 17 апреля боевая численность ее стрелковых полков составляла: 1266-й полк — 44 бойца, 1268-й полк — 90 бойцов, 1270-й полк — 70 бойцов¹.

Для поддержки начатого наступления десантников командованием Западного фронта была предпринята попытка реанимировать наступление корпуса десантников. В период с 16 по 18 апреля в районе действия 4-го воздушно-десантного корпуса было десантировано два батальона парашютистов, из которых к 18 апреля было собрано 559 человек. Еще к шести часам утра 15 апреля 8-я и 9-я воздушно-десантные бригады с боем овладели Будой, однако вражеская пехота заняла позиции в лесу южнее и юго-восточнее деревни и не дала десантникам продвинуться дальше на юг и юго-восток.

После небольшого затишья, потраченного сторонами на перегруппировку сил, днем 17 апреля рота немецкой

¹ Там же. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 20. Л. 27–35.

Наступление 4-го воздушно-десантного корпуса на деревни Новое и Старое Аскерово. Апрель 1942 г.

пехоты, переброшенная на угрожающее направление, атаковала Буды с юга, но атаки противника в этот день были отбиты огнем советских бойцов. На следующий день немцы опередили в переброске резервов десантников, которым было необходимо значительное время на сбор подкреплений, разбросанных на огромной территории. 2-й учебный батальон с другими подразделениями из 131-й пехотной дивизии под прикрытием мощного артиллерийского огня выбил из Буды советских десантников. По советским данным, перед отходом населенный пункт был подожжен, а лесопильный завод взорван, однако можно предположить, что деревенские строения и завод были разрушены

18 апреля артогнем противника, к тому же тактика «выжженной земли» не характерна для советских войск, совершавших локальный отход в ходе наступательной операции. Одновременно с захватом Буды части 31-й пехотной дивизии противника выбили роту десантников из района избышки лесника, расположенной в двух километрах северо-западнее Старого Калугово и в пяти — восточнее Буда. Таким образом, 18 апреля 4-м воздушно-десантным корпусом были утрачены два передовых опорных пункта, имевших ключевое значение для дальнейшего продвижения.

Но, несмотря на угрозу удара противника на сильно растянутых флангах корпуса, Казанкин решил изменить направление наступления и поставил подчиненным задачу: продвинувшись на фронте в 2—3 километра, захватить деревни Старое и Новое Аскерово и через их район наконец выйти на соединение с 50-й армией, передовые силы которой вели бой всего в 3 километрах от вышеупомянутых населенных пунктов. Восстановление сил, их скрытая перегруппировка для очередного броска и разведка противника заняли два дня и были завершены к исходу 20 апреля. 21 апреля десантники внезапной атакой в районе восточнее д. Буда сбили с лесных позиций боевое охранение противника. Продолжив преследование, передовые части десантников спустя несколько часов наткнулись на мощное сопротивление севернее Аскерово. С ударом 9-й и 8-й бригад десантников на Аскерово в сражении наступил очередной критический момент. Снова, как и во время мартовского прорыва частей 50-й армии к деревне Кавказ, между ними и десантниками 4-го воздушно-десантного корпуса оставалось расстояние, не превышавшее дальность выстрела из батальонного миномета. Но подготовленная здесь противником система обороны уже не имела пробелов и слабых мест, преодолеть ее можно было только при поддержке огнем тяжелой артиллерии, которой 4-й воздушно-десантный корпус не располагал. На огневую поддержку артиллерии 50-й армии рассчитывать было нельзя — из-за рассмотренных нами выше проблем со снабжением и ставшего их следствием острого не-

достатка боеприпасов поддержка собственных сил южнее шоссе артогнем была катастрофически слабой. Главным образом по этой причине все атаки, проводившиеся десанниками в последующие два дня, были безуспешными, и 23 апреля 4-й воздушно-десантный корпус свернул наступление, так и не встретившись с дивизиями и танковыми бригадами 50-й армии, пытавшимися прорваться к нему навстречу.

В это время на юге накал боев у Фомино и Гореловского не стихал. 16 апреля командованием армии был вновь отдан приказ на совместное наступление 11-й и 108-й танковых бригад вместе со стрелковыми полками 298-й и 146-й стрелковых дивизий в направлении юго-западной окраины Фомино 2-го и высоты 269,8.

Танкисты начали атаку с северной окраины Фомино 1-го в 16.30, в следующем построении боевых порядков: правее дороги от Фомино 1-го к Фомино 2-му наступала 108-я, левее продвигалась 11-я танковая бригада, непосредственно за танками двигались пехотинцы из мотострелковых батальонов бригад, обе танковые бригады также поддерживала пехота 146-й стрелковой дивизии. 298-я стрелковая дивизия атаковала немецкие позиции непосредственно на высоте 269,8. Сразу за северной окраиной Фомино 1-го продвижение танков было остановлено лощиной, которая из-за таяния снега оказалась затоплена водой. На преодоление неожиданно возникшей водной преграды танкисты потратили около часа времени, попав под артиллерийско-минометный огонь немцев и утратив всякий эффект внезапности. Пройдя овраг, танки начали вязнуть в грязи и не смогли взобраться на пологие скаты высот 269,8 и 235,5 и подойти к южной окраине Фомино 2-го. 108-я танковая бригада полностью остановилась перед высотой 235,5 и вынуждена была вступить в неравную перестрелку с противотанковыми пушками немцев. Скорость танков 11-й бригады также упала практически до нуля.

Видя такое положение и понимая, что атака захлебывается, командир 11-й танковой бригады подполковник

Б.Г. Лиопа, находившийся в танке и непосредственно из самого пекла боя руководивший атакой, принял единственно верное в такой ситуации решение: он направил свой командирский Т-34, за которым последовали еще три «тридцатьчетверки» его бригады, немного левее, выходя на восточные скаты высоты 269,8 немного «наискосок». Решение командира бригады оказалось удачным и позволило четырем танкам взобраться на подъем под меньшим углом, к тому же во время подъема по склонам справа их прикрывали огнем остановившиеся машины 108-й и отчасти 11-й бригад. Выйдя на восточные скаты высоты, танкисты подавили огнем орудий и раздавили гусеницами несколько немецких огневых точек, это дало пехоте возможность немного продвинуться вперед и местами ворваться в передовые немецкие траншеи на гребне высоты, выбив из них вражескую пехоту. В ходе боя немцам все же удалось перенести огонь противотанковой артиллерии, расположенной на хорошо укрепленных позициях в Фомино 2-м, с советских танков, завязших на окраине оврага, на машины, прорвавшиеся непосредственно на высоту и угрожавшие немецким позициям на юго-западной окраине деревни. И результат не заставил себя ждать: танки, попытавшиеся было атаковать Фомино 2-е через высоту 269,8, попали в зону мощного противотанкового огня, один Т-34 загорелся от прямого попадания противотанкового снаряда. Огнем оставшихся трех танков был уничтожен ДЗОТ на юго-западной окраине Фомино 2-го. Несмотря на все усилия, подойти к населенному пункту не удалось, пехота, как и танкисты, дальше продвинуться не могла, и уже после наступления темноты атака окончательно была свернута, уцелевшие машины вышли из боя, на огневой позиции остался один подбитый Т-34. Еще по два танка 11-й и 108-й бригад получили повреждения на позициях у лощины севернее Фомино 1-го. Потери личного состава в 11-й танковой бригаде за день боя составили 22 убитыми, 7 пропавшими без вести и 53 ранеными.

К чести наших танкистов, им в течение ночи 17 апреля удалось эвакуировать с поля боя все подбитые танки (за исключением сгоревшего Т-34). К сожалению, за железо

пришлось дорого заплатить человеческой кровью: за ночь из числа танкистов, эвакуировавших боевые машины под огнем противника, 8 человек погибли, 1 пропал без вести и 25 было ранено.

Приведем мнение противника об оперативной обстановке вечера 16 апреля. Количество уничтоженных советских танков в отчете традиционно завышено.

«40 тк:

Атаки противника по левому флангу 331 пд и фронту 19 тд захлебнулись в массированном огне всех видов оружия. Один вражеский танк уничтожен (скорее всего, имеется в виду Т-34, сгоревший на окраине п. Гореловский. — Прим. авт.). После провала своих атак противник перед участком 19 тд начал усиливаться. На участке 10 пд (мот.) противник вел атаки во взаимодействии с танками при поддержке артиллерии всех калибров. Контрударом удалось ликвидировать прорыв западнее Фомино. В настоящее время продолжается ожесточенный бой. Главный удар противник наносит под Фомино и западнее. За период с 12 по 16 апреля в боях за Фомино был уничтожен 31 вражеский танк и много повреждено»¹.

17 апреля для танкистов всех трех танковых бригад ударной группы наконец-то наступила короткая передышка. Части 11-й и 108-й танковых бригад занимались ремонтом поврежденных танков и приводили себя в порядок после напряженных боев. Пытались наступать только подразделения стрелковых дивизий, но в большинстве случаев безрезультатно. Части 112-й танковой бригады отдельными машинами медленно подтягивались в это время по гатям к району Гореловского и Малиновского. Прибывшие на исходные позиции танки рассредоточивались по оврагам и капонирам, почти сразу же их накрывали брезентом, засыпали талым снегом и забрасывали кустами. Усиленные меры по маскировке не были излишними: погода выдалась ясная, и в воздухе все время висела немецкая авиация. И пусть эффекта внезапности танкового удара на направлении постоянных атак достичь не удалось, но все-таки 17 апреля получилось избежать авиаударов по скапливаю-

---

¹ Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 591. Т. 2. Л. 14.

щимся у поселков танковым батальонам. Части соседней 336-й стрелковой дивизии этой участи не избежали, что и подтверждает донесение политотдела дивизии:

«17.04. Очень большая активность авиации противника, за день было 22 налета групп самолетов противника от 5 до 17 самолетов в каждой группе»¹.

Вторит ему суточное оперативное донесение немецкого штаба ВВС «Восток»:

«1-я авиадивизия и главные силы бомбардировочных соединений поддерживали оборонительные бои 40 ТК в районе Фомино и нарушили движение по железным дорогам и шоссе в районе Сухиничи — Калуга — Малоярославец — Юхнов»².

К утру 18 апреля уже сильно поредевшие 124-й и 125-й танковые батальоны закончили сосредоточение в районе южнее поселков. Экипажи находились в ожидании приказа на атаку и были полностью готовы к выполнению поставленных задач. Объектом атаки в этот день стал поселок Малиновский, находившийся перед фронтом выступа, «вбитого» в немецкую оборону советскими стрелковыми частями.

Вместе с танками бросок на Малиновский с позиций через рощу «Сердце» осуществляли остатки 1268-го и 1270-го стрелковых полков «растаявшей» в боях, как весенний снег, 385-й стрелковой дивизии. Только за два последних дня боев потери в дивизии составили около двухсот человек убитыми и ранеными, и 18 апреля в атаке участвовало всего 114 бойцов. Тем не менее штурм немецких позиций оказался относительно успешным: 4 «тридцатьчетверки» 112-й бригады подавили огонь противотанковых орудий противника, прошли через передовые траншеи и ворвались в развалины поселка, давя гусеницами и уничтожая огнем орудий все встречавшиеся на пути немецкие укрепления. Но пехота двух стрелковых полков (по численности — усиленная стрелковая рота!) залегла под огнем перед траншеями и за танками не прошла. Танкисты, во-

---

¹ Там же. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 62. Л. 124.

² Там же. Ф. 500. Оп. 12426. Д. 591. Т. 2. Л. 26.

рвавшиеся в Малиновский без пехоты, не стали завязывать самоубийственный бой в поселке, так как он продлился бы именно столько времени, сколько понадобилось бы противотанкистам противника на подтягивание к развалинам поселка нескольких орудий на прямую наводку. О возможной немецкой танковой контратаке говорить не приходится: 27-й танковый полк немцев, как и наши танковые бригады, на этот момент уже был серьезно потрепан, в нем насчитывалось не более полутора десятков боеготовых танков. Причем часть машин была окопана в обороне в качестве неподвижных огневых точек, являвшихся мощными узлами сопротивления: по данным нашей разведки, один окопанный танк противника находился в районе «лесного городка» и еще три — в д. Прасоловка. Основная же часть оставшихся на ходу Pz 38(t) и Pz IV (оснащенных короткоствольным 75-мм орудием L/24, малоэффективным против брони Т-34) находилась в качестве подвижного резерва командования корпуса на направлении ожидаемого главного удара советских частей — в ближнем немецком тылу в районе Фомино 2-го.

Вскоре все четыре прорвавшихся советских танка, обойдя основные узлы сопротивления противника, вышли в распоряжение наших войск.

Острая обстановка у поселка Малиновский благоприятствовала успеху атаки штурмовой группы 441-го полка 116-й стрелковой дивизии на Гореловский с ближайших подступов к югу от поселка. После демонстративной атаки взвода нашей пехоты на левом фланге ударная группа в составе батальона пехоты, двух 45-мм противотанковых орудий, взвода станковых пулеметов и взвода противотанковых ружей, открыв по противнику ураганный огонь из стрелкового оружия, резким броском ворвалась в передовую немецкую траншею и после скоротечного боя полностью овладела ею. Во время боя с востока противника сковывал боем 548-й стрелковый полк, оказывал максимально возможную при остром дефиците снарядов огневую поддержку и 406-й артиллерийский полк дивизии. Интересно, что ни один танк 18 апреля не участвовал в бою в Гореловском, хотя именно в этот день и в этом месте

Маска орудия и лобовая бронеплита танка Pz.38(t), уничтоженного внутренним взрывом в бою на скатах высоты 269.8 в период с 13 по 23 апреля 1942 г.

поддержка со стороны танкистов была нужна как воздух пехоте, отбросившей врага с позиций и зацепившейся за окраину поселка.

Несмотря на предпринимаемые контратаки, противнику так и не удалось полностью восстановить свои позиции на окраине поселка к утру 19 апреля, когда полковник Гетман, стремясь не упускать инициативу, бросил на поддержку очередного штурма Гореловского «тридцатьчетверки» своей бригады в расчете окончательно «продавить» немецкую оборону на этом участке. Причем танки были нацелены непосредственно на лобовой штурм узла обороны противника, для его обхода и окружения теперь не было возможности свободного маневра, да и просто не хватало сил.

Новый штурм укрепленных немецких позиций в поселке начался днем 19 апреля. Вместе с пехотой в атаку пошли три Т-34, подошедших ночью к Гореловскому. Пехота была накрыта ураганным огнем и залегла на окраинах поселка не в силах прорваться сквозь огневой шквал, танки, уйдя вперед, ворвались в поселок и принялись «утюжить» немецкие окопы, огнем и гусеницами давя сопротивление противника. Бой был в разгаре, казалось, еще совсем немного, и вражеская пехота отойдет с позиций, не выдержав давления. Однако немцы проявили характерную для них на этом этапе войны стойкость, их пехота не только не отступила, но и ввязалась в неравный ближний бой с нашими танками, забрасывая их связками гранат и пытаясь подбросить противотанковые мины под гусеницы. Хотя ни одного танка таким образом подбить не удалось, но время для выкатывания противотанковых орудий на удобные позиции для ведения огня было выиграно.

Здесь стоит сказать несколько слов о тактике немецкой пехоты по борьбе с советскими танками. Общеизвестно, что функция уничтожения танков противника в позиционной обороне должна ложиться на плечи противотанковой артиллерии. Но это лишь теория, на практике же немецкие артиллеристы часто не могли полностью справиться со своими обязанностями (ввиду разных причин: или нашим частям удавалось вывести немецкую противотанковую артиллерию из строя, или же танки прорывались на участках, расположенных вне сектора противотанкового огня), в этом случае советские боевые машины начинали заниматься своей основной задачей — «терзать» вражескую пехоту. На этот случай в немецких пехотных частях из числа наиболее опытных солдат, знающих уязвимые места советских танков и тактику борьбы с ними, создавались специальные «группы по борьбе с танками» численностью примерно 10–15 человек. В 1942 году на вооружении таких групп были противотанковые ружья, мины и большое количество взрывчатки в ящиках для подрыва уже обездвиженных машин.

В горячке боя в Гореловском экипажи танков, и так не имевшие между собой радиосвязи, потеряли друг друга из вида, координация действий между танками сошла на

нет, бой превратился в беспорядочную схватку. Противник стал переламывать ситуацию в свою пользу. Сперва противотанковым огнем немцы подбили первый Т-34, который сгорел на северо-восточной окраине Гореловского. Вскоре в 100–150 метрах от юго-западной оконечности поселка была подбита вторая машина. Из поселка отошел на исходные позиции уцелевшим только один Т-34 из трех. Очередной танковый удар по поселку Гореловский был парирован немцами. Потери в этом бою в рядах советской пехоты 116-й стрелковой дивизии составили 48 человек убитыми и 166 ранеными.

Перестрелка в поселке и вокруг него продолжалась и после наступления темноты, противнику контратаками в нескольких местах удалось вытеснить наших пехотинцев из захваченных ранее позиций. Ожесточенный бой шел у юго-западной окраины Гореловского, вокруг подбитой несколько часов назад «тридцатьчетверки». Машина была лишь повреждена, но эвакуировать ее с нейтральной полосы под огнем противника было невозможно. Ночной атакой, поддержанной сильным минометным прикрывающим огнем, немецкой пехоте удалось вплотную подобраться к поврежденному танку; дальше за работу принялись саперы из группы по борьбе с танками, которые заложили внутрь Т-34 несколько ящиков тола. Как только был подожжен запальный шнур, атаковавшая группа, прикрываемая минометным и пулеметным огнем своих товарищей, спешно отошла на исходные позиции. Раздавшийся вскоре оглушительный взрыв разорвал советский танк в клочья, оставив на месте некогда грозной боевой машины только искореженный остов и разбросав куски гомогенной брони на десятки метров вокруг. Взрыв поврежденного танка стал громкой точкой, завершавшей очередной безрезультатный штурм немецких позиций в поселке Гореловский.

О сражении, разгоревшемся 19 апреля в районе д. Правословка, авторам не удалось найти подробных сведений в ЦАМО. Однако в книге «Простреленные километры»¹, на-

---

¹ Деев В., Петренко Р. «Простреленные километры» (документальная повесть). Фрунзе, 1973.

писанной на основе воспоминаний ветеранов 385-й стрелковой дивизии, бой, состоявшийся в этот день, описывается очень красочно и подробно. И пусть изложение хода боя в книге построено немного пристрастно и субъективно, мы приведем несколько абзацев из нее дословно, дабы дать возможность читателю увидеть происходившее глазами участника событий:

«...Наконец настало время атаки. После десятиминутной артподготовки батальон отвлечения, чутью опережая других, ринулся в наступление. Противник бил по нему с северной окраины Прасоловки и Елисеевки. Каменка и южная сторона Прасоловки молчали. Сальников вопросительно взглянул на Султанова, который по-прежнему совмещал обязанности и комиссара, и секретаря партбюро полка.

— Кажется, все идет по расписанию.

И как бы в подтверждение его слов с южных огородов Прасоловки выскочили три немецких танка и на полном ходу устремились наперерез «тридцатьчетверкам» и пехоте. Танки врага были густо облеплены десантом, а за ними виднелись цепи автоматчиков. Такой закваски боя никто не предвидел. Знали, что у противника есть в Прасолово танки, но, по сведениям разведки, они были зарыты в землю и служили дзотами.

В рядах наступающего батальона возникло замешательство. Для того чтобы перебросить с левого на правый фланг истребителей танков и пулеметчиков, необходимо время, а фрицы приближались. Стрелять из орудий тоже стало опасно: «тридцатьчетверки» уже оторвались от пехоты и находились вблизи позиций врага. Супрунов с НП позвонил Сальникову:

— Почему не стреляешь?

— Артиллеристы боятся в своих угодить.

— А что думаешь предпринять?

— Снять десант и отрезать автоматчиков. Потом посажу своих стрелков на оставшиеся «тридцатьчетверки».

— Правильно!

Однако Султанов тут же связался с Левиным:

— Помоги левому соседу, с твоего фланга легче достать немецкие коробки.

Два наших танка шли в лоб немецким. В какое-то мгновение один из краснозвездных подставил свой бок под удар пушек. Орудия и минометы 948-го артполка засекли вражескую батарею, но было поздно: «тридцатьчетверка» уже пылала. Дальнейшее казалось предрешенным: один танк против трех не устоит...»

Несмотря на всю красочность описания, очередной бой на подступах к Прасоловке не увенчался успехом: немцы продолжали удерживаться на позициях, накрывая шквалом огня любые попытки продвижения пехотинцев 385-й дивизии вперед. В 20-х числах штурм немецкого опорного пункта был свернут.

22 апреля произошел последний упоминаемый в архивных документах наступательный бой с участием танков 112-й танковой бригады в ходе весеннего наступления 50-й армии. Согласно журналу боевых действий бригады, бой протекал следующим образом: на окраине рощи «Сердце», в пятистах метрах южнее Малиновского, один Т-34 поддерживал очередную атаку советской пехоты. В ходе часового огневого боя с противотанковой артиллерией противника танк подбит, получив попадания снарядов в ствол орудия

Офицеры 447-й разведроты 385-й стрелковой дивизии после возвращения с боевого задания. Слева — командир роты И.С. Тишин.

и ходовую часть. При попытке экипажа вывести поврежденную машину с поля боя своим ходом в процессе разворота слетела гусеница. Пехота под плотным огнем продвигаться вперед не смогла, атака вскоре была прекращена. Из экипажа, покинувшего обездвиженную на нейтральной полосе машину, до траншей своей пехоты доползли только двое. Без помощи двух-трех танков эвакуировать подбитый Т-34 было невозможно. Однако в день боя подогнать танки для использования в качестве бронированных тягачей не вышло, так как 2—3 исправных машин в бригаде попросту не было. Затянувшийся вопрос эвакуации решили немцы: под покровом ночи группа саперов 73-го моторизованного полка отбила танк у охраны и подорвала его.

И снова мы видим печальный пример неудачного применения бронетехники для поддержки пехоты, закончившийся гибелью танка. В оправдание только вступившего в командование бригадой полковника М.Т. Леонова, прекрасно понимавшего бессмысленность применения одиночного танка против мощной противотанковой обороны, но все-таки отдавшего приказ на атаку, можно сказать следующее: части 116-й и 385-й стрелковых дивизий, в течение последних четырех недель наступавшие через рошу «Сердце» в направлении поселка Малиновский, были в тяжелом положении: они находились в выступе шириной в два и глубиной в полтора километра, что являлось удобным расположением для противника, который артиллерийским и минометным огнем с высокой точностью накрывал наши позиции, нанося пехоте огромные потери; фланговый огонь из опорных пунктов Гореловский и Прасоловка, находящихся у основания выступа, затруднял маневр пехоты и мешал нормальному подвозу боеприпасов. В таких условиях в наших частях каждое огневое средство было на счету, и использование танка, свободно передвигающегося под пулеметным и минометным огнем и обладающего мощным 76,2-мм орудием с полным комплектом боеприпасов, для поддержки пехоты в подавлении вражеских огневых точек выглядит довольно целесообразным.

У Фомино при сложившемся положении и соотношении сил то, чья будет высота 269,8, определялось теперь

одним нехитрым принципом: высота останется в руках стороны, которая сможет «наскрести» сил на последнюю успешную атаку на гребне, после которой быстро и надолго закрепиться на отбитых позициях. Что линия передовой скоро и надолго «застынет», было очевидным.

К исходу дня 22 апреля гребень высоты, несмотря на огромные потери личного состава в подразделениях, все еще удерживался частями 58-й стрелковой дивизии. Состояние танковых частей в плане потерь и боеготовности являлось еще более плачевным:

11-я танковая бригада — некогда самая боеспособная в армии — теперь в боевом составе имела один исправный Т-34 (к 24 часам этот танк был выведен из боя и вместе с остатками 11-го мотострелкового батальона численностью в 50—60 человек занимал оборону на северной окраине Фомино 1-го) и несколько Т-60, полностью непригодных для применения в качестве ударной силы на главном направлении.

108-я танковая бригада также имела одну-две относительно исправных «тридцатьчетверки» и горстку малоэффективных Т-60, окопанных в обороне у Фомино 1-го.

Последний же боеготовый Т-34 112-й танковой бригады был поврежден немецкой противотанковой артиллерией в бою днем 22 апреля и ночью добит вражескими саперами.

В течение 18 апреля два боеготовых Т-34 11-й танковой бригады были временно переподчинены командованию 298-й стрелковой дивизии. В 20.40 командир стрелковой дивизии полковник Васильев отдал приказ об атаке позиций противника на гребне и северо-восточных скатах высоты 269,8 силами пехоты 298-й стрелковой дивизии при поддержке двух танков. После 25-минутной артподготовки «тридцатьчетверки» и пехота двинулись на противника. Расчет на внезапность и ошеломляющий эффект ночной атаки, судя по всему, сделанный комдивом, не оправдался: немцы быстро «повесили» над полем боя несколько осветительных ракет, силуэты советских стальных монстров стали четко различимыми в темноте. А прицельный огонь нескольких противотанковых орудий, сконцентрированный всего на двух танках, не оставил последним ни

малейшего шанса не только подойти к немецким траншеям, но и просто уцелеть. В результате один танк загорелся от прямых попаданий снарядов, второй Т-34 оказался подбитым на нейтральной полосе, экипаж покинул машину. Что же касается сопровождавшей танки пехоты, то здесь, к сожалению, все так же развивалось, как и в прошлых боях: противник пулеметным и минометным огнем прижал наших пехотинцев на открытом пространстве к земле, и после недолгой перестрелки бойцы медленно отползали обратно, освещаемые в ночи факелом очередного Т-34, одиноко догоравшего на злополучной высоте 269,8. В этом бою двое танкистов пропали без вести, четверо были ранены.

19 апреля части 108-й и 11-й танковых бригад активных наступательных действий не вели, ограничиваясь эвакуацией подбитой в предыдущие дни техники, оставшейся на поле боя (состояние танкового парка обеих бригад на 19.04 можно увидеть в приведенной на странице 233 таблице). Так как большинство машин в бригадах было не на ходу, а времени на их приведение в боеготовое состояние катастрофически не хватало, командир 11-й танковой бригады Б.Г. Лиопа в своем докладе о ходе боя на высоте 269,8 заместителю командующего 50-й армией по автобронетанковым войскам Мартынову запросил 5 суток на ремонт поврежденных машин, что могло дать хотя бы частичное восстановление боевой мощи танковой бригады. Ответ человека, напрямую ответственного за состояние танковых бригад в армии, был так же лаконичен, как и преступно безучастен: «Плохо воюете, времени не даю. Мартынов». Отказ в даче времени на ремонт был закономерен: танковые бригады в сложившихся условиях были обречены стать «выжатыми» до последнего исправного танка, ведь у пехоты без их поддержки не было никаких шансов на взлом обороны немцев. К тому же времени ждать восстановления неисправных танков у армейского командования действительно не было: на исходные позиции для очередного штурма высоты 269,8 и броска к шоссе уже подтягивалась «новая кровь» — 58-я и 69-я стрелковые дивизии, ставшие последним эшелоном резервов Ставки

ВГК, вливаемых в 50-ю армию. Мощная атака должна была состояться со дня на день.

Танковым бригадам в подготовке к новым боям наряду с полковником Мартыновым добавила проблем и немецкая авиация, довольно точно отбомбившаяся по тыловым рембазам 11-й танковой бригады в районе поселка Приволье. Попаданиями бомб были уничтожены две автомашины, одной из которых по неудачному стечению обстоятельств оказался заправщик ЗИС-5, сгоревший вместе с более чем двумя тоннами поистине драгоценного для танкистов дизельного топлива. Людские потери от этого авианалета составили 9 человек убитыми и 10 ранеными.

Без должного техобслуживания начинали ломаться даже относительно надежные «тридцатьчетверки». Теперь идущие на смертельную схватку с противником танкисты вынуждены были в большей степени думать не о тактике ведения огневого боя, а, уповая на удачу, надеяться на то, что и без того частенько пробуксовывавший главный фрикцион не сгорит при резком маневре, остановив боевую машину прямо в секторе обстрела немецких противотанковых орудий.

Вообще, если рассматривать действия танковых бригад по дням, то на глаза попадает интересная закономерность. Ни в один из дней наступления все три бригады одновременно не «наваливались» на немецкую оборону силами всех имевшихся в наличии боевых машин. Взаимодействие между 11-й и 108-й танковыми бригадами, наступавшими под Фомино, и 112-й танковой бригадой, атаковавшей противника в районе Гореловского и Машиновского, очень сильно напоминает своеобразный маятник: в то время, когда 112-я танковая бригада в конце марта отчаянно атаковала Гореловский, передовые части 108-й танковой бригады еще были на марше к району боевых действий, а 11-я танковая бригада и вовсе находилась в эшелонах на пути к станции Дабужа, разгрузка из которых началась только 28 марта. В начале апреля, когда 11-я и 108-я танковые бригады сосредоточились в ближайшем тылу и готовились к наступлению, 112-я танковая бригада была поставлена в оборону и не поддерживала атаковавших соседей вплоть до 16 апреля, когда те потеряли значи-

тельную часть танков, оказались сильно потрепанными в боях и не могли вести существенных наступательных действий. А в последнюю неделю боев танки всех трех бригад, хотя иногда и наступали одновременно, однако должного эффекта это уже не давало — из-за малочисленности боеготовых машин атаки теперь часто проводились силами в 2—7 танков, с наступательным порывом которых противнику удавалось справляться.

Кстати, состояние измотанных частей противника на этот момент также было далеко не замечательным. Донесение штаба 4-й армии о положении дел к 19 апреля на участке 40-го танкового корпуса носит откровенно панический характер:

«Во второй половине дня 19.4 противник не предпринимал наступательных действий на участке 40 ТК.

19 ТД: Уничтожен 1 танк Т-34.

10 МД: Противник упорно держится у южного края высот западнее и северо-западнее Фомино и пытается овладеть гребнем этих высот. На участках обеих высот беспокоящий огонь противника.

Предпринимаемые противником исключительно при поддержке танков атаки, значительно снизившаяся численность частей, большие потери в командном составе, а также все более ощущаемая нехватка боеприпасов, которая в настоящий момент едва ли может быть покрыта в связи с трудностями доставки, — все это дает повод для серьезных опасений. При протяженности фронта 18 км в составе 19 ТД и 10 МД действует 61 рота, из них 28 не имеют командиров. Действуют также подразделения в составе 25 связистов корпуса и дивизионных батальонов связи. Кроме того, для усиления наиболее слабых участков фронта введены в бой штабные роты штаба корпуса и 19 ТД, состоящие из рядовых полевой жандармерии, писарей и шоферов. После того как один батальон пришлось снять с участка фронта севернее г. Киров и перебросить его на участок 10 МД, корпус не располагает больше никакими резервами. В ближайшие дни с уверенностью можно ожидать новых атак противника»¹.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 591. Т. 2. Л. 49—53.

Находившиеся на флангах 331-я и 31-я пехотные дивизии, так же как и 10-я моторизованная, были сильно потрепаны и нуждались в отдыхе и пополнении. Дополняют донесения и дневники двух неизвестных немецких солдат, попавшие в руки красноармейцев. Выписка из дневника пехотинца, убитого 4 мая у Гореловского:

- «3—5.04 — тяжелые бои с партизанами.*
  - 9.04 — перебросили в Полоцк.*
  - 15.04 — прибыли в Смоленск, а 16.04 — в Рославль.*
  - 19.04 — в Юхнове.*
  - 22.04 — я на переднем крае. Русские все время наступают.*
  - 23.04 — под напором русских вынуждены отойти. Отдыхаю в д. Куземки.*
  - 25.04 — снова на переднем крае. Русские все время ведут огонь, кругом убитые и раненые.*
  - 27. 04 — положение ужасное, пули и снаряды все время свистят над головой.*
  - 1.05 — мои нервы напряжены до предела. Как долго это будет?*
  - 3.05 — милая мама, меня назначили в разведку, иду скрепя сердце».*
- Записи другого солдата вермахта, сдавшегося в апреле в плен красноармейцам у д. Фомино, сводятся к следующему:

«Уже который день мы находимся в траншеях, медленно наполняющихся водой, периодически попадая под огонь противника. Мы — австрийцы и не хотим погибать в войне, затеянной немцами. Отношения с немцами натянутые, они часто нас притесняют. Три дня назад командир моей роты, немец по национальности, заставил меня выйти на открытое пространство и удерживать на плече ствол пулемета, из которого он выпустил несколько лент подряд в сторону русских. С тех пор я почти ничего не слышу правым ухом. Со вчерашнего дня стало немного легче — командир роты, снимая автомат с плеча, случайным выстрелом ранил сам себя».

В то время, когда командиры немецких дивизий докладывали о серьезных потерях и сильной усталости своих солдат, дела в наших частях тоже обстояли не лучшим

образом: многие стрелковые дивизии «растаяли» в боях и по численности теперь в лучшем случае были равны стрелковому батальону. Танковые бригады после многодневных боев остались бледными тенями той грозной силы, которой они были в начале наступательных боев. Общую численность и состояние танков в 11-й и 108-й танковых бригадах на 19 апреля можно выразить в виде следующей таблицы, данные для которой взяты из доклада генерал-лейтенанта Болдина от 20 апреля:

Соединение	Количество танков								
	исправных			ремонтируются			простаивают из-за отсутствия запчастей		
	Т-34	КВ	Т-60	Т-34	КВ	Т-60	Т-34	КВ	Т-60
108 ТБР	2	0	12	2	2	—	8	6	—
11 ТБР	5	2	16	3	5	—	7	4	—

Про 112-ю танковую бригаду известно, что к вечеру 21 апреля на ходу в бригаде имелось всего 3 танка, которые использовались теперь в большей степени в качестве кочующих орудий для огневой поддержки пехоты.

Для создания у читателя представления о том, каковы были настроения в штабах армии и Западного стратегического направления накануне вступления в бой последних резервов, вновь приведем отрывки из переговоров Жукова и Болдина, состоявшихся 20 апреля, касающиеся боевых действий и состояния танковых бригад и стрелковых дивизий 50-й армии на обозначенный момент:

«Болдин. Докладываю:

...3. Ввод в действие 108 и 11 танковых бригад в направлении на Фомино 2-е без сильного массирования артогня по северо-восточным скатам выс. 269,8 и по южной окраине Фомино 2-е не представляется возможным, так как при выдвигении наших танков с Фомино 1-е в направлении Фомино 2-е противник открывает сильный артогонь и с южной окраины Фомино 2-е, и с северо-восточных скатов выс. 269,8, а глав-

ным образом непрерывная бомбежка и штурмование наносит большие потери танкам и пехоте.

4. Перекапывать 11 и 108 ТБР в район Гореловский и Малиновский считаю нецелесообразным, так как в этом районе действие для танков весьма ограничено, потому что танки могут проходить в этом районе только по одной дороге и Марьино на Гореловский и на Малиновский. Стеснен маневр для танков в этом районе разливом воды и торфяными болотами.

5. Привожу 11 и 108 танковые бригады в порядок и готовлю продолжение удара в направлении Фомино 2-е, но на подготовку потребуется 3—4 дня. Мне нужно подвести снаряды и мины на огневые позиции и продовольствие для войск в Бярятинское. <...>

9. Днем 19.4 наблюдалась подброска пехоты противника с юго-запада и выгружалась с машин в районе Бельская, частично направлялась в район Малиновский, Гореловский.

10. В 22.00 19.4 противник повел наступление из Фомино 2-е на выс. 269,8, контратака к 02.00 20.4 отбита <...>.

Жуков. Мне многое не понятно из того, что Вы мне говорите.

Во-первых, первый раз слышу что 11, 108 тбр расстрепаны, это, кажется, будет по счету пять или шесть расстрепанных бригад. Вы были обязаны, согласно приказу, производить тщательное расследование о каждом погибшем танке или выбывшем из строя и немедленно доносить факт, достойный сожаления, невыполнение приказа. Вынужден буду назначить следствие. Вы все время доносили о том, что выс. 269,8 находится в Ваших руках, а сейчас докладываете, что северо-восточные скаты в руках противника. Не пойму я Вас, почему Вам понадобилось вести танки на артиллерийский огонь. Непонятно, можно было танки подвести по юго-западным скатам. Но дело, видимо, не в том, где их вести, а главное, вести нечего Вам, все расстрепали. Если так легкомысленно будут бросаться танки, как до сих пор Вы бросаете на нерасстроенную систему огня, ничего у Вас не выйдет. Непонятно мне, для чего у Вас врываются танки наподобие: ворвались в Гореловский, ворвались в Малиновский, а пехота оказывается отбита

организованной системой огня. Азбучная истина обязывает: прежде чем бросить танки, нужно подавить систему огня, а только тогда бросать танки. А у Вас делается наоборот. Вам об этом неоднократно давалось указание, но, видимо, до сих пор эти элементарные истины не поняты, и танки продолжают гибнуть без всякой пользы. Бросание танков без подавления системы огня противника я считаю АВАНТЮРОЙ. Виновников гибели танков, танкистов, безусловно, надо судить». <...>

Наступал последний этап сражения, довольно похожий на 12-й раунд боксерского поединка, когда измотанные до предела соперники, столкнувшись лбами и еле стоя на ногах, из последних сил наносят друг другу редкие удары. Обе стороны бросали в бой последние резервы. В 50-й армии задачу основной ударной силы в решающем штурме высоты 269,8 должны были сыграть стрелковые полки 58-й стрелковой дивизии, поддержанные несколькими оставшимися на ходу танками 11-й танковой бригады. 58-я стрелковая дивизия снималась с участка юго-западнее Фомино 1-го и вводилась на стыке между 146-й и 298-й стрелковыми дивизиями (сектор действия 298-й стрелковой дивизии смещался к юго-западу от высоты 269,8), которые вместе с остальными дивизиями ударной группы и остатками танковых бригад должны были поддержать наступление, хотя бы сковывающими силы противника атаками.

Полностью укомплектованная личным составом 69-я стрелковая дивизия, сосредоточенная северо-восточнее поселка Барятино, наступательной задачи не получила, и вот почему:

«Жуков. Приведена ли в порядок 69?»

Болдин. 69 для ввода в бой еще не готова. При Вашей помощи за трое суток можно будет привести в боеготовность. До сего времени нет полностью кожаной обуви и не подошел колесный обоз. По вашему приказанию за две ночи самолетами подбросили около 4000 пар обуви. Командование к отправлению на фронт дивизии отнеслось безобразно, отправило дивизию небоеспособную.

Жуков. Я слышал об этом уже не раз, не повторяйте». <...>

К трудностям в дивизии с материальным обеспечением можно добавить еще одну серьезную проблему: в 69-й стрелковой дивизии, формирование которой проходило в Ташкенте, большая часть рядового и сержантского состава имела минимальную боевую подготовку, многие бойцы не понимали команд на русском языке. Поэтому дивизию поставили на прикрытие левого фланга в районе Лоцихино — Яковлевка, и в последнем наступательном рывке, планируемом на 20-е числа апреля, она участия не приняла.

В конце переговоров 20 апреля генерал-лейтенант Болдин получил от Георгия Константиновича следующие установки: *«...в заключение я хочу Вас последний раз предупредить о самом важном. Вы должны разбить противника и закрепиться на шоссе не позже исхода 21. Вечером 22 будет уже поздно. Все. Сегодня вы потратите день на тщательную организацию боя. До свидания».*

20 апреля штабом армии, «тратившим день на тщательную организацию боя», был отдан боевой приказ № 72, отличавшийся от предыдущих меньшей амбициозностью поставленных перед частями задач:

«Части 146 СД с 108 ТБР, 447АП РГК, 466 инж. батальоном, одним полком с 10 танками Т-60 (108 ТБР.) оборонять Фомино 1. Главными силами во взаимодействии с 173 СД, нанося удар левым флангом, должны овладеть Зайцевой горой и высотой 275,6. 58 СД с 11 ТБР, 76 АП РГК, 5 инж. батальоном ударом через высоту 269,8 должны овладеть Фомино 2. 239 СД с 112 ТБР во взаимодействии с 385 СД овладеть поселком Малиновским. 116 СД ближайшая задача овладеть п. Гореловский, 298 СД совместно с действиями 58 СД овладеть пос. Тычек и прочно закрепиться в этом пункте на северо-запад и юго-запад...»¹.

При сопоставлении текста армейского приказа с картой бросается в глаза, что тактическая глубина поставленной перед ударными частями задачи едва превышает три километра.

Вечером 21 апреля, уже после захода солнца, остатки 11-й танковой бригады сосредоточились на исходных по-

---

¹ Там же. Ф. 405. Оп. 9617. Д. 1. Л. 127–132.

зициях в районе западной окраины Фомино 1-го и в лесу, в двухстах метрах южнее разрушенной до основания деревни. Исправные танки 236-го и 11-го танковых батальонов были сведены в единую боевую группу в количестве семи машин Т-34.

Еще раньше начали подтягиваться к передовой танки из состава 108-й танковой бригады. Так, несколько машин Т-60 были заблаговременно зарыты в землю на северной окраине Фомино 1-го в качестве неподвижных огневых точек для поддержки пехоты в обороне опорного пункта. 20 апреля разведчики 31-й пехотной дивизии 43-го армейского корпуса засекли выдвижение из Козловки (1 км севернее д. Зимницы) в северном направлении четырех советских танков, каждый из которых сопровождался взводом пехоты. Это были снова легкие Т-60 108-й бригады, являвшиеся единственной машиной, которую можно было подтянуть по хлипким гатям через Шатино болото к позициям нашей пехоты у Строевки и Зайцевой Горы. Однако серьезного влияния на ход боя подброшенные танки не оказали.

20 апреля разведка 19-й танковой дивизии доложила, что из н.п. Сининка слышен шум моторов. Донесение было верным — из глубины к передовому наблюдательному пункту бригады подошли три Т-34 112-й танковой бригады, ближний лесной бой с которыми не заставит себя долго ждать.

К утру 22 апреля стянутые к передовым позициям силы 50-й армии были готовы к мощному броску. Состав главной ударной группировки выглядел следующим образом: на левом фланге костяк атакующей группы составляли 335-й и 270-й стрелковые полки потрепанной за предыдущую неделю боев меньше остальных 58-й стрелковой дивизии. Поддержку им оказывали 7 танков Т-34 11-й танковой бригады и пехота 11-го мотострелкового батальона. 170-й стрелковый полк должен был атаковать во втором эшелоне, развивая достигнутый передовыми частями успех. Правее к атаке на Фомино 2-е через высоту 235,5 изготовились бойцы 698-го стрелкового полка 146-й стрелковой дивизии, их должны были поддерживать 4 танка и мотострелковая рота

108-й танковой бригады. Ремонтникам бригады удалось привести в боеготовое состояние две «тридцатьчетверки», находившиеся в ремонте на 19 апреля, и все 4 танка, атаковавшие 22 апреля Фомино 2-е, были, как и в 11-й танковой бригаде, модели Т-34.

В 2.00 22 апреля начался мощный артудар по позициям противника на высоте 269,8, в Фомино 2-м и Зайцевой Горе. За время короткой передышки наконец-то удалось подвести достаточное количество боеприпасов для артбатареи, поэтому все подключенные к обстрелу артполки работали с максимальной интенсивностью, не давая вражеской пехоте поднять головы. В 2.15 под прикрытием артогня в ночную атаку на южных скатах высоты 269,8-й перешли части 58-й стрелковой дивизии и 11-й танковой бригады. Слева частными атаками сковывали противника части 298-й и 290-й дивизий. В 3.00 к бою подключились 698-й стрелковый полк 146-й стрелковой дивизии и 108-я танковая бригада. Подойдя к высоте 235,5, они завязали ближний бой с противником, медленно отесняя его на север к Фомино 2-му. К 8.00 этой группе удалось выбить немецкую пехоту с гребня высоты 235,5. Однако дальше здесь продвинуться не удалось — атаковавших накрыл ураганный пулеметный огонь немцев с южной оконечности Фомино 2-го. Вскоре удар немецких пикирующих бомбардировщиков и усилившийся артогонь заставили нашу пехоту и поддерживавшие ее танки оставить гребень высоты 235,5 и отойти на исходные позиции у Фомино 1-го.

Тем временем на участке основного удара наших частей бой только разгорался. Штурм высоты 269,8 затянулся, ценой огромных потерь пехотинцы 270-го и 335-го полков, поддерживаемые «тридцатьчетверками», медленно вгрызались во вражескую оборону на высоте. Несмотря на явное неравенство сил, немецкие пехотинцы обороняли позиции с не меньшим упорством, но все-таки медленно отступали.

В середине дня отброшенный противник при поддержке нескольких танков предпринял попытку контратаковать. Немцы пытались классической для них тактикой «коротких» контратак пехотных подразделений, поддержанных бронетехникой, восстановить положение, однако тщетно.

Не помог даже бомбовый удар группы Ju-87, выполненный в шесть заходов непосредственно перед началом атаки.

Для парирования удара противника и удержания захваченных позиций в пекло боя был брошен последний советский тактический резерв на этом участке фронта — 170-й стрелковый полк 58-й стрелковой дивизии. Усиление нашей ударной группы на высоте 269,8 еще одним стрелковым полком возымело должный эффект — немецкая контратака была с огромными потерями у обеих сторон отбита, бой на время принял позиционный характер, превратившись в перестрелку.

Наспех подготовленные «тридцатьчетверки» в этом бою одна за другой выходили из строя из-за поломок изношенных за месяц активных действий агрегатов. От снарядов немецких противотанковых орудий и контратаковавших танков противника серьезно пострадали два Т-34. Случилось это при следующих обстоятельствах: в разгар боя за гребень высоты наши пехотинцы, попавшие под сильный огонь контратаковавшего противника, были вынуждены отойти на несколько десятков метров, оставив танки на нейтральной полосе без пехотного прикрытия. Воспользовавшись ситуацией, немецкие танки и противотанковая артиллерия огнем прямой наводкой поразили две бронированные цели, удачно вписавшиеся в перекрестие прицелов. На этом советский наступательный порыв иссяк, превратившись в позиционную перестрелку.

В 27-м танковом полку вермахта дела обстояли не лучше — готовы к бою были лишь несколько танков, которые только с большой натяжкой можно было называть исправными. Личный состав частей противника в неменьшей степени, чем в советских дивизиях, был измотан в непрерывных боях.

Но тем не менее более тактически гибкие и свободные от воли вышестоящего начальства немецкие генералы и лично командир — теперь уже исключительно формально считавшегося танковым — 40-го танкового корпуса генерал Георг Штумме осмелились на последнюю в этой схватке атаку по захвату гребня высоты 269,8. С немецкой педантичностью в штабах за несколько часов недлинной весенней ночи был

разработан план атаки, практически поминутно согласованы действия с командирами штурмовой авиации, проработаны координаты целей, сигналы вызова и прекращения огня с артиллеристами корпуса всех уровней.

Образно выражаясь, к утру 23 апреля 1942 года именно противнику, а не нашим частям, удалось собрать разношерстные подразделения в кулак, пусть слабо сжатый, с окровавленными и переломанными пальцами, но все-таки пригодный для одного-единственного завершающего сражение удара.

Для стрелковых полков 58-й и 298-й советских дивизий утро 23 апреля началось с мощной артиллерийско-минометной подготовки и завершившего артналет авиаудара по их позициям примерно двадцати немецких пикирующих бомбардировщиков, «ювелирно» и безнаказанно отбомбившихся по их позициям. От мастерства бомбометания пилотов Люфтваффе напрямую зависела жизнь немецких пехотинцев, окопавшихся в обороне в 100—150 метрах от передовых ячеек советской пехоты.

После бомбардировки основная мощь огня артиллерии и минометов противника была перенесена в глубину и на фланги — то есть на позиции основательно потрепанных и практически небоеспособных 146-й и 290-й советских стрелковых дивизий у Фомино 1-го и в лесном массиве к юго-западу от высоты 269,8 соответственно. Сразу после переноса огня перешли в атаку остатки пехотных подразделений 10-й моторизованной дивизии и вся остававшаяся на ходу бронетехника противника, сведенные в ударную группу еще до рассвета.

Бойцы 58-й стрелковой дивизии за ночь не успели как следует окопаться и организовать устойчивую оборону, тем более что грунт на высоте 269,8 непохож на рыхлый песочек — это тяжелая белая глина вперемешку с камнями. Противотанковая артиллерия наших частей состояла всего из нескольких «сорокапятков», вручную в ходе боя и ночью подтащенных к передовой, наспех замаскированных и почти не окопанных.

Поэтому немецкая контратака имела успех — пехота в тесном взаимодействии с танками вытеснила наши подраз-

деления с захваченных накануне позиций, гребень высоты в очередной раз оказался в руках врага. Однако 170, 270 и 335-й советские стрелковые полки смогли остановить атаку противника на скатах высоты, пехота 58-й стрелковой дивизии окопалась немногим более чем в ста метрах от гребня.

Вскоре после затухания боя на высоте 269,8 командующий 50-й армией с одобрения штаба Западного фронта отдал приказ о полном прекращении наступательных действий и переходе к обороне по всему фронту армии. Но большинство красноармейцев, участвовавших в лютых весенних боях, не смогли выполнить этот приказ командиров — они навсегда остались лежать в липком месиве из снега и земли, истерзанной железом и свинцом, усыпанной гильзами, обрывками шинелей, искореженным оружием и амуницией и еще многими тоннами «мусора войны». *«Всюду убитые, убитые, куда ни кинешь взгляд, тут же в грязи ворочаются раненые. Особенно мне запомнился один из них, мимо которого я пробежал. Это был солдат лет пятидесяти, превратившийся в ком сплошной грязи, только покрасневшие глаза блестели да зубы белели на черном фоне»*¹.

День 23 апреля стал завершающим оборотом маховика смерти, вращавшегося у Варшавского шоссе почти четыре месяца на максимальных оборотах.

Начиная с 24 апреля отдельные части 19-й танковой дивизии противника начали выводиться из своего сектора обороны. Полностью моторизованное и отлично вооруженное подразделение, инструмент блицкрига, теперь уже мало походило на то, чем оно было всего несколько месяцев назад: дивизия оставалась танковой лишь на словах — от 228 танков, 22 июня 1941 года победоносно ворвавшихся на советскую территорию, после десяти месяцев ожесточенных боев в Белоруссии, на Смоленщине и в Подмоскowie осталось количество, которое легко можно было сосчитать на пальцах рук. Ремонтные роты и взводы оказались

---

¹ [Набатов О.А.] Брянск — Тула — Берлин — Эльба (боевой путь 290-й стрелковой дивизии): Воспоминания бойца разведвзвода 290-й СД Олега Андреевича Набатова. М., 1996.

заваленными поврежденной в бою бронетехникой. Часть танков нуждалась в долгосрочном ремонте, для их восстановления требовалось перебросить поврежденные машины на ремонтные базы 4-й армии либо группы армий «Центр». Наиболее сильно пострадавшие танки, эвакуированные с передовой, требовали или списания в безвозвратные потери, или же отправки на ремонт в Германию (у противника это также считалось безвозвратной потерей) — в этом случае возвращение машин в строй по крайней мере до лета 1942 года было нереальным. Два мотопехотных полка дивизии поредели до численности неполного батальона.

В ходе проведения археологических раскопок на местах сражений были обнаружены фрагменты двух Pz 38(t): детали первого танка были найдены непосредственно на гребне высоты 269,8; второго — примерно в километре западнее в долине ручья Святой Колодезь. Находит археологическое подтверждение и уничтожение немецкой противотанковой пушки РАК 38 в Фомино 1-м. Таким образом, можно утверждать, что наши части уничтожили у высоты 269,8 как минимум два легких танка противника и одно противотанковое орудие. И это только на участке фронта протяженностью немногим более километра; общее же количество техники и вооружения, безвозвратно потерянных немецкими частями в ходе четырехмесячного сражения у шоссе, больше во много раз.

Потери в людях немецких дивизий, противостоявших советскому наступлению на Вязьму с юга, также были немалыми. Так, например, в начале мая в 41-м моторизованном полку 10-й моторизованной дивизии, отводимом с позиций у Фомино, числилось всего 6 офицеров, 20 унтер-офицеров и 137 рядовых, остальные пехотинцы моторизованного полка к этому времени лежали либо на госпитальных койках, либо в могилах. Ненамного большей к началу мая была численность пехотных полков в 19-й танковой, 331-й, 31-й пехотных дивизиях противника.

После того как гребень и большая часть высоты 269,8 23 апреля во второй раз были утрачены советскими частями, наступление ударной группы 50-й армии, утопавшее в грязи, наконец, было прекращено. Части 4-го

воздушно-десантного корпуса и опергруппы Белова также прекратили наступательные действия и, избегая ударов с флангов, отошли на несколько километров назад. С этого дня Ржевско-Вяземскую стратегическую наступательную операцию можно считать завершённой, города, давшие название операции, так и не удалось освободить от немцев — удержав ключевые позиции, они не позволили себя окружить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты последнего месяца периодически ослабевавших, а после разгоравшихся с еще большей силой боев у Варшавского шоссе в районе Прасоловка — Фомино — Зайцева Гора оказались более чем скромными: понесены огромные потери, части 50-й армии так и не смогли до конца взломать немецкую оборону в указанном районе и соединиться с десантным корпусом Казанкина и частями опергруппы Белова, наступавшими навстречу. Внушительные танковые силы армии Болдина, которые после прорыва должны были стремительно продвинуться к Вязме, полностью утратили боеспособность и выводились из первой линии. Потерявшие большую часть пехоты стрелковые дивизии также были более не способны к наступательным действиям и оставшимися силами закреплялись на достигнутых в ходе наступления рубежах.

49-я и 43-я армии Западного фронта также не продвинулись вперед и в 20-х числах апреля перешли к обороне. 43-я и восточная группа 33-й армии не смогли очистить пути снабжения западной группы 33-й армии, которая после неудачи последней отчаянной попытки прорыва на восток к 18 апреля была полностью уничтожена противником.

5-я армия, получившая очень схожую с поставленной в январе перед 33-й армией задачу, состоявшую в прорыве гжатского оборонительного рубежа и нанесении лобового удара по району Вязмы, не смогла продвинуться вперед и взломать вражескую оборону у города Гжатск.

В полосе Калининского фронта 22, 29, 30, 31 и 39-я армии также не смогли выполнить поставленные задачи по

захвату районов городов Ржев, Зубцов и Оленино и остановились на достигнутых рубежах.

Наступление распутицы, превратившей грунтовые дороги в непроходимую грязь, а поля и луга в подобие болот, с обычными для нее разливами ручейков и рек, во многих местах срывавших ненадежные мосты, дало оставшимся в живых солдатам долгожданную возможность отдохнуть от нескончаемых боев.

Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция была свернута. Задачи, неоднократно ставившиеся Ставкой ВГК фронтам, так и не были выполнены: планы советского командования по глубокому охвату и окружению немецких войск на гигантской территории от Ржева до Юхнова так и не претворились в жизнь.

Немецкие войска, хотя и отошли от советской столицы на многие десятки и сотни километров, все же смогли избежать полного разгрома и добились относительной стабилизации на центральном участке советско-германского фронта. Части противника теперь испытывали острый дефицит живой силы, из-за которого приходилось сокращать штатную численность подразделений. Согласно данным, опубликованным все в том же дневнике начальника немецкого Генерального штаба Сухопутных войск, к 25 апреля 1942 года вермахт и войска СС потеряли на Восточном фронте в общей сложности 1 148 954 человека. Потери Красной Армии в зимнем контрнаступлении до сих пор являются объектом жарких дискуссий.

К моменту наступления короткого затишья в центре советско-германского фронта прошло еще немногим более трехсот дней войны, до ее конца оставалось три тяжелейших года, каждый день которых будет полон смерти, страданий и ужаса самой страшной катастрофы в истории человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Базов В.В., Субботина Е.Н., Медведева Н.Л.* Отстоим Москву: Боевые действия 290-й стрелковой дивизии. М., 2004.
- Бауэр А.А.* Киров: Город-труженик, город-воин. Кировский район в годы ВОВ 1941–1945 гг. Киров, 2000.
- Бирюков Н.И.* Танки – фронту! Записки советского генерала. Смоленск, 2005.
- Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1961.
- Военно-исторический архив. М., 2005. Вып. 3.
- Гальдер Ф.* Военный дневник: Лето 1942 года. Смоленск, 2004.
- Герасимова С.А.* Ржев 1942: Позиционная бойня. М., 2007.
- Голиков Ф.И.* В Московской битве: Записки командарма. М., 1967.
- Гроссманн Х.* Ржев – краеугольный камень Восточного фронта. Ржев, 1996.
- Гудериан Г.* Танки вперед! (Пер. с нем.) Смоленск, 2003.
- Деев В., Петренко Р.* Простреленные километры (документальная повесть). Фрунзе, 1973.
- Жилин В.А., Греджев В.А., Сапрыкин М.А., Черногор В.Ю., Широков В.Л.* Битва под Москвой: Хроника, факты, люди. Книга вторая. М., 2002.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1971.
- Зефилов М.В.* Штурмовая авиация Люфтваффе. М., 2003.
- Ильюшечкин А.А., Мосягин М.Н.* Зайцева Гора. Магадан, 2008.
- Исаев А.В.* Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.
- Кариус О.* Тигры в грязи: Воспоминания немецкого танкиста. М.: 2005.
- Ковтун И.* Дивизия СС «Мертвая голова»: История Третьей танковой дивизии войск СС. М., 2006.
- Куровски Ф.* 500 танковых атак. Лучшие асы Панцерваффе / Пер. с англ. П. Смирнова. М., 2007.
- Куровски Ф.* Штурмгешютц в бою. М., 2007.
- Макаренко Я.И., Муханов Л.Ф.* Угранский набат. М., 1980.

- Михеенков С.Е.* В донесениях не сообщалось... Жизнь и смерть солдата Великой Отечественной. 1941–1945. М., 2009.
- Морозов М., Платонов А., Гончаров В.* Десанты Великой Отечественной войны. М., 2008.
- Набатов О.А.* Брянск – Тула – Берлин – Эльба. Боевой путь 290-й стрелковой дивизии. М., 1996.
- Панков Ф.Д.* Огненные рубежи. М., 1984.
- Прудников В.* Стальной ураган. М., 2008.
- Романов И.М.* Это было (машинописная рукопись). Казань, 1971.
- Сапожников В.В.* Уходя в поисковые дали. Калуга, 2003.
- Сборник материалов по изучению опыта войны. М., 1943. № 5.
- Тимошин В.С.* В годы суровых испытаний. Барятинский район в годы ВОВ. Калуга, 2004.
- Шапошников Б.М.* Битва за Москву. Версия Генерального штаба. М., 2005.
- Hinze R.* Die 19 Panzer-Division 1939–1945. Bewaffnung.Einsatz. Manner Einsatz 1941–1945 in Rusland. 2003.
- Jenner M.* Die Geschichte der 216/272 Infanterie -Division 1939–1945. Dorfler. 2005.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

А — армия
АК — армейский корпус (нем.)
АП — артиллерийский полк
ВГК — Верховное Главнокомандование
ВДБР — воздушно-десантная бригада (сов.)
ВДК — воздушно-десантный корпус (сов.)
ВДП — воздушно-десантный полк (сов.)
выс. — высота
д. — деревня
ДЗОТ — дерево-земляная огневая точка
ДОТ — долговременная огневая точка
ИАП — истребительный авиационный полк (сов.)
КД — кавалерийская дивизия (сов.)
КК — кавалерийский корпус (сов.)
ЛБАП — легкий бомбардировочный авиаполк (сов.)
МД — моторизованная дивизия (нем.)
МП — моторизованный полк (нем.)
н.п. — населенный пункт
ПД — пехотная дивизия (нем.)
ПП — пехотный полк (нем.)
п. — поселок
р. — река
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РГК — резерв Главнокомандования
СП — стрелковый полк (сов.)
СД — стрелковая дивизия
ТБР — танковая бригада (сов.)

ТБ — танковый полк (сов.)

ТК — танковый корпус (нем.)

ТД — танковая дивизия (нем.)

ТП — танковый полк (нем.)

ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга является плодом многолетнего кропотливого труда авторов по сбору, обобщению и анализу информации. В создании работы кроме авторов принимали участие и другие небезразличные к истории России люди, оказавшие неоценимую помощь.

Поэтому мы считаем своим долгом выразить глубочайшую признательность и еще раз поблагодарить всех, кто помог нам в создании книги.

Максима Николаевича МОСЯГИНА — за предоставление архивных материалов, эксклюзивных дневников участников событий, помощь в работе со схемами и фотографиями и неоценимую товарищескую поддержку.

Сергея Викторовича СЕВЕРИНА — за помощь в анализе информации, предоставление материалов ЦАМО и моральную поддержку.

Александра Андреевича ПОДМАРКОВА — за предоставление копий материалов, хранящихся в фондах Бундесархива.

Александра Владимировича БУРАКОВА — за предоставление материалов фондов Российской государственной библиотеки.

Дмитрия Павловича КЛЕВЕНСКОГО — за авторский перевод текстов с немецкого.

Тамару Ивановну РОКАШ — за предоставление неопубликованных дневников, мемуаров ветеранов и других ценных материалов.

Андрея Анатольевича БАУЭРА — за предоставленную литературу.

А также Романа Александровича БАРАНОВА и Дмитрия Валерьевича ФИЛАТОВА — за техническую помощь и дружескую поддержку в работе.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава первая. ПРОРЫВЫ	12
«Тайфун» наоборот	12
Броски к Вязьме. Первый штурм немецкой оборонительной линии вдоль Варшавского шоссе	36
Крылатая пехота. Удар из глубины	47
«Брешь к северу от Медыни». Прорыв 33-й армии севернее Юхнова	64
Глава вторая. «КОТЛЫ». ШАГ НАЗАД	70
Отсечение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 33-й армии от тылов. Завязка битвы за Вязьму	70
Провал первого штурма шоссе. Окружение части сил 50-й армии	80
«Котел» под Ржевом. Демянский ответ	92
Глава третья. НОВЫЕ УДАРЫ	98
10-я армия выходит к Фомино	98
Встречные наступления. Второй штурм шоссе	109
Агония битвы за Вязьму. Попытки обхода с запада	126
Белов поворачивает на юг	139
Глава четвертая. ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ	146
Мартовское обострение	146
Группа «Хаазе» выходит из окружения	171
Апогей	175
Заключение	245
Список использованной литературы	247
Перечень сокращений, встречающихся в тексте	249
Послесловие	251

Научно-популярное издание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА**

**Северин Максим Сергеевич
Ильюшечкин Александр Александрович**

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ РЖЕВСКОЙ БИТВЫ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15

Для корреспонденции.
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 14.04.2010.
Формат 84×108^{1/32} Гарнитура «Ньютон»
Печать офсетная Усл. печ. л. 13,44
Тираж 5000 экз Зак № 22403

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

ISBN 978-5-699-42260-9

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Начало 1942 года. После поражения под Москвой немецкие части откатываются на запад. Центральный участок фронта буквально трещит по швам. Судьба Вермахта висит на волоске. Из Берлина несутся истерические приказы в духе «Ни шагу назад!». Кажется, еще одно усилие, еще один удар Красной Армии – и вражеская оборона рухнет. В этой ситуации советский Генштаб планирует грандиозное наступление, по своим масштабам превосходившее даже Сталинградскую операцию, – гигантские клещи Калининского и Западного фронтов должны сомкнуться в районе Вязьмы, отрезав и похоронив в «Ржевском котле» четыре немецкие армии! Если бы этот замысел удалось реализовать, Вермахт уже вряд ли оправился бы после столь сокрушительного разгрома, что означало коренной перелом в ходе Второй Мировой – вся война могла пойти по другому, гораздо более благоприятному для нас сценарию.

Почему этим надеждам так и не суждено было сбыться? По чьей вине операция закончилась провалом, а Красная Армия «завязла» под Ржевом на долгие пятнадцать месяцев? Кто в ответе за поражение и чудовищные потери? Как немцам удалось избежать разгрома и стабилизировать фронт? Почему наступление, которое могло стать величайшим триумфом советского оружия, вошло в историю как «Ржевская мясорубка»? Анализируя решающий момент Ржевской битвы, эта книга отвечает на самые сложные и болезненные вопросы истории Великой Отечественной войны.

ISBN 978-5-699-42260-9

9 785699 422609 >